

Зарубежные
авторы

ПО
СОВЕТСКОМУ
СОЮЗУ

* ГАРОЛЬД ГРИФФИН

* ФРИДРИХ ХИТЦЕР

ИЗДАТЕЛЬСТВО
• ПРОГРЕСС •

Издательство «Прогресс» выпускает на иностранных языках книги серии «Свидетельства об СССР», которые адресованы зарубежному читателю. Авторы книг этой серии — посетившие СССР прогрессивные журналисты, писатели, общественные и политические деятели из различных стран — рассказывают, что они видели в нашей стране, о своих встречах с советскими людьми, о различных сторонах жизни общества развитого социализма.

В сборниках «По Советскому Союзу» книги этой серии в переводе на русский язык в сокращенном виде предлагаются вниманию советского читателя. Сокращения сделаны в основном за счет приводимых авторами общих сведений об СССР, фактических данных по истории, политике, экономике, культуре, которые, несомненно, интересны для зарубежного читателя, но хорошо известны каждому советскому человеку. Хотя в этих книгах, возможно, много общеизвестного, тем не менее наш читатель с интересом прочтет о личных, непосредственных впечатлениях иностранных авторов о Советском Союзе, о том, какой они видят и как воспринимают советскую действительность.

СВИДЕТЕЛЬСТВА ОБ СССР

Зарубежные
авторы

ГАРОЛЬД ГРИФФИН **СОВЕТСКИЕ
РУБЕЖИ
БУДУЩЕГО**

ФРИДРИХ ХИТЦЕР **СИБИРСКОЕ
ЛЕТО**

ПО СОВЕТСКОМУ СОЮЗУ

МОСКВА
·ПРОГРЕСС·1983

© Перевод на русский язык издательство «Прогресс», 1983

П $\frac{11301-134}{006(01)-83}$ 24-83

0802010203

ПРЕДИСЛОВИЕ

О Сибири написаны тысячи книг. Появление любого нового произведения чревато опасностью повтора, перепева уже освоенных тем. Поэтому новую книгу о Сибири всегда берешь в руки с некоторым и любопытством и опасением.

* * *

Книга Гарольда Гриффина «Советские рубежи будущего» с первых же страниц привлекает внимание читателя в силу двух обстоятельств. Ее автор — историк, и именно в силу исторического взгляда на многие явления сегодняшнего дня его книга обретает своеобразную объемность. Это касается и советско-канадских отношений, и развития сегодняшней Сибири, показанного в ретроспективе. Второе — и оно придает повествованию, пожалуй, уже не просто объемность, но и стереоскопичность — связано с тем, что Гриффин рассматривает проблемы развития Советского Севера в сравнении с тем, как аналогичные проблемы решаются в его стране. Разумеется, между северными районами Сибири и Канады много общего и географически, и климатически, и исторически. Умелый социальный анализ, лишенный нажима и поверхностной категоричности, позволяет объективно взглянуть на многие стороны нашей жизни, наши достижения и наши проблемы.

От двух людей, с которыми судьба свела Гарольда Гриффина в разное время, он (а вместе с ним и мы) узнает кое-что о Сибири. Мегис Том, охотник по профессии, рассказывает ему о том, как в 1919 году он побывал в Сибири с канадским экспедиционным корпусом. Гриффин оговаривается, что «для меня и Тома Сибирь, которая по территории немного превосходит Канаду, не разделялась тогда на приморские райо-

ны Дальнего Востока и собственно Сибири, а казалась огромным единым краем, протянувшимся от побережья Тихого океана до Уральских гор». Рыбак Джек Треливинг рассказал о борьбе канадских профсоюзов в 1918—1919 годах за прекращение интервенции против молодой Советской республики, за возвращение канадских солдат домой из Сибири. Эпизоды, подобные этим, разбросаны по всему повествованию. Однако автор использует их отнюдь не для поддержания, так сказать, читательского интереса. Нет, он делает это для того, чтобы показать неизменный политический курс тех сил, которые на всех этапах существования Советского Союза пытались любыми средствами — от экономических санкций до прямого вооруженного вмешательства — уничтожить нашу страну. Год 1943-й. Автор совершает путешествие по Северо-Западным территориям, Юкону и Аляске. Он собирает материал для своей новой книги. В Фэрбенксе он узнает, что там находятся советские пилоты. Их задача — перегонять американские самолеты через Аляску и Сибирь на советско-германский фронт. «Но даже в то время, — пишет Гарольд Гриффин, — когда советские летчики гибли в сталинградском небе и судьбы мира оставались неясными, встречались носители вируса будущей «холодной войны», которые громогласно предрекали, что когда-нибудь русские вернутся на американских самолетах и будут бомбить города Аляски». Именно этот «вирус», носящий весьма четко выраженный классовый характер, вызывал и сразу после второй мировой войны, и в конце 70-х — начале 80-х годов приступы и даже эпидемии антисоветской истерии.

В одной из центральных советских газет был опубликован отрывок из нового романа Юрия Рытхзу о сотрудничестве СССР с Западом в освоении Северного Ледовитого океана. В частности, в нем говорилось о возможном строительстве железнодорожного моста через Берингов пролив. Читатель книги Гриффина с понятным интересом узнает о том, что в конце прошлого века между русскими и американцами обсуждался проект строительства железной дороги Канада — Аляска — Сибирь. И сегодня грандиозные проекты, предполагающие экономическое сотрудничество многих государств на благо человечества, выдвигаются и обсуждаются учеными и строителями. Достаточно упомянуть здесь о дерзновенном предложении строительства 85-километровой дамбы через Берингов пролив для решения многих экономических задач.

Гарольд Гриффин начал свою поездку по Сибири из Тюмени, куда он прилетел из Москвы. И хотя это была его четвертая поездка в СССР, в Сибири он оказался впервые. Конечно же, историка Гарольда Гриффина интересуют и великий поход Ермака, и сравнительные темпы освоения Сибири и Канады в XVI—XVII веках, и изучение Сибири-сылки — Сибири-тюрьмы в дореволюционной России. Жестоким и справедливым обвинением царизму, в частности, явилась книга Джорджа Кеннана «Сибирь и ссылка», которая вышла в США и Англии в 1891 году, а затем многократно переиздавалась. На фоне визита в городской музей, где историк Гриффин знакомит читателя со старой Тюменью, особенно ярко и внушительно выглядит Тюмень сегодняшняя, с которой читателя знакомит Гриффин-журналист. Правда, он не рисует все одной только розовой краской. Ему не нравятся узкие улицы, старые дома, грязные дороги. Он не обходит острые проблемы, как, впрочем, и не упускает

случая провести аналогии с канадской действительностью — сегодняшней, вчерашней, позавчерашней.

Сильная сторона его творчества — историко-социальный анализ. Именно здесь он добивается наибольшего успеха, именно этому посвящены лучшие страницы книги. Так, автор энергично полемизирует с теми иностранными писателями, которые, посетив Новосибирск, называли его сибирским Чикаго. Только потому, что Чикаго — большой промышленный город и, как и Новосибирск, — крупный железнодорожный узел? Мне довелось несколько раз бывать в Чикаго, и я полностью разделяю точку зрения Гарольда Гриффина. Тем более что, описывая Новосибирск, он показывает характерные черты нового города новой общественной формации, созданного рабочим классом — и для себя.

Пожалуй, все знают сибирскую поговорку: пролетая над Сибирью, бог отморозил себе пальцы и выронил все свои сокровища. Но далеко не все знают, сколь велики оказались эти «сокровища». Задача состоит в выборе оптимального варианта их реализации, то есть экономически рационального освоения гигантской территории. Этим занимаются и плановые органы, и геологи, и строители, и целая армия ученых. Побывав в Академгородке под Новосибирском, Гриффин запишет потом, что он «больше, чем какие-либо другие достижения, подчеркивает разницу между старой и новой Сибирью».

Новая Сибирь... Это и Нижневартовск, город, в котором средний возраст жителей равен 28 годам, это и БАМ, о котором, к сожалению, «очень немногие знают в Канаде и США». Почему? Да потому, что большинство органов массовой информации Запада замалчивают эту гигантскую стройку. Это и Мирный, в котором «все окна на юг», и прообраз будущего — экспериментальный поселок Удачный, это и Вилюйская электростанция с ее необычной земляной плотиной, где земля и камень сцементированы вечной мерзлотой, и многое, многое другое.

Книга канадского поэта и писателя, историка и журналиста Гарольда Гриффина добра и оптимистична. Да-да, я не оговорился, именно поэта, ибо, кроме трех журналистских книг по истории и современной Канаде, Гарольд Гриффин выпустил три поэтических сборника, которые были переведены на ряд иностранных языков. Вообще жизнь этого человека интересна и поучительна. Более полувека он редактировал такие еженедельные издания, как «Пасифик трибюн» и «Фишермен». Последний является органом профсоюза рыбаков и рабочих родственников профессий. Кстати, этот профсоюз удостоил Гриффина чести быть его пожизненным членом. Правда, родился Гарольд Гриффин в Лондоне, где в возрасте пятнадцати лет начал карьеру репортера. Однако через три года он оставил Флит-стрит и эмигрировал в Канаду. Там он работает в ежедневных газетах и становится активным деятелем профсоюзного движения. В период «великой депрессии» 1929—1933 годов он был рыбаком, работал шахтером на золотых приисках. Поэтому для него визит в Бодайбо — центр Ленских золотых приисков — явился вовсе не прогулкой любопытствующего иностранца. «Мне всегда хочется побывать на приисках, — пишет он, — познакомиться с их историей и технологией золотодобычи».

Гриффин, писатель и журналист, затрагивает вопрос о технической оснащенности сибирских предприятий: от золотых приисков до нефтяных разработок. В подавляющем большинстве случаев здесь работает

советская техника. Работает отлично. Однако есть техника и иностранная. Например, гусеничные тракторы и рудовозы. В этой связи хотелось бы сказать несколько слов об экономических санкциях администрации Рейгана, направленных на срыв строительства газопровода «Сибирь — Западная Европа». Свое путешествие по Сибири Гарольд Гриффин предпринял осенью 1980 года, как раз тогда, когда нынешнее американское правительство находилось еще, так сказать, в избирательных урнах. Однако все, что увидел в Сибири канадский писатель, является свидетельством бесплодности любых попыток Запада помешать нашему экономическому прогрессу. Никакие санкции не способны задержать, а тем более сорвать строительство газопровода. Гарольд Гриффин в своей книге приводит весьма показательный пример. В свое время горнодобывающий синдикат «Де Бирс» отказал нам в технических алмазах. Результат? Активизация разработки месторождений в Мирном, где, по свидетельству автора, работает сегодня «фабрика № 3 — одно из крупнейших предприятий по обработке кимберлита в мире».

В 1971 году в Сибири побывал канадский министр Жан Кретьен. Вот что он сказал перед отъездом на родину: «Повсюду, где бы мы ни побывали в Сибири, мы становились свидетелями прогресса XX века». Книга Гарольда Гриффина является конкретным и наглядным тому свидетельством.

Мирный — Новосибирск — Ашхабад — таков был заключительный этап четвертого путешествия по СССР Гарольда Гриффина.

Если в районах Севера и Сибири жизнь — это тепло, то в районах Советской Средней Азии, и в частности в Туркмении, жизнь — это вода. Гриффин неназойливо показывает взаимосвязь и взаимозависимость многих явлений в жизни. В 1954 году началось строительство Каракумского канала. Затем в пустыне Каракумы находят месторождение нефти и газа. Канал дал щедрый урожай, но, по заявлению ученых туркменского Института пустынь, к 2000 году водные запасы республики будут истощены. Выход? Подать воду из Сибири, которая имеет ее в изобилии. Проект переброски сибирских вод (и не только в Туркмению) — проблема сложнейшая. У нее много сторонников и противников. Более того, она затрагивает экологически интересы не только Советского Союза, но и многих других государств. Этой проблеме посвящена глава в книге Гарольда Гриффина. Что же касается собственно Сибири, то, если будет у нее взято слишком много воды, это отрицательно скажется на климате, флоре и фауне, на всем комплексе жизни. Однако оптимальное решение проблемы воды для Туркмении разрабатывается в едином всесоюзном комплексе и будет найдено без ущерба для других областей.

Гриффин побывал в двух туркменских колхозах. Его впечатления от этих поездок представляют интерес именно сегодня, когда наше сельское хозяйство активно приступило к реализации Продовольственной программы, намеченной майским (1982 года) Пленумом ЦК КПСС. «Масштабы и состояние дел в обоих хозяйствах, — подчеркивает Гриффин, — свидетельствуют о беспочвенности распространяемых на Западе мифов о неэффективности советского сельского хозяйства».

Завершая книгу, автор рассказывает о своих встречах с советскими космонавтами, о посещении Звездного городка, размышляет о путях дальнейшего освоения космоса человечеством.

Во время моих поездок в Канаду я встречался с представителями

самых различных слоев населения этой большой, соседней с нами страны. Интерес к жизни в Стране Советов был всеобщим. И очень часто канадцы, мечтательно улыбаясь, говорили: «Как было бы здорово совершить путешествие по Транссибирской железной дороге и хотя бы из окна вагона посмотреть на вашу сказочную Сибирь». Именно поэтому я убежден, что книга Гарольда Гриффина будет с интересом и симпатией встречена канадским читателем. Что же касается читателя советского, то для него зарисовки Гарольда Гриффина будут любопытны как взгляд со стороны, взгляд умный, внимательный, доброжелательный.

Книга западногерманского писателя Фридриха Хитцера «Сибирское лето», как явствует из ее названия, тоже посвящена Сибири. Однако между путешествием Гарольда Гриффина и поездкой Фридриха Хитцера существует много различий. Канадец предпочел самолет, его немецкий собрат по профессии выбрал поезд. Гриффин путешествовал один, Хитцер — с женой. Кстати, Сильвели Хитцер во время поездки вела свой дневник, скупые выдержки из которого придают своеобразное очарование повествованию ее мужа. Кроме того, у Фридриха Хитцера огромное преимущество перед подавляющим большинством иностранцев, посещающих нашу страну. Заключается оно в том, что он свободно владеет русским языком. Как мне представляется, именно знанием русского языка (плюс, разумеется, писательский дар) можно объяснить глубокое проникновение Фридриха Хитцера в психологию тех людей, с которыми он встречается. А это в свою очередь помогает ему создавать выпуклые, запоминающиеся характеры.

Фридрих Хитцер относится к числу тех честных и трезвомыслящих немцев, которые обладают чувством исторической памяти. В книге много размышлений о преступлениях фашизма во время второй мировой войны. Фридриху Хитцеру было всего шесть лет, когда фашисты совершили вероломное нападение на Советский Союз. Ему неизмеримо тяжело сознавать, что именно «немцы поверили страшным сказкам о большевистской угрозе, напали на их страну и стали с беспримерной методичностью уничтожать жизнь и выжигать их землю». Поэтому рассказ Фридриха Хитцера о том, как незнакомая девочка в поезде дарит им, немцам, конфеты, воспринимаешь не как сентиментально-слезливый эпизод, а как осознание широты и доброты русского характера. Ведь дети существуют не сами по себе, они — слепок своего общества, его идеалов, его устремлений.

К сожалению, в ФРГ еще живуч лозунг о «русской угрозе». Недаром родственники и знакомые Фридриха Хитцера считали его сумасшедшим, когда он собирался предпринять путешествие в Сибирь.

Садясь в поезд «Москва — Новокузнецк», Хитцеры опасаются, что не найдут общего языка со своими соседями. Но опасения эти оказались напрасными. Русские и немцы обретают общий дом на колесах. Благодаря предприимчивости сопровождающего его журналиста Фридрих даже провел пресс-конференцию среди пассажиров. Хитцер интересуется судьбами людей, условиями их жизни, мнением по самым различным вопросам. Однако пресс-конференция не остается «улицей с односторонним движением». Советские люди задают писателю из ФРГ свои вопросы: почему фашисты распоясались? Почему существуют «запреты на про-

фессии»? Почему продолжается обольванивание людей жупелом «советской угрозы»? «Странно,— замечает Хитцер,— но именно сейчас захотелось, чтобы на моем месте оказались Штраус, Геншер...»

В книге есть несколько новелл о простых советских людях, с которыми в ходе путешествия по Сибири встречаются Фридрих и Сильвельи Хитцер. Сколько теплоты и симпатии вложил автор, например, в рассказ о проводнице Клаве. И получилось, на мой взгляд, переданное скупю, но умело повествование об одной человеческой судьбе, через которую рассматривается судьба поколения.

Оказавшись в Кузбассе, Фридрих Хитцер чувствует себя там чуть ли не старожилом. Еще бы! Он побывал там пять лет тому назад, все видел, оставил много друзей. Например, Петр Степаненко, заместитель секретаря парткома Западно-Сибирского металлургического комбината, на котором, как отмечает автор, трудятся русские, украинцы, армяне, грузины, белорусы, эстонцы, немцы, казахи, таджики, узбеки, шорцы и многие другие. Гости приехали в воскресенье, и Степаненко прямо с вокзала везет их в «Берендею», одну из здравниц Запсиба. Рабочие платят один рубль в день, остальное оплачивается профсоюзами. Когда вечером они возвращаются в город, перед ними возникает панорама завода, панорама «исполнина», который трудится вместе со всем Кузбассом, вместе со всей страной.

Изобретательность антисоветской пропаганды поистине безгранична. Всему миру известно, что в 1930 году была закрыта последняя биржа труда в СССР, и с тех пор в стране нет ни одного безработного. Однако на Западе не гнушаются никакими средствами, чтобы доказать обратное. Оказывается, у нас и штаты раздуты непомерно, и многое делается на холостом ходу, и хозяйство носит громоздкий, бюрократический характер. Разве это, мол, не скрытая безработица? «Однако никто,— пишет далее Хитцер,— какие бы убедительные доводы в пользу достижения экономики, организованной на частном принципе, он ни приводил, не может отрицать одного важного фактора труда в Советском Союзе: увольнения почти полностью исключены, трудящиеся не опасаются их». В полемике со своими оппонентами писатель приходит к выводу, что работа лишь тогда становится вдохновенным и радостным творчеством, когда над головою работающего не висит дамоклов меч безработицы. Он без колебаний отдает предпочтение фактору сознательности, а не фактору страха.

Вдохновение и радость — именно эти два ощущения выносишь от общения с героями книги Фридриха Хитцера. И тут уж не важно, какой пост они занимают. Скромная проводница и пенсионер, секретарь горкома партии и сталевар, преподаватель и шофер — все они трудятся во имя единой цели, все они товарищи в битве за коммунизм.

Иногда непосредственность, «лобовая» любознательность не могут не вызвать улыбки. Например, когда в разговоре с заслуженным шахтером он спрашивает, «за что дают Героя».

И тут же, буквально на следующей странице, глубокие, беспощадные в своей правдивости размышления о том, как старшее поколение в ФРГ, «которое молчало или замазало свастику «свободой и демократией», воспитало беспомощную молодежь в духе политического воздержания

или приспособления к «экономическому чуду». И старшие промолчали снова, когда в 1953 году запретили Союз свободной немецкой молодежи, а в 1956 году — Коммунистическую партию Германии — те организации, в которых отцы и дети принесли наибольшее количество жертв в борьбе против фашизма и войны». Нет, Фридрих Хитцер не может со всем этим согласиться, равно как он отвергает расхожий тезис о так называемой равной ответственности за преступления фашизма обманщиков и обманутых, судей и подсудимых, палачей и жертв. Страстно, взволнованно пишет автор о месте каждого человека в борьбе за будущее, об исторической ответственности целой нации и отдельной личности. И многое становится ясным немцу, который родился в Ульме на Дунае и живет сейчас в Мюнхене, который редактирует влиятельный журнал «Кюрбискерт» и является членом правления Баварского общества по развитию отношений между ФРГ и СССР. Ясным — после встреч с советскими людьми в Кузбассе и других местах, после откровенных разговоров с ними, острых диспутов и многочасовых дискуссий. Да, жизнь учит, жизнь преподносит приятные сюрпризы. Одним из таких приятных сюрпризов для Фридриха Хитцера была его встреча в Кемерове с экономистом С. Шнапиром. Шнапир был делегатом третьего съезда комсомола, слышал речь Ленина. Проблема отцов и детей — вот как она решалась большевиками:

«Когда оглядываешься назад,— рассказывал Хитцеру Шнапир,— и спрашиваешь себя, какую ориентацию получила молодежь, то понимаешь, что Ленин поставил перед ней созидательную задачу: учись, чтобы ты смог построить коммунизм. Впервые в истории человечества глава большого государства пришел к молодежи и сказал ей: вам сейчас 15—16 лет. Всю свою жизнь вы будете строить коммунизм, это будет цель вашей жизни...»

Другим приятным сюрпризом было знакомство с итальянским рабочим Альфредо Маури, которому удалось уйти от смертного приговора в Италии Муссолини и при посредничестве Луиджи Лонго приехать в Кузбасс и получить работу на Кузнецкстрое. Там Хитцер узнал и о немецких рабочих из Тура, которые прибыли туда работать в начале тридцатых годов. Он узнал об «Автономной индустриальной колонии Кузбасс» («АИК — Кузбасс»). Однако началось все это много раньше. В 1921 году 19 сентября В. И. Ленин писал секретарю ЦК ВКП(б) В. В. Куйбышеву о том, что его посетили представители группы американской рабочей колонии, желающие взять Надеждинский завод и ряд предприятий в Кузнецком бассейне в свои руки и восстановить. Ленин энергично поддержал этот проект. В январе 1922 года прибыла первая группа в 17 человек, к лету их насчитывалось уже 175. История «АИК — Кузбасс» являет собой незабываемый эпизод интернациональных связей, и Фридрих Хитцер тепло и взволнованно повествует об этом в своей книге.

* * *

В этой книге под одной обложкой опубликованы отрывки из двух произведений зарубежных авторов о Советском Союзе. Один из авторов — из Федеративной Республики Германии, другой — из Канады. Два разных языка. Два разных подхода к теме. Два разных стиля. И при всем

их различии — единство цели обоих авторов. Цель эта — служение взаимопониманию между народами. Цель эта — смелый и правдивый рассказ о стране Ленина. Наперекор потокам лжи и клеветы, которые вот уже 65 лет извергают на нас все империалистические органы массовой информации.

Выпуск издательством «Прогресс» серии сборников «По Советскому Союзу» — это не просто добрая традиция. Это насущное веление времени.

Олесь Бенюх

ГАРОЛЬД ГРИФФИН

**СОВЕТСКИЕ
РУБЕЖИ
БУДУЩЕГО**

Harold Griffin

**Soviet Frontiers of Tomorrow
Progress Publishers, Moscow, 1982**

Перевод с английского

Л. Огульчанской

ОТ ЮКОНА ДО СИБИРИ

Наконец плотная облачность стала таять. Далеко внизу под крылом самолета я увидел обширные массивы темного леса, разорванного то вставшей на дыбы горной грядой, то тускло блестящей полосой водной глади. Мы пересекали Урал — старую горную цепь, протянувшуюся на две с лишним тысячи километров от арктического побережья до казахстанских пустынь, разделяя Европу и Азию. Пока облака не сомкнулись вновь, я отдавался своему первому мимолетному знакомству с Сибирью, с краем, о котором так много слышал, но так мало знал и который так давно жаждал увидеть.

Минуло почти полвека с тех пор, как один метис, охотник — я помню только, что его звали Том, — развеял туман моего неведения и пробудил интерес к Сибири, которая была для меня тогда лишь обширным пятном на карте мира с незнакомыми наименованиями. Это произошло на территории Юкон¹, когда мы, пробираясь из Кэр-кросса к маленькому индейскому поселению на берегу озера Тэгиш, укрылись от надвигавшейся пурги в заброшенной бревенчатой хижине.

Давным-давно покинутая избушка была срублена

¹ Канада — федеративное государство, состоящее из 10 провинций и 2 территорий. — *Прим. ред.*

на скалистом озерном мысу еще во времена «золотой лихорадки». Она стояла без двери, зияя пустым оконным проемом. Сквозь щели между бревнами, откуда выпал ссохшийся мох, проникал холод. Но железная печка была цела и извергала волны горячего жара, когда Том подбрасывал в нее поленья, сваленные в грязном углу. Снаружи у стены, где мы оставили нарты, свернувшись клубком, лежали привязанные собаки, казалось безразличные к вихревой пляске снега. Озерный лед за хижинной тонул в снежной мгле, слышен был лишь слабый посвист вьюги.

Том чувствовал себя счастливым, сидя на тесовой скамье, единственно уцелевшей из всей мебели, с кружкой чаю, которую он крепко держал рукой в меховой перчатке.

— Как, разве вы не слышали, что я побывал в Сибири? — воскликнул он.

— Когда? — спросил я.

— Сразу после войны, в 1919-м, — ответил Том. — Я был там с Сибирским экспедиционным корпусом.

По всей вероятности, его взяли в корпус как охотника, который мог управляться с собаками и прекрасно знал Север. Том не сказал, был ли он призван или вступил в армию добровольцем, но признал, что вскоре разочаровался в службе. Он знал французский и подружился с франкоканадцами-призывниками, шестеро из которых отказались следовать с батальоном в Россию, и их привели на борт судна под конвоем. Английский грузовой пароход, доставивший солдат во Владивосток, был грязным и тесным, к тому же в северных районах Тихого океана сильно штормило.

— Мы плыли, — продолжал Том, — почти три недели, и к концу пути большинство из нас пожалели, что покинули родную землю. Потом все стали спрашивать, зачем нас вообще послали в Россию.

С растущим интересом я слушал, как Том рассказывал об унылой гарнизонной службе во Владивостоке, о том, что нашим войскам нечего было делать в чужом краю. Через несколько месяцев широкая оппозиция в стране интервенции вынудила канадское правительство вернуть солдат на родину. Для меня и Тома Сибирь, которая по территории немного превосходит Канаду, не разделялась

тогда на Приморские районы Дальнего Востока и собственно Сибирь, а казалась огромным единым краем, протянувшимся от побережья Тихого океана до Уральских гор. Мне не было и девятнадцати лет в ту зиму на Юконе, когда я впервые познакомился с необъятными северными просторами своей страны. Неожиданно для себя я узнал о другом обширнейшем крае, отделенном от нашего материка Беринговым проливом и во многом так похожем на Канаду. К тому же я узнал о тех событиях из прошлого своей страны, о которых почти не упоминалось в прочитанных мною книгах.

Годами позже Джек Треливинг, рыбак с Тихоокеанского побережья, несколько больше рассказал мне об участии Канады в интервенции, предпринятой по настоянию Великобритании и вызванной стремлением нашей страны получить после войны солидную долю в торговле с белогвардейской Сибирью, а также ненавистью к молодому Советскому государству, которую канадское правительство разделяло со своими союзниками. Я встретился с ним в его скромном маленьком домике на реке Фрейзер километрах в сорока к востоку от Ванкувера.

Джек Треливинг вспоминал, как в 1918 году он находился в учебном лагере в Петававе, когда на специальном смотре объявили о наборе добровольцев в Сибирский экспедиционный корпус.

— Вечером один парень, его звали Гибсон, он был постарше меня и дружил со мной, дождался, пока я остался один, пришел в палатку и сказал, что подумывает согласиться. Он хотел, чтобы я пошел вместе с ним,— рассказывает Треливинг.

— Послушай,— заметил Гибсон.— Я знаю, ты ненавидишь армию.

— Это уж точно,— ответил я.— Давно хочу смотаться отсюда. Не вижу ничего хорошего во всей этой чертовой бойне.

— Знаешь,— предложил он,— отправимся вместе, а когда доберемся туда, дождемся подходящего случая и перемахнем на другую сторону. Я думаю, за этой страной будущее. Они сражаются за стоящее дело.

— Он меня убедил, и я пошел добровольцем,— сказал Треливинг.

Когда эпидемия гриппа охватила основной лагерь в Петававе, части, предназначенные для отправки в Сибирь, были переведены в Нью-Вестминстер (провинция Британская Колумбия). Недели тянулись за неделями в ожидании погрузки на суда. Неоднократно солдатам говорили, что все готово к отправке, но приказа все не было. В лагере ходили слухи, что портовые рабочие, сочувствовавшие большевикам, намеренно не торопились с установкой стойл для лошадей на судах. Наконец в январе 1919 года пришел долгожданный приказ.

— Мы отправились ночью верхом до Ванкувера, — продолжал Треливинг. — Нужно было ехать вдоль железнодорожного полотна, и мы с трудом держались в седлах. Знаете, как противно стучат копыта, задевая о рельсы. Добравшись до порта, мы еще долго ждали, пока лошадей примут на борт.

— Когда отчаливаем? — спросили мы у проходившего мимо сержанта.

— Не знаю, — бросил он. — Судно еще не готово.

Нам было известно, что рабочие продолжали стоять на своем. Профсоюз портовых грузчиков, принявший резолюцию о поддержке большевиков, являлся лишь одним из отрядов растущего движения протеста против интервенции, которое федеральное правительство сэра Роберта Бордэна напрасно старалось подавить, приняв на своем сентябрьском заседании решение о запрещении в 1918 году деятельности четырнадцати общественных организаций. Несмотря на травлю и антисоветскую истерию, яростно развернутую прессой, полицейские облавы, аресты и изъятие политической литературы, рабочие организации с новой силой выдвинули свое требование — прекратить прямое военное вмешательство в дела России. Бросая вызов цензуре, запрещенные рабочие газеты вышли вновь под другими названиями. Так, газета «Горн Запада», ставшая «Красным флагом», писала в своем номере от 15 февраля 1919 года: «По всей Канаде раздается требование: «Верните наших парней домой!» Мы единодушно присоединяемся к этому призыву: «Верните их домой из Сибири!»...»

Это требование с наибольшей силой прозвучало на конференции рабочих Запада в Калгари (провинция Аль-

берта), проходившей с 13 по 15 марта 1919 года, на которой присутствовали представители профсоюзов четырех западных провинций. Все 239 делегатов единодушно проголосовали за резолюцию, призывавшую объявить первого июня всеобщую забастовку, если канадские войска не будут вскоре отозваны с Мурманского фронта и из Сибири.

Капитуляция Германии лишила правительство Бордена повода для отправки новых контингентов канадских войск в Советскую Россию. О разногласиях в федеральном правительстве, где консерваторы имели пятнадцать портфельей, а либералы — десять, наиболее ярко свидетельствуют слова министра сельского хозяйства Т. А. Крера, который откровенно заявил: «Я не могу согласиться с тем, что необходимость установления прочного порядка в Сибири может оправдать сохранение там наших войск и отправку в Россию новых сил. Нас не касается, как Россия станет решать свои проблемы, это ее дело». В апреле канадское правительство начало вывод своих войск.

Что касается Треливинга, то он так и не попал в Сибирь. Когда судно отчалило, его вместе с другими гриппозными больными поместили в лазарет. После пятидневного плавания военный транспорт вернулся в Ванкувер.

Так закончилась эта бессмысленная авантюра, не принесшая славу Канаде.

Когда в начале 1943 года я снова совершил путешествие по Северо-Западным территориям, Юкону и Аляске, чтобы собрать материал для книги «Аляска и канадский северо-запад: наша новая граница», Канада и США находились в состоянии войны с Японией, а СССР был нашим союзником в войне с фашистской Германией. В то время люди во всем мире, боровшиеся против фашизма, мужчины и женщины, с восхищением и тревогой следившие за обороной Сталинграда, с облегчением узнали о советском контрнаступлении, окружении и пленении 6-й армии генерал-фельдмаршала Фридриха Паулюса, разгроме мощной 330-тысячной группировки. Сталинградская битва стала поворотным этапом в войне, но жители Аляски имели собственные основания высоко оценить ее значение.

Добравшись до Фэрбенкса на Аляске, я вскоре узнал — это был секрет Полишинеля, — что в городе находились

советские пилоты, которые учились летать на американских самолетах и перегоняли потом машины на советский фронт через Аляску и Сибирь. Я иногда встречал русских летчиков на улицах, в кафе и магазинах. Большинство из них были молоды, скромны, воспитанны. Когда они поднимались в небо, то летали с большим искусством и отвагой, и жители Аляски, разбирающиеся в летных делах лучше других американцев, с удивлением покачивали головами. Но даже в то время, когда советские летчики гибли в сталинградском небе и судьбы мира оставались неясными, встречались носители вируса будущей «холодной войны», которые громогласно предрекали, что когда-нибудь русские вернутся на американских самолетах и будут бомбить города Аляски.

Однако в то время жителей Аляски тревожила не мифическая советская угроза, а настоящая война с Японией. Японские войска начали вторжение на Алеутские острова и рвались к Атту и Кыске. Над прибрежными городами Аляски нависла угроза нападения. В отличие от американцев, живущих в других штатах, население Аляски всегда больше знало о Советском Союзе, своем близком соседе по ту сторону Берингова пролива. Когда, в частности в 1939 году, американские газеты подняли шумиху о том, что «Советы» якобы укрепляют острова Диомиды в Беринговом проливе, жители Аляски не очень-то верили этому, ибо знали, что «советские фортификационные сооружения» были на самом деле обычной метеорологической станцией. По-настоящему аляскинцы боялись лишь милитаристской Японии.

В предвоенные годы жители Аляски, сознавая узвиимость морских путей, предлагали провести автомагистраль через Канаду, чтобы связать полуостров с остальной частью США. Самым горячим сторонником этого проекта был Дональд Макдональд, инженер-геодезист с Аляски, который построил Стискую дорогу из Фэрбенкса в Серкл на реке Юкон. В поисках наиболее удобной трассы для автомагистрали он тщательно исследовал многие районы. Изучая архивы, он наткнулся на забытый проект международной железной дороги Канада — Аляска — Сибирь, обсуждавшийся в конце прошлого века между русским правительством и американским железнодорожным магна-

том Е. Х. Гарриманом. Почему бы вместо рельсового пути не протянуть международную автомагистраль, вопрошал Д. Макдональд. В конце концов настойчивого геодезиста выслушали в Вашингтоне. Но дело не двигалось с места. Лишь японское вторжение в Китай в 1937 году заставило вновь обратиться к идее строительства автомагистрали через Канаду. В 1938 году администрация Рузвельта в Вашингтоне и королевское правительство в Оттаве¹ назначили комиссии для изучения трех предложенных проектов. Конечным пунктом всех проектов был, естественно, Фэрбенкс. Американская комиссия отдала предпочтение «западному» варианту, канадская — «восточному». Конец бесплодным спорам и разногласиям положило нападение Японии на Пирл-Харбор в 1941 году. За три месяца США и Канада достигли соглашения о сооружении автомобильной магистрали по маршруту, который ранее не рекомендовала ни одна из комиссий. По пустынным необжитым местам сквозь топи и вечную мерзлоту были проложены 2500 километров шоссейной дороги. Американские военные строители, белые и черные, работавшие здесь, в большинстве своем не имели должных навыков и почти не были знакомы с опытом сооружения дорог в подобных условиях.

— Мы слышали, что русские прокладывали автомагистрали в таких же суровых краях, — говорил мне американский полковник Альберт Е. Лейн в Досон-Крике, — но не знали, как они это делали. Мы располагали лишь старой статьей по строительству дорог на Аляске, написанной в 1917 году и опубликованной в «Справочнике инженера-дорожника» Хейгера и Бонни. В нем рекомендовалось осушать все болотистые места. Однако мы вскоре узнали из собственного опыта, что такой способ эффективен на неглубоких топях, в противном же случае предпочтительнее настилать дорогу поверху. Мы прокладывали бревенчатую лежневку, продолжая добавлять настилы по мере того, как болотная жижа размораживалась и бревна тонули в грязи. В некоторых особенно топких местах приходилось настилать до восьми слоев.

¹ В те времена Канада являлась доминионом Великобритании.—
Прим. ред.

В своих статьях, написанных для журнала «Нью Мэс-сиз» в 1944 году, когда сенатская комиссия Трумэна запрашивала американское правительство, будет ли вообще проложена аляскинская автомагистраль, я сообщал, что имеющиеся недостатки в строительстве дороги допущены из-за всеобщей неподготовленности и халатности, ибо американских военных инженеров, не обладавших должным опытом ведения строительных работ в субарктических условиях, заставили взяться за незнакомое дело и завершать давний проект в рекордные сроки.

Соединенные Штаты могли получить доступ и к богатому советскому опыту развития Севера, к опыту строительных работ в северных районах. Но, как я писал: «В те годы мало кто из русских посещал Аляску, к тому же из-за возникшей стены подозрительности отрицалась схожесть условий Аляски и Сибири. Жители полуострова стремились познакомиться с достижениями своих соседей по ту сторону Берингова пролива, но они знали лишь, что Сибирь преобразуется, тогда как их необъятный край, представлявшийся большинству американцев пустыней, непригодной для жилья, хиреет... Аляска и Сибирь — эти «новые рубежи» XX века, имеющие столько общих проблем, — могли бы достигнуть многого при совместном сотрудничестве, однако они оставались соседями, которые вместо близкого общения предпочитали, как правило, разговаривать на почтительном расстоянии друг от друга».

Тем не менее я встречал на Аляске людей, не только хорошо осведомленных о Сибири, но даже живших и работавших там. Один из них — Берт Карлсон, урожденный швед, был специалистом по размораживанию вечной мерзлоты при землечерпальных работах на золотых приисках Доусон и Руби в низовьях реки Юкон. Он был в Сибири в 20-х годах, где работал инженером-консультантом на Алданских золотых приисках в Якутии.

— Если бы меня высадили сейчас в некоторые районы Сибири, я, вероятно, подумал бы, что нахожусь на Аляске, — говорил мне Берт Карлсон в своем доме в Фэрбенксе. — Русские построили на Севере города и создали там различные отрасли промышленности. Мы могли бы сделать у себя то же самое.

Его жена — русская, с которой Карлсон познакомился

в Сибири,— согласно кивнула головой.

— Когда я приехала на Аляску,— пояснила она,— я увидела не только большие различия между нами, но и много общего. Природа, прежде всего, была почти одна и та же, но мне показалось, что на Аляске очень мало сделано. Когда мы уезжали из Сибири, она преображалась прямо на глазах. В новые районы приезжали люди, осаивали их и вскоре двигались дальше вперед.

Из Фэрбенкса, где современные здания вытеснили старые бревенчатые дома, я вылетел в Ном, который тогда все еще не оправился от пожара 1934 года, уничтожившего большую часть города. Война почти не принесла никаких изменений в жизнь города, основанного в 1899 году во времена «золотой лихорадки»; по-прежнему с наступлением лета старатели промывали песок, отыскивая мелкие крупинки драгоценного желтого металла.

В тот день, когда я покидал Ном, серое еще накануне небо прояснилось над Беринговым проливом до прозрачного бледно-голубого цвета. Во время перелета на северо-запад в Тин-Сити, где находится единственный на Аляске оловянный рудник, мы плыли над заснеженной искрящейся тундрой; вдруг в легкой дымке тумана на краю горизонта возникли очертания Чукотки. Дальше лежала Сибирь. Однако прошло сорок лет, прежде чем я увидел ее.

Самолет снижался. В разрыве облаков, из-за которых на протяжении трехчасового полета из Москвы я так ничего и не разглядел, кроме быстро промелькнувших Уральских гор, показалась Тюмень.

Я слегка коснулся локтем задремавшей Ляли Чальян, молодой женщины, сопровождавшей меня в путешествии по Сибири. Для нее оно тоже было первым.

— Что случилось? — спросила она.

— Подлетаем,— ответил я.

Нас встречал заместитель начальника управления издательств, полиграфии и книжной торговли Тюменского облисполкома Валерий Былино, высокий, стройный молодой человек.

После размещения в гостинице нефтяников и ужина мы отправились вечером погулять по тюменским улицам. Мо-

росил мелкий нескончаемый дождь, омывая улицы, удаляя грязь с кромки тротуаров. Под ногами блестели лужи. В вечерних сумерках, обдавая зазевавшихся прохожих мутными брызгами, двигался нескончаемый поток легковых машин и грузовиков. Всего в квартале от гостиницы нам пришлось обойти огромную лужу, растекшуюся на асфальте. Неужели это Тюмень, ворота Сибири? С прогулки я возвратился разочарованный. Я так много читал о больших сибирских городах, но эти узкие улицы и старые дома слишком отличались от того, что я ожидал увидеть.

Яркое утро и солнечный день внесли коррективы в мое настроение, изменили облик Тюмени. Как оказалось, вчерашним дождливым вечером я познакомился с самой неприглядной частью города. Наша гостиница находилась в старом районе, среди бревенчатых домиков, часть из которых накренилась под грузом прожитых лет, но рядом стояли здания, построенные гораздо позднее — перед войной или вскоре после ее окончания. Старые районы необходимо реконструировать, но не все надо сносить, говорил Валерий, показывая мне в тот солнечный день свой город.

— Здесь будет новое административное здание... Здесь — новый медицинский комплекс... там — площадка для строительства новой железнодорожной станции... а тут — новый музей... вся эта улица подвергнется реконструкции и станет в три раза шире, чем сейчас.

Перед моими глазами разворачивался план реконструкции Тюмени, набросанный Валерием.

Новый город, раскинувший свои кварталы вокруг старого, походил на яркую пышную оболочку, окружающую изъеденную временем сердцевины. Вся историю города можно проследить по изменениям в его застройке. Тюмень была основана как торговый центр в 1586 году на холме над рекой Турой и разрасталась по ее берегу вдоль и вширь. После революции город рос медленно. Однако во время второй мировой войны перед угрозой наступавших фашистских войск в Тюмень было эвакуировано до ста промышленных предприятий. После войны около двадцати из них осталось в городе. Сейчас Тюмень насчитывает триста шестьдесят тысяч жителей и превратилась в один из крупнейших промышленных центров Западной Сибири.

Новые районы Тюмени стали заметной вехой в сибир-

ском градостроительстве. Жилые дома здесь отличаются разнообразием, свободным расположением по отношению друг к другу. Монолитные кварталы старой застройки уступили место ансамблям микрорайонов, что позволяет архитекторам и строителям ярче проявлять свои знания и способности, используя при этом все преимущества промышленного производства основных деталей зданий. Земля в городе расходуется бережно, с большим искусством.

Когда мы возвращались в гостиницу, Валерий показал на современное административное здание — величественное белое сооружение, перед которым раскинулась Центральная площадь. В сквере среди травы и деревьев росло множество ярко-красных флоксов.

— Раньше здесь торговали лесоматериалами, — сказал мой спутник. — А вон там, — указал он через площадь в сторону памятника В. И. Ленину, — стояли старые казармы. Вот улица Республики, в прошлом, не таком уж и далеком, по ней весной нельзя было пройти. Лошади, телеги обычно застревали в жирной грязи, и людям приходилось пробираться по скользким деревянным мосткам.

Я рассказал Валерию старый канадский анекдот о городе Виннипеге. Лет сто назад один приезжий, с трудом пробираясь по необычайно грязной Главной улице города, увидел перед собой меховую шапку. Когда он поднял ее, вдруг откуда-то снизу донесся голос:

— Будьте добры, отдайте мою шапку. Я стою на повозке и совсем без нее замерзну.

Валерий рассмеялся от всей души.

Разговорившись, мы коснулись ранней истории Тюмени и неизбежности появления такой личности, как Ермак.

Располагая отрядом приблизительно в 800 казаков, Ермак в 1581 году отправился в поход из владений купцов Строгановых. Спустя год он разгромил хана Кучума и захватил его столицу Сибирь, которая находилась на берегу реки Иртыш неподалеку от нынешнего Тобольска, основанного на год позже Тюмени. Ермак утонул во время внезапного ночного нападения на его лагерь, но западно-сибирские татары, потомки воинов Чингисхана, не смогли остановить русского продвижения вперед. Путь на восток был открыт. Продвижение русских от Уральских гор к

Тихому океану протекало поразительно быстро. После основания в 1586 году Тюмени, первого укрепленного города, русские в 1604 году продвинулись до нынешнего Томска, в 1628 году — до Красноярска, через два года — до Илимска, а в 1632 году дошли до Якутска. В 1646 году на берегу Тихого океана был построен город-крепость Охотск, а спустя два года первопроходец казак Семен Дежнев проплыл вдоль побережья Северного Ледовитого океана, обогнув восточную границу Сибири — мыс, названный впоследствии его именем. За шестьдесят лет русские овладели Сибирью.

Подобно французским и английским торговцам пушницей в Канаде, русские использовали реки в качестве транспортных путей, но в Канаде освоение территорий шло гораздо медленнее. После основания Квебека Самуэлем де Шампленом в 1608 году, быстрого броска на запад Этьена Брюле и Жана Николе французы в 1648 году не продвинулись дальше озера Мичиган, а англичане все еще исследовали Гудзонов залив в поисках пути на северо-запад. Только полтора века спустя, к 1793 году, когда Александр Макензи достиг побережья Тихого океана у Белла-Кула, было завершено завоевание североамериканского континента. Четырьмя годами раньше, в 1789 году, Макензи спустился до самого устья реки, получившей его имя, имея при себе карты северной Канады, составленные его другом — путешественником и торговцем пушницей Питером Пондом. Макензи должен был принести эти карты в дар Екатерине Великой после того, как достигнет России через Уналашку и Камчатку. Вместо северной части Тихого океана, значащейся на картах Понда, Макензи вышел к арктическим берегам моря Бофорта. К тому времени русские уже почти полвека жили на Аляске.

Русские купцы точно так же, как англичане и французы в Канаде, в значительной степени зависели от коренных жителей, с которыми они сталкивались в поисках пушницы. За несколько лет интенсивной охоты количество красного зверя резко снижалось, что вынуждало торговцев и промысловиков продвигаться дальше от одной речной долины к другой в поисках неизведанных мест. И в Сибири, и в Канаде торговцы обманывали местное население,

обменивая дешевое оружие и никчемные побрякушки на меха, приносящие после продажи на далеких рынках целое состояние. Однако в Канаде французы и англичане были злейшими конкурентами, ради защиты своих торговых путей и новых источников получения пушнины они истребляли индейцев, побуждали их к кровавым братоубийственным войнам; из-за этих столкновений и болезней целые народы оказались на грани исчезновения, а результатом хищнической погони за мехами стало почти полное истребление пушных зверей.

У русских торговцев пушниной в Сибири не было европейских конкурентов. Прямой доход государству приносила и ежегодная пушная подать — ясак, взывавшаяся с коренных жителей. Вначале, когда пушной зверь водился в изобилии, эта подать была не так обременительна, как позднее, когда соболь почти исчез, а лису и других мелких пушных животных добывать становилось все труднее.

— Тюмень, основанная как центр торговли пушниной, — рассказывала мне в городском музее Лариса Седых, — позднее превратилась в один из первых в Сибири районов по выращиванию зерновых культур и разведению молочного скота. Наверное, мало кто знает, что тюменское масло высоко ценили в Москве, один раз его даже экспортировали в Англию.

После окончания историко-филологического факультета Тюменского университета эта серьезная, миловидная девушка с гладкой прической пришла работать в музей.

— Через 40 лет после основания, — продолжала она, — в самой Тюмени проживало 222 жителя, а за ее стенами — 157 человек. Поселение имело пять церквей, монастырь, тридцать семь магазинов, семь кузниц, торговый дом, который принимал не только российских, но и афганских, иракских, индийских, китайских купцов.

Глаза Ларисы Седых увлеченно зажглись.

— Если вы хотите узнать, что представлял собой город через триста лет после своего основания, вам следует познакомиться с «Путеводителем по Великой Сибирской железной дороге», выпущенным в Санкт-Петербурге в 1900 году. В этой книге не очень-то лестно пишется о Тюмени, но отмечается, что еще век назад здесь сущест-

вовала дренажная система.— Девушка указала на выдолбленное бревно в витрине.— Из таких полых бревен и состояла первоначальная дренажная система. Они хорошо сохранялись в переувлажненной почве.

— Если верить бывшему губернатору Тобольска, в царские времена Тюмень отнюдь не играла заметной роли в культурной жизни Сибири. Прежним административным центром края, куда входила и Тюмень, являлся Тобольск. Приблизительно в начале века губернатор жаловался царю Николаю II на неграмотность и невежество тюменского населения. «Вот и прекрасно»,— ответил царь. Теперь,— добавила экскурсовод,— в Тюмени насчитывается пять высших учебных заведений.

По возвращении в Канаду я получил копию «Путеводителя по Великой Сибирской железной дороге», переизданного английским издательством в 1971 году. Лариса Седых была права. Книга давала не очень-то лестное представление о Тюмени.

Вот что в ней, в частности, сообщалось:

«В этом городе нет ни садов, ни парков, небольшой лес за его пределами мало кто посещает, ибо он расположен слишком далеко... Тюмень находится в запущенном состоянии; вымощены только Царская улица да улицы, ведущие к пристаням. Для освещения в городе используется нефть...»

Среди промышленных предприятий назывались: «кожевенные, свечные заводы, мыловарни, швейные мастерские по пошиву гусарских ментиков, заводик, принадлежащий Жилеву, где отливались колокола для церквей, построенных вдоль главной Сибирской железной дороги, механические мастерские Гулле, судостроительная верфь Игнатьева и Курбатова, мельницы Текутиева для помола пшеницы...»

Жители Тюмени вряд ли узнали бы по этому описанию свой город.

НЕФТЬ ИЗ-ПОД СИБИРСКИХ БОЛОТ

Теплым днем в начале сентября, проезжая по живописным окрестностям Тюмени мимо берез, отливающих на фоне сосен первым золотом осени, почти невозможно

представить, какими были местные дороги в прошлом — труднопроходимые, пыльные, а после сильных дождей — изрытые колеями, заплывшие грязью. И по ним тащились измученные осужденные в места ссылки. Для этих несчастных, был ли их поступок обычным уголовным преступлением, проявлением политической оппозиции или наветом жестокого помещика, Тюмень представлялась огромной пересыльной тюрьмой, и за большинством ссыльных эти «ворота в Сибирь» закрывались навсегда.

Томас Уитлам Аткинсон, английский художник, посетивший Сибирь в 50-х годах XIX века, в книге «Восточная и Западная Сибирь: рассказ о семи годах исследований и приключений» передал свои впечатления об осужденных, шедших под конвоем в ссылку.

Приблизительно в 160 километрах на юго-запад от Тюмени, рассказывает он, на дороге, ведущей из Шадринска в Ишим, в два часа утра «...мы подошли к группе заключенных, направлявшихся в Восточную Сибирь. Впереди у этих несчастных лежал долгий путь!

В партии было девяносто семь человек. Семнадцать мужчин и три женщины в кандалах брели впереди, они шли в Нерчинск, им предстояло преодолеть еще 4000 верст. Через восемь месяцев они достигнут места своей ссылки. Осужденные представляли собой ужасное зрелище».

Спустя почти 40 лет известный американский публицист и путешественник Джордж Кеннан посетил Россию, чтобы собрать материал для серии статей о сибирской ссылке. Публикация Кеннаном двадцати трех статей в журнале «Сенчури» вызвала огромный интерес у читателей и сочувствие к русским революционерам. Существенно переработав и дополнив журнальные публикации, Кеннан выпустил в США и Англии в 1891 году свою нашумевшую книгу «Сибирь и ссылка», которая затем многократно издавалась на многих языках.

Описывая свое посещение тюменской пересыльной тюрьмы в 1885 году, Кеннан рассказывает, как он был потрясен, увидев в помещении, рассчитанном на 35—40 человек, сто шестьдесят заключенных. В каждой камере основного здания содержали от шести до тридцати заключенных, воздух там «был неопишимо, невообразимо сперт... насыщенным микробами лихорадки из больничных

палат, пропитанных зловонными запахами гниющих человеческих легких и нечистых тел, смрадом от параш с экскрементами, стоящих в конце коридоров». В тюрьме, где, по его мнению, можно было держать от силы 800 человек, находилось 1800 заключенных.

В дороге, писал он, жизнь заключенных становилась «почти невыносимой из-за безразличия и жульничества властей». Сотни мужчин и женщин заболели в пути; этих несчастных, провалявшихся неделю или две в тряских телегах, оставляли выздоровливать или умирать в одном из этапных лазаретов между Ачинском и Иркутском.

Книга Кеннана вызвала возмущение общественности Европы и Северной Америки против царского правительства, но авторы «Путеводителя по Великой Сибирской железной дороге» как будто не заметили этой всемирно известной работы. В 1900 году, через девять лет после выхода книги, они с полным удовлетворением писали: «Ссылное ведомство Тюмени, регистрирующее и контролирующее поток осужденных на ссылку и их распределение по различным районам Сибири,— важное и четко работающее учреждение. С 1823 по 1898 год, за семьдесят пять лет, через него прошло 908 266 человек».

Однако жестокое, бесчеловечное обращение со ссыльными в царской России мало чем отличалось, например, от порядков английской штрафной колонии, расположенной в нескольких тысячах километров от Сибири.

Такие же тяжелые условия, в которых содержались русские заключенные, сосланные на рудники Нерчинска, существовали на австралийских угольных шахтах Нового Южного Уэльса, где, по свидетельству одного из каторжан, «осужденные оставались под землей целую неделю, в субботу днем их выводили на поверхность, чтобы они помылись и выстирали свою одежду в морской воде. Когда одежда высыхала, несчастных загоняли в тюремные бараки, в которых они сидели взаперти до понедельника. В воскресенье с первыми проблесками рассвета каторжан выстраивали во дворе. Там устанавливались козлы, рядом стояли наготове экзекуторы. Жестокая порка продолжалась несколько часов до тех пор, пока наказанию не подвергались по крайней мере человек 50, каждый из которых получал не менее 75 плетей...».

Англичан — мужчин и женщин — могли посылать в австралийские колонии за такие преступления, как кража буханки хлеба или организация нелегальных профсоюзов. После поражения восстания в Канаде в 1837—1838 годах пятьдесят семь англоканадцев и пятьдесят восемь франкоканадцев были приговорены к ссылке на побережье залива Ботани-Бей или на Землю Ван-Димена за государственную измену и прочие преступления.

В России помещики по указу, принятому в 1760 году, имели право без всякого суда ссылать крепостных в Сибирь. Еще более суровым стал этот указ после 1765—1767 годов, когда были приняты дополнения, позволявшие отправлять крепостных на каторжные работы лишь за устное изъявление недовольства своими владельцами.

Вслед за казаками и торговцами пушниной на необъятные земли Сибири переселялись земледельцы, ремесленники. Многие из них отправлялись в этот край не по своей воле. Некоторые уходили в Сибирь тайком, скрываясь от страданий и беспросветной нужды крепостного бытия.

Но кем бы ни были переселенцы, свободными или ссыльными, откуда бы они ни пришли, они являлись пионерами земли сибирской.

На плодородных равнинах, по берегам рек, там, где были благоприятные почвы и климат, крестьяне закладывали первые скотные дворы и собирали первые урожаи. В 1624 году из 379 жителей Тюмени только 71 человек занимался сельским хозяйством. Самодельные плуги и другие примитивные орудия труда, выставленные в тюменском музее, напоминают о том, как далеко ушло в своем развитии сельское хозяйство.

Крестьяне обживали, осваивали необъятные земли, тогда как политические ссыльные открывали школы, несли свет знаний в народ, готовили почву для восприятия трудовым людом новых радикальных идей.

— После революции 1905 года, — говорила Лариса Седых, — много осужденных сослани в Обдорск в дельте Оби, ныне город Салехард. Одним из них был Н. М. Немцев, ставший в 1918 году первым председателем Тюменского Совета, другим — Т. Д. Семкин, убитый белогвардейцами три года спустя.

В Тюменском музее есть фотография, свидетельствующая о большом влиянии этих политических ссыльных на массы. На ней изображен обычный бревенчатый дом. В его подполье была оборудована комната, где стоял станок, на котором печатали нелегальные издания, листовки, прокламации.

Есть в музее и другие фотографии, рассказывающие о тех далеких днях, когда отважные бойцы стояли насмерть, пытаясь остановить наступающие белогвардейские части. На одном из снимков запечатлена «баржа смерти». Во время своего тринадцатимесячного правления в Тюмени белогвардейцы переправляли на ней заключенных, многих из которых убивали по пути в Тобольск и Омск.

Документы тех времен безмолвно свидетельствуют о мужестве, убежденности и самоотверженности людей, которые отстаивали Советское государство в первые годы его существования.

У памятника героям гражданской войны я всегда видел свежие цветы...

Чтобы познакомиться с жизнью тюменцев третьего послереволюционного поколения, я с удовольствием принял предложение побывать в Тараскуле, где возле минеральных источников расположен санаторий. В какой-нибудь другой стране этот целебный курорт, вероятно, находился бы в частных руках и был бы доступен лишь для богачей, способных заплатить за дорогое обслуживание. Мне было особенно приятно самому убедиться в заботливом отношении социалистического государства к здоровью людей.

Тараскул находится на окраине Тюмени в окружении березовых рощ, еловых и сосновых лесов. В день моего приезда здесь, казалось, повсюду были люди — они стояли под навесами на автобусных остановках, гуляли по дорожкам, направлялись в лес с ведрами, по-видимому, за ягодами.

За большим зданием санатория виднелось светлоголубое целебное озеро. К нему через луг, усыпанный полевыми цветами, сбегала песчаная дорожка, огороженная с обеих сторон легким забором из березовых жердей.

Нас приветливо встретил главный врач Владимир

Ситников, крупный, атлетического сложения человек с волевым лицом. Вначале нам предложили попробовать минеральную воду. Главный врач повел нас в большой центральный зал санатория с потолком, уходящим под самую крышу. Он напомнил мне гостиницу аэропорта «Мирабель» под Монреалем, где я останавливался по пути в Москву.

В центре зала — бассейн с фонтаном, в который по трубам из озера подается минеральная вода. Бассейн окружен декоративными растениями и ровными рядами скамеек. Почти все они были заняты пациентами, которые, казалось, с удовольствием пили лечебную воду, вели неторопливый разговор под легкий шелест фонтана.

Доктор Ситников быстро прошел к бассейну и возвратился со стаканом воды.

— Попробуйте, пожалуйста,— предложил он. Вода мне понравилась.

Во время обхода санатория мы узнали, что здесь одновременно лечится до 2500 человек.

Меня удивило такое большое число пациентов.

— Две тысячи пятьсот?— переспросил я.

Ситников рассмеялся.

— Да, именно столько пациентов находится под нашим наблюдением ежедневно.

Затем мы осмотрели грязелечебницу.

Я спросил Ситникова, когда стали известны лечебные свойства тюменской грязи.

— Давным-давно,— ответил он.— Местное население хорошо знает, где находятся минеральные и горячие источники, и издавна пользуется ими. Сведения о лечебных грязях и минеральных ключах передавались из поколения в поколение. Я думаю, что жившие здесь первобытные люди знали о нашем озере. Может быть, оно служило местом священного поклонения. Теперь мы используем чудесный природный водоем, применяя все наши знания, современное оборудование, сделав грязелечение доступным для всех.

В тот вечер доктор Ситников пригласил нас к себе в гости, и впервые я отвечал на бесчисленные вопросы, а не задавал их сам.

...Но мне было о чем спросить сибиряков. Тюмень,

как я знал,— административный центр области, по площади превышающей любую канадскую провинцию или австралийский штат. Эта область, простирающаяся на севере до Обской губы и Карского моря, стала ныне крупнейшим центром нефтяной и газовой промышленности.

Многие сведения о жизни края я получил от Юрия Старцева, первого заместителя председателя Тюменского облисполкома. Он был со мной вполне откровенен.

— На Западе,— заявил он,— стараются изобразить нашу нефтяную промышленность отсталой, говорят, что мы не применяем прогрессивной технологии бурения на больших глубинах, не обеспечиваем наиболее полную отдачу нефти скважинами, поэтому-де нуждаемся в западной технологии. Но факты говорят сами за себя. В 1970 году мы производили 30 миллионов тонн. Теперь — более 300 миллионов тонн, половину всей нефти, добываемой в стране. Кроме того, мы получаем 162 миллиарда кубических метров природного газа, что составляет одну треть от всего производства в стране. Неужели такой рост возможен при отсталой промышленности?

Я был уверен, что мой собеседник знал об оценке советских запасов нефти и газа, сделанной в 1977 году Центральным разведывательным управлением США. Это исследование широко пропагандировалось на Западе. Каждому опытному журналисту в развитых капиталистических странах известно, как те или иные секретные сведения «просачиваются» в прессу, как надо манипулировать цифрами, чтобы подкрепить требуемый экономический вывод. Однако я решил спросить мнение Старцева об этой оценке.

— Как можно совместить,— сказал я,— ваши слова с заявлением ЦРУ о том, что социалистические страны станут чистыми импортерами нефти к концу этого десятилетия?

— Это пропагандистский трюк, а не серьезное исследование,— ответил мой собеседник.— Теперь уже недостаточно представить нашу нефтяную промышленность технологически отсталой, кто-то хочет доказать, что объем добычи у нас стал падать.

Он помолчал, подумал немного.

— Настоящая цель этого исследования — создать напряженность в отношениях между СССР и арабскими странами, показав, что Советский Союз стоит якобы перед лицом нефтяного кризиса и тянется к месторождениям Ближнего Востока, и таким образом оправдать военные акции США по предупреждению несуществующей «советской военной угрозы» этим районам, которые именно США, а не СССР, объявили жизненно важными для своих интересов.

Мой собеседник насмешливо улыбнулся.

— Как могут подсчитать ЦРУ наши нефтяные и газовые запасы? Мы еще сами полностью их не знаем. У нас много потенциальных нефтегазоносных районов, в которых можно вести бурение, мы постоянно открываем новые месторождения. Наши предполагаемые запасы огромны. Что касается советской технологии, вы с ней ближе познакомитесь, когда посетите промыслы. Вы увидите, что мы сами вполне справляемся с производственным процессом. Наша нефтяная промышленность высоко автоматизирована. Однако это не значит, что мы отказываемся от использования западного оборудования. У нас есть, например, канадские вездеходы, хорошие машины, но в целом мы полагаемся на свои собственные возможности.

Академик Абел Аганбегян — директор Института экономики и организации промышленного производства Сибирского отделения Академии наук СССР — хорошо знает Сибирь. Хотя мне не удалось повидаться с ним лично — он постоянно находится в разъездах, — академик давно дал ответ на мой вопрос: «Истощаются ли сибирские месторождения?» Вот что сказал он как-то по этому поводу:

«Размеры западносибирских нефтяных запасов таковы, что пока еще рано говорить об установлении твердой нормы добычи. Когда-нибудь это произойдет, но не в скором времени. Я думаю, что нынешние предсказатели снижения добычи нефти в Западной Сибири не дождутся при жизни подтверждения своих прогнозов...»

Аганбегяна возмущают заявления по поводу несовершенства советской технологии, которые он опровергает.

«Встречая своих коллег за границей, я часто, мягко

говоря, удивляюсь широко распространенным ошибочным утверждениям о том, что происходит в Сибири. Например, многие говорят, что западносибирская нефть и газ извлекаются главным образом с помощью иностранного оборудования. Однако смею заверить, что на наших гигантских промыслах в Сибири используется только советское оборудование; это в полной мере позволяет судить о возможностях советской техники. Из иностранной техники здесь применяется лишь гусеничный трактор «Катерпиллер» при строительстве газопроводов, а на небольшом месторождении газа в Правдинске испытывается западное оборудование в газоподъемной системе. Во всех других случаях — при проходке скважин на различные глубины, обустройстве промыслов, прокладке и эксплуатации трубопроводов — применяются машины и механизмы советского производства».

В долгом и откровенном разговоре со Старцевым мы немало времени уделили вопросам сохранения хрупкой окружающей среды, мерам, предпринимаемым областными органами власти. Когда мы беседовали о проблемах сохранения природы тундры, о прибрежном бурении на шельфе американского материка, в море Бофорта, о Великих озерах, внутренних канадских водоемах и несметном числе рек и озер Тюменской области, я обнаружил, что эти темы близки сердцу моего собеседника.

— Мы стараемся сохранить окружающую среду, — сказал Старцев. — Каждая нефтяная установка оборудована очистными сооружениями. Большая часть нефти транспортируется по трубопроводам, и принимаются все меры, чтобы не загрязнять окружающую местность.

Если у вас будет возможность порыбачить, вы увидите, что в наших реках и озерах много рыбы, — это было почти предложение, которое я с удовольствием принял, — и мы хотим сохранить наши богатства. Мы решили предотвратить выпадение в будущем кислотных дождей и снегов, которые убивают все живое, как в канадских озерах провинции Онтарио. Благодаря принятым мерам наши рыбные запасы растут. Спросите об этом в Нижневартовске, и вы убедитесь в правоте моих слов.

Нижневартовск — удивительный город, город молодых: средний возраст его жителей равен 28 годам. Энтузиазм,

юношеский задор ощущаются в жизненном ритме Нижневартовска. Этот город, с рваными, незаконченными окраинами, еще далеко не отстроен и лишен лоска старых городов, возраст которых исчисляется столетиями, а не годами. Будущее быстро становится реальностью: центр города уже застроен, посажены деревья и кустарники, предусмотрено разбить парки и скверы, население города достигло 125 тысяч человек и ежегодно увеличивается на 15 тысяч жителей. Приезжают все новые и новые люди, так что данные о числе жителей Нижневартовска устаревают сразу же после своего появления. Из-за быстрого роста города острой проблемой становится его благоустройство. Вновь прибывших необходимо обеспечить жильем, для их детей надо построить школы, детские сады, нельзя забывать об оздоровительных и культурных учреждениях.

Дороги в Нижневартовске неровные, они постоянно забиты транспортом: машинами, груженными песком для дорожного строительства, автомобилями с трубами, стройматериалами и громоздким оборудованием, автоцистернами, автокранами, автобусами, «газиками», легковыми автомашинами, мотоциклами с колясками. По городу машины идут медленно, объезжая кучи щебня, приготовленные для ремонтных работ, съезжая на изрытые глубокими колеями обочины, чтобы разминуться со встречным потоком транспорта. За Нижневартовском на ровных участках дороги движение быстрее, но машины изнашиваются столь же быстро.

Вечной проблемой здесь стало поддержание дорог в рабочем состоянии. Когда идет дождь, вода затопляет низкие, еще не поднятые и не застроенные места; она пробирается через песчаные обочины дорог, разливается по огромным бетонным плитам, уложенным на торфяно-песчаную подушку. Просачивающаяся вода размывает подушку, и железобетонные плиты проваливаются вниз, разрушаются, дробятся. Приходится поднимать и зачастую менять целые секции. Когда окидываешь взглядом лежащие повсюду болота, на которых стоит город, удивляешься тому, как он вообще был здесь построен.

С Нижневартовском нас познакомил заведующий отделом пропаганды и агитации горкома партии Игорь Корсунский. Это динамичный, словно специально созданный

для жизни в этих краях человек. Мне нравилось его умение быстро разделяться с формальностями, на которые обычно уходит много времени, решать без промедления различные проблемы. Он сам без усталости вел микроавтобус, постоянно отдавал со своего передвижного командирского поста распоряжения по радиотелефону, уточняя программу, чтобы мы не теряли времени даром. Молодой, энергичный человек, бывший нефтяник, Игорь Корсунский, казалось, служил олицетворением ускоренно развивающегося города.

— Что вы думаете о наших дорогах? — спросил он с усмешкой после того, как мы проехали, проваливаясь и раскачиваясь из стороны в сторону, по утонувшим и разломанным бетонным плитам, которые дорожные рабочие уже готовились заменять.

— Разумеется, их трудно назвать скоростными магистральями.

— Быть может, это не современные автобаны, — заметил Игорь, — но за деньги, которые мы тратим — один километр нашей дороги обходится в 1,2 миллиона рублей, — можно построить где-нибудь скоростное шоссе. Здесь трудно что-либо строить, — продолжал он. — Мы привозим песок для дорожных работ с Оби, а также с любого места, где находим песчаный холм. Песок для наших стройплощадок доставляется по Оби баржами и из других районов страны. Самый близкий пункт, откуда мы получаем щебень, расположен в двух тысячах километров отсюда, щебень стоит дорого, но мы уже построили 400 километров дороги. Вначале мы строили четырехэтажные жилые дома. Теперь ставим девятиэтажные, а вскоре перейдем к сооружению шестнадцатиэтажных зданий. И все дома заложены на болоте.

Да, город рождается на болоте. Когда-то в 30-х годах русский геолог академик Иван Губкин предсказал, что на Западно-Сибирской низменности обязательно будут обнаружены нефть и газ. После долгих поисков и неудач в 1953 году близ Березово, деревни, расположенной в низовьях Оби, из пробуренной скважины наконец пошел газ. Это было первое месторождение, открытое в обширной Тюменской области. Сегодня вступают в строй все новые нефтяные и газовые промыслы, и для всех совет-

ских людей стали близки и знакомы такие еще недавно далекие и экзотические места, как Самотлор, Сургут, Уренгой...

СТАРЫЕ И НОВЫЕ СИБИРЯКИ

Многие иностранные писатели, посетившие Новосибирск, называли этот город сибирским Чикаго.

— Но почему Чикаго? — спросил я Анатолия Никулькова, редактора журнала «Сибирские огни». — В конце концов, у Чикаго было много лиц. Это Чикаго скотобоен, описанный Эптоном Синклером в романе «Джунгли», Чикаго гангстера Аль-Капоне и организованной преступности во время действия «сухого закона». Это также Чикаго Хэймаркет-Сквер, где незаконно обвинили и приговорили к казни через повешение Спайса, Фишера, Парсонса и Энджела; Чикаго, где борьба за восьмичасовой рабочий день привела к празднованию 1 Мая — Международного дня солидарности трудящихся¹. Это Чикаго, где родилась Компартия США. И это Чикаго, каким его видел поэт Карл Сэндберг; мрачным и порочным назвал поэт город в своих «Чикагских стихотворениях».

Я силился вспомнить издавна знакомые стихи, но смог отыскать в памяти лишь следующие строки: «Сильным, хриплым, задиристым смехом заливаётся юный Чикаго, гордый служить торговцем свининой, оружейных дел мастером, хлеборобом, хозяином железных дорог и докером нации». В этих строках отражен дух раннего Чикаго.

Эти города похожи лишь тем, что велики по размеру, расположены на берегу рек внутри страны, оба — крупные промышленные центры, вот единственное, что их сближает, заключил я.

¹ 1 мая 1886 года на площади Хэймаркет-Сквер в Чикаго состоялась демонстрация рабочих, требовавших введения 8-часового рабочего дня, закончившаяся кровопролитным столкновением с полицией. Арестованные вместе с другими рабочими, Парсонс, Спайс, Фишер и Энджел по сфабрикованному обвинению в убийстве полицейских были приговорены к смертной казни и, несмотря на протесты мировой общественности, повешены. В память о выступлении рабочих Чикаго Парижским конгрессом II Интернационала в 1889 году было принято решение о проведении 1 мая ежегодных демонстраций. — *Прим. ред.*

— Все началось с «Сибирских огней», — ответил Никольков. — В 1928 году начинающий поэт Павел Васильев, ему было тогда всего 18 лет, написал стихотворение, в котором воспел «Сибирское Чикаго, поднимающееся среди тайги». Стихотворение захватило воображение читателей. В нем не было прямой ссылки на Новосибирск, но в 30-е годы о городе часто стали говорить, как о сибирском Чикаго. В те годы мы шаг за шагом закладывали фундамент нынешней жизни. Чикаго был тогда великим промышленным городом США и, подобно Новосибирску, крупным железнодорожным узлом. Мы хотели превратить Новосибирск в такой же мощный индустриальный центр. Вот в чем заключается суть сравнения Чикаго с нашим городом. Но мы развивались по-иному, используя богатый опыт и традиции своего рабочего класса, строя новый, социалистический город. Вы можете сами судить, как воплотилась наша мечта.

Судя по тому, что я видел, Новосибирск процветает. Здесь построены современные предприятия тяжелого машиностроения, изготавливают сталеплавильные печи, токарные станки, турбогенераторы, гидравлические прессы... И все это создано за несколько десятилетий!

Я побывал на Новосибирском заводе «Сибэлектротерм», выпускающем различное электроплавильное оборудование. Этот комплекс огромных заводских цехов с автоматизированными линиями произвел на меня сильное впечатление. Я уверен, что во всей Западной Канаде, богатой, как и Сибирь, полезными ископаемыми, нет такого завода. Поэтому мне не с чем было сравнивать увиденное.

— Мы пришли на завод молодыми инженерами, — сказал мне один специалист. — Теперь нам под сорок, годы летят быстро. Мы выросли вместе с заводом, вместе с городом, и Сибирь стала для нас краем, где мы пустили корни.

Удивительно богаты и разнообразны сибирские месторождения, с которых поставляется сырье быстро растущему числу предприятий этого обширного края. Здесь говорят, что, когда бог пролетал над Сибирью, он отморозил пальцы и выронил из рук свои сокровища. Пожалуй, трудно найти более образное высказывание о богатствах огромных сибирских просторов.

Российским царям через своих чиновников, которые в свою очередь узнавали об этом от местного населения, в течение двухсот с лишним лет было известно кое-что о богатствах этого края. Но только после окончания строительства Транссибирской железнодорожной магистрали открылись значительные возможности для их эксплуатации. Однако воспользовались этим в основном иностранные капиталисты, действовавшие через своих русских компаньонов. Сибирь оставалась бедным краем, и ее население, жившее среди необъятных лесов, по соседству с подземными кладовыми, отчаянно боролось за свое существование.

Сибирь обладает половиной известных в мире запасов угля, самыми большими на земле лесами, месторождениями почти всех известных драгоценных и редких металлов, а также огромными залежами неблагородных металлов, поэтому главная задача экономистов состоит в выборе оптимального варианта развития этих обширных районов.

— Сразу всего не сделаешь, — заметил профессор Валерий Макаров, Главный ученый секретарь Президиума Сибирского отделения Академии наук СССР, заместитель директора Института математики, когда я встретился с ним в новосибирском Академгородке. — Развитие Сибири требует больших капиталовложений, правильного размещения производительных сил, широкого привлечения ученых, инженеров, квалифицированных рабочих. Все это необходимо рассматривать в комплексе, без этого невозможно движение вперед.

Макаров предпочитал беседовать со мной на английском. Он говорил хорошо, время от времени замолкал, обдумывая ответ, и перетряхивал свой словарный запас в поисках подходящих слов.

— Я думаю, — с оптимизмом добавил ученый, — что темпы развития Сибири, которая дает одну десятую национального дохода СССР, будут постоянно расти и все более превышать темпы экономического роста страны в целом.

Он, как и Юрий Старцев из Тюмени, категорически опроверг утверждения о снижении уровня добычи нефти.

— Мы уже знаем, что в Восточной Сибири есть нефть, — заявил он. — Ее дают месторождения, открытые

по берегам Лены. Там есть и природный газ. Мы не знаем только, каковы их запасы. Для того, чтобы их точнее определить, необходимо расширить исследования перспективных районов. Проблемы, с которыми мы сталкиваемся на севере Восточной Сибири, сходны с проблемами канадского Севера. Разве кто-нибудь может сказать, каковы запасы нефти и газа на канадском Севере, за исключением выявленных месторождений, где они подсчитаны?

Сам Академгородок, пожалуй, больше, чем какие-либо другие достижения, подчеркивает разницу между старой и новой Сибирью. Здесь в Новосибирске продолжает формироваться один из крупнейших в стране центров образования и науки. Одну треть 75-тысячного населения Академгородка составляют научные работники. Даже местонахождение Академгородка, расположенного к югу от Новосибирска на берегу Обского моря, символично для новой Сибири, ибо Обское море — огромное рукотворное водохранилище, образовавшееся после сооружения плотины Новосибирской гидроэлектростанции.

Незадолго до того, как я отправился из Канады в Москву, мне прислали из университета в Альберте книгу, в которую вошли материалы Ванкуверского симпозиума 1975 года. Он проходил под девизом, впоследствии принятым и для названия книги: «Древний человек в Америке в районах Тихого океана».

Эта конференция позволила ученым из разных стран в обстановке делового сотрудничества обменяться мнениями по вопросу о том, как и когда первые люди достигли Америки. Ответы на этот вопрос можно найти по обеим сторонам Берингова пролива — в Восточной Сибири, на Советском Дальнем Востоке, в северной части Аляски, на Юконе и в районе реки Макензи, а также вдоль Алеутских островов. Единственными препятствиями, которые древний человек, следуя на новый континент за стадами животных, не мог порой преодолеть, были естественные преграды. Для археологов, отыскивающих следы человека, жившего 40 тысяч лет назад, главные трудности заключаются в отсутствии прочного научного сотрудничества.

В своих докладах на Ванкуверском симпозиуме канадские и американские ученые, а также ученые из Сибири и Советского Дальнего Востока изложили различные те-

ории и выводы, подкрепленные фактическим материалом, полученным в результате тщательных раскопок.

Я записал имена советских ученых, решив увидеться с ними, если представится случай. Когда я приехал в Академгородок, мне сказали, что один из археологов, Анатолий Деревянко, перешел на новую работу. Я был огорчен, ибо хотел поговорить с этим ученым, сделавшим очень смелый доклад на симпозиуме. Другой советский ученый, чей доклад также был представлен на симпозиуме, Юрий Мочанов, находился в экспедиции, и никто не знал, когда он вернется.

Но я смог встретиться с академиком Алексеем Окладниковым, директором Института истории, филологии и философии, главой сибирских археологов¹.

Академик Окладников провел всю жизнь на берегах сибирских рек и озер, тщательно исследуя обработанные кусочки камня и кости, найденные на месте древних стоянок и бивачных костров, которые в конечном счете свидетельствуют о продвижении человека в сторону Американского континента. Несмотря на преклонные годы, зов неизведанного также влечет его, как и раньше.

Я встретил академика Окладникова около входа в здание института. Он оживленно разговаривал с группой студентов. Меня сердечно приветствовал крупный, смуглолицый человек с жидкими седыми волосами. Академик сказал, что с радостью побеседует со мной.

Отвечая в своем кабинете на мои вопросы, Окладников выражал твердую уверенность там, где гипотезу можно было доказать, осторожно рассуждал о предположениях, которые все еще вызывают сомнение, и напроць отвергал те версии, которые, по его мнению, лишены всякого основания.

— Я думаю, мы с полным правом можем утверждать, что человек проник в Америку около 30 тысяч лет назад, но наукой еще не доказано, добирался ли он до нее ранее. Находки у реки Оулд-Кроу как раз свидетельствуют о том, что в этот период человек уже обитал в канадской Арктике.

Ученый ссылался на богатые находки обработанных

¹ Академик А. П. Окладников умер в 1981 году. — *Прим. ред.*

человеком костей мамонтов, бизонов, лошадей, оленей, обнаруженные у рек Оулд-Кроу и Поркьюпайн на севере Юкона. Кости, промытые водами рек и попавшие в более поздние осадочные отложения, датировались в 25 и 30 тысяч лет.

Академик Окладников согласен с большинством своих советских и канадских коллег относительно путей проникновения древнего человека на Американский континент.

— Существует, — говорил он, — два возможных пути. Один — вдоль южного берега Берингова сухопутного моста, связывавшего некогда два континента, и вдоль Алеутских островов; другой — через тот же перешеек и Аляску на северное побережье океана и далее на восток вдоль берега. Но, — он покачал головой, — все еще слишком много пробелов в наших знаниях, слишком много вопросов, на которые предстоит ответить.

Одним из нерешенных вопросов, которые продолжают волновать академика Окладникова, является нашумевшая проблема Кловиса, археологической культуры палеолита, названной по имени места в штате Нью-Мексико, близ которого была обнаружена стоянка первобытного человека.

— Мы не нашли в Сибири, — сказал Окладников, — ничего такого, что напоминало бы эту культуру.

Я высказал предположение, что кловисская находка может стать важным фактором в разработке новых версий освоения Америки первобытным человеком. Окладников пристально посмотрел на меня.

— Может быть, — сказал он. — А пока мы ищем. Мы стремимся отыскать орудия труда из кремня, характерные для культуры среднего палеолита в Америке. Ведь в Сибири мы уже имеем подобные находки, но характерные для наших мест. Самое большее, что нам удалось, — это обнаружить пять общих характерных признаков в способе производства орудий труда на нашем Дальнем Востоке и в Америке. Перед отъездом я подарю вам свою книгу «По Аляске и Алеутским островам». Там перечислены все эти общие признаки. Что же касается происхождения первых американцев, я думаю, что они пришли из района озера Байкал. Но доказательство этой гипотезы и точное

обнаружение путей передвижения первых людей на Американский континент потребует самого тесного сотрудничества советских, канадских и американских археологов. Ведь в конце концов открытие происхождения американских эскимосов стало общим достижением советских и американских ученых.

Перед уходом я осмотрел музей института, занимающий четыре полностью оформленных зала и пятый зал, быстро заполняющийся экспонатами. У академика Окладникова было хорошее настроение, и он сам водил меня от стенда к стенду.

— Вот этот, — ученый указал на череп в витрине, — наверное, один из моих предков. Его нашли неподалеку от деревни в верховьях Лены, где я родился.

На последнем стенде были представлены остатки материальной культуры древнего человека и всевозможные подарки, оставленные зарубежными посетителями. Я тоже сделал свой вклад, передав ученому копию наскального рисунка, сделанную маслом. Этот рисунок обнаружили на острове Габриола, одном из прибрежных островов Британской Колумбии.

Неподалеку от Института истории, филологии и философии расположено Сибирское отделение Академии медицинских наук СССР. Преодолев расстояние между ними, я вместе с тем перенесся на 150 тысяч лет вперед; от эпохи первобытных людей, приспособившихся к сибирскому климату ледникового периода, к сегодняшним проблемам адаптации и здравоохранения 30-миллионного населения Сибири, включающего различные народности и национальные группы.

Я просил организовать встречу с врачами, чтобы поговорить о специфике их деятельности на Севере, но не ожидал, что меня ждет встреча с тремя самыми, пожалуй, известными сибирскими учеными-медиками.

Меня тепло приветствовал профессор Юрий Бородин, который представил своих коллег — профессора Юрия Никитина и профессора Николая Деряпу.

— Ну и о чем вам рассказать? — спросил Бородин, когда мы уселись.

— О немногом, — шутя сказал я, — о ваших проблемах и достижениях.

Ученые сообщили мне, что Сибирское отделение Академии медицинских наук СССР, бывшее до 1980 года лишь ее филиалом, курирует огромную территорию. Оно отвечает за здоровье людей, живущих в районах, простирающихся на восток от Уральских гор до Тихого океана, а на севере — до островов Северного Ледовитого океана. На всей этой обширнейшей территории отделение координирует исследования в области медицины и биологии, организует и направляет клиническую работу в сфере кардиологии, детских и профессиональных заболеваний и ряда других медицинских проблем; например, исследования, направленные на изучение механизма адаптации человека к различным климатическим условиям, ведутся повсюду в стране. Сибирское отделение выполняет часть общей программы. Оно изучает, как северный климат воздействует на человека, почему одни приспосабливаются к окружающей среде легче, чем другие.

— Знаете, — сказал Бородин, — например, люди, приехавшие из лесистых мест, привыкают к местным условиям быстрее, чем жители степей. А вот те, кто попадает на Север из центральных и южных республик, испытывают физиологическое и психологическое напряжение, которое отражается, в частности, на кровяном давлении. Наша задача определить, какой режим, какое питание, какие медицинские препараты следует использовать, чтобы снять излишние нагрузки. Бесчисленные поколения коренных жителей Сибири рождались в условиях долгой полярной ночи зимой и непрерывного светового дня летом. Но биоритмы людей, которые приезжают из центральных районов страны, нарушаются в условиях долгих полярных ночей.

Бородин повернулся к профессору Деряпе, заметив:

— Мой коллега руководит подобными исследованиями, часто выезжает для этого в командировки. Он может рассказать о своей работе.

— Обмен веществ у людей, приехавших из центральных районов России, и у местных жителей, родившихся в Сибири, неодинаков, — начал Деряпа. — Коренные сибиряки едят много мяса и жира, но не страдают от склероза. У них не наблюдается повышенное давление в такой же степени, как у приезжих из Центральной России, которые едят много сахара и углеводов. Кроме того, мест-

ные жители по-иному реагируют на различные лекарства.

Меня интересовали вопросы заболеваемости местных народов туберкулезом, связанной со сменой питания, распространения алкоголизма, — проблем, характерных для индейских племен и эскимосов канадского Севера.

— Мы считаем, что туберкулез связан не с недоеданием, а, скорее всего, с повышенной восприимчивостью к болезни и изоляцией, — сказал Бородин. — Коренные народности Севера обитают в большинстве своем в небольших поселениях, часто кочуют, ведут замкнутый образ жизни. Мы установили, что поражаемость некоторыми вирусными заболеваниями различных народностей Севера связана с районами их обитания. Местные жители чаще подвержены заболеванию туберкулезом, хотя и не в самых тяжелых формах; эффективное средство борьбы с ним — постоянные профилактические осмотры населения с целью своевременного обнаружения болезни.

Разговаривая об этом, мы не могли не коснуться проблемы медицинского обслуживания жителей отдаленных районов.

— Самое важное для нас, — сказал Никитин, — это количество врачей. В среднем по стране на каждые 10 тысяч жителей приходится 38 врачей. На Севере эта цифра не ниже, а в некоторых районах даже выше. Эти данные несравнимы с дореволюционными, когда на 250 тысяч жителей Якутии и территорию в 350 тысяч квадратных километров приходился один доктор. В этом крае было самое плохое медицинское обслуживание в Сибири. Теперь в экстренных случаях в труднодоступные поселения врачи попадают на самолете или вертолете. Многие клиники используют вертолеты регулярно, и местные жители, — с улыбкой добавил ученый, — всегда запрашивают только воздушный санитарный транспорт. Наши доктора «налетывают» каждый год многие тысячи километров.

Я спросил, до какой степени изыскательские работы и промышленное развитие Севера изменили образ жизни местных народов и народностей.

— Мы сталкиваемся с проблемой, существующей и у вас в Канаде, — ответил Бородин, — когда местные жители отказываются от традиционного питания, к которому их предки веками привыкали, и начинают все больше ис-

пользовать продукты европейской кухни, что пагубно сказывается на их здоровье.

— Как вы решаете эту проблему? — поинтересовался я.

— Мы разрабатываем специальные пищевые рационы, — сказал Бородин.

— А вы уверены, что коренное население применяет ваши рекомендации на практике?

— В большинстве случаев — да.

Профессор Бородин подчеркнул, что питательные рационы разрабатываются на основе тщательных исследований. В Норильске, крупном арктическом городе на реке Пясины, жители которого заняты в основном добычей никеля и меди, Сибирское отделение Академии медицинских наук проводит свои исследования совместно с Сибирским отделением Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук. Изучается адаптация растений в различных условиях Севера, их применение в продуктах питания и влияние на здоровье человека.

— Мы проводили специальные опыты с сибирскими травами, которые местное население использовало веками, и полагаем, что нам еще многое предстоит изучить.

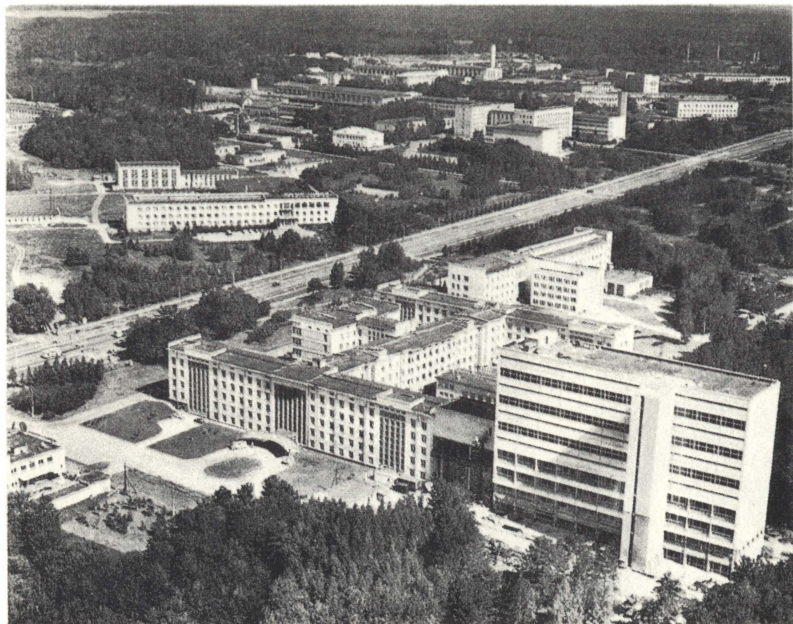
Разговор о сибирских травах побудил меня спросить об облепихе. Утром за завтраком в гостинице я заметил, что за соседними столиками пили какой-то оранжево-коричневый сок. Я решил непременно его попробовать. Он оказался приятным на вкус — ни сладким, ни кислым, и, представься мне такая возможность, я бы пил этот облепиховый сок постоянно. Я поинтересовался, почему облепиху не разводят для использования в более широких промышленных масштабах. Я сказал, что видел куст облепихи в роскошном саду возле дома академика Окладникова в Академгородке. Ягоды приходилось с трудом отрывать от колючего куста, но вкус их был превосходным.

— Вы, конечно, пробовали наш облепиховый сок? — спросил Никитин. — Это полезный напиток, богатый витамином А. Вообще у облепихи довольно много лечебных свойств, однако больше всего ее ценят за масло, которое используется для лечения язв и ожогов. Но оно производится пока лишь на одном заводе в Бийске.

Колючий куст, который вы видели, наверное, пересади-

Новосибирск. Главная улица города — Красный проспект

Академгородок. На переднем плане здание вычислительного центра

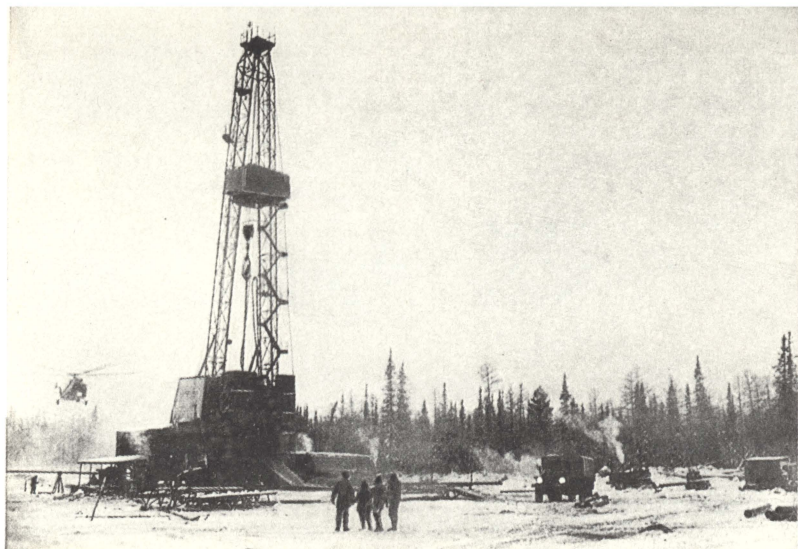
Тюмень. Памятник В. И. Ленину на центральной площади города

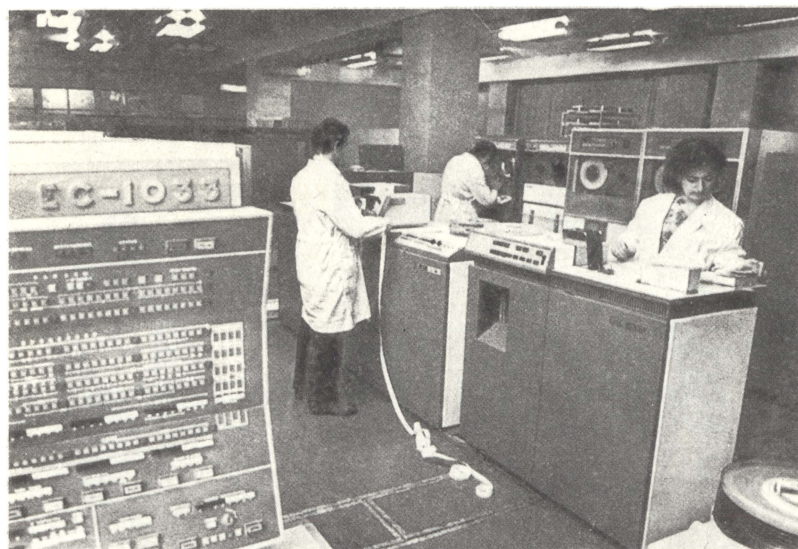
Нижневартовск — город молодых. По традиции молодожены приходят к обелиску первооткрывателям Самотлорского нефтяного месторождения

Буровой мастер, депутат Нижневартовского городского Совета Герой Социалистического Труда Григорий Петров (крайний справа) беседует со строителями

На северном Самотлоре

Вычислительный центр автоматизированной системы управления процессами добычи, подготовки и транспортировки нефти и газа на Самотлоре

Технику для нефтеразведчиков доставляют мощные вертолеты

Независимо от погоды в самые отдаленные точки Тюменской области вылетают по первому сигналу самолеты и вертолеты санитарной авиации

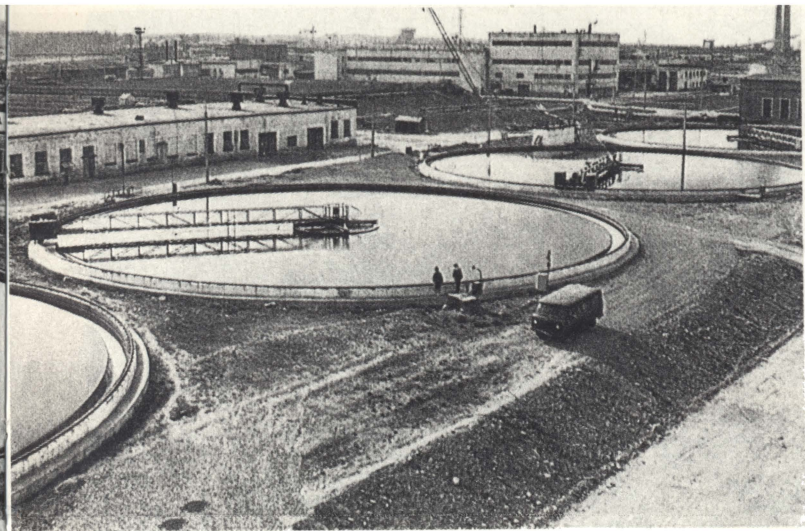
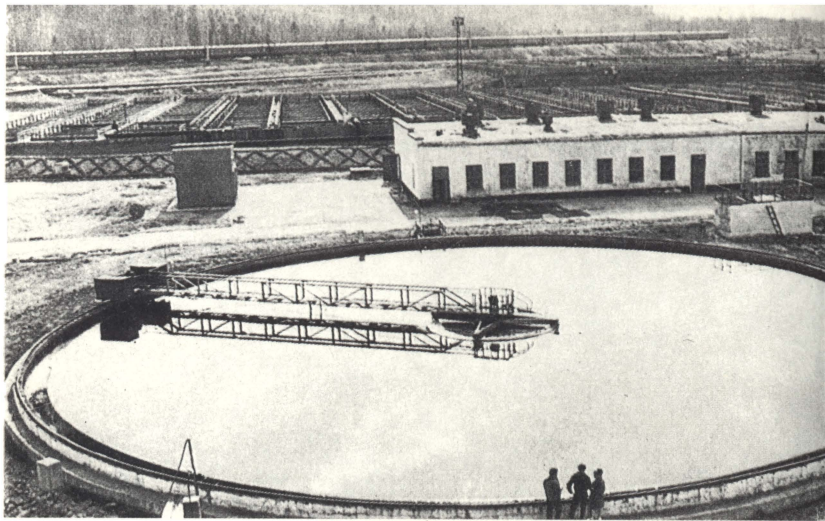
Северные олени —
богатство Сибири

Сибирским бальзамом
называют ягоду
облепиху

Огромны поля Сибири

Очистные сооружения на Байкальском целлюлозно-бумажном комбинате

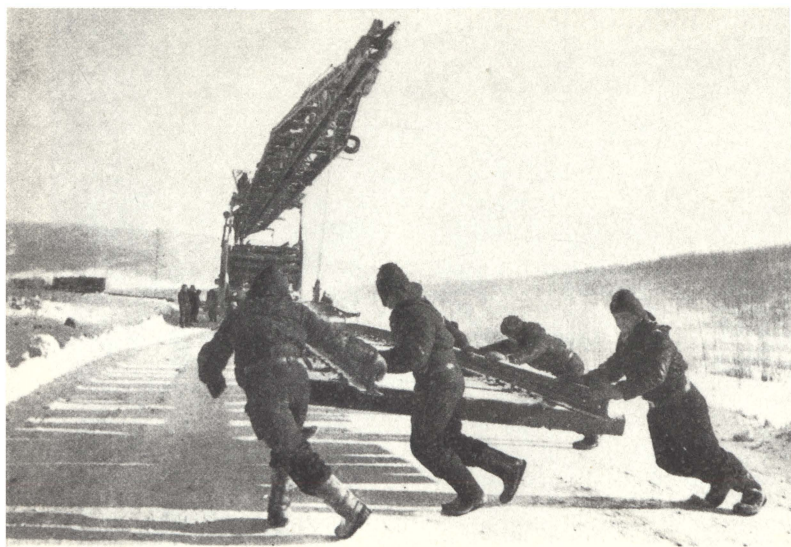
Главный пульт очистных сооружений Байкальского целлюлозно-бумажного комбината

Знаменитое озеро Байкал

1974 год. На строительство БАМа прибыл первый Всесоюзный ударный комсомольский отряд

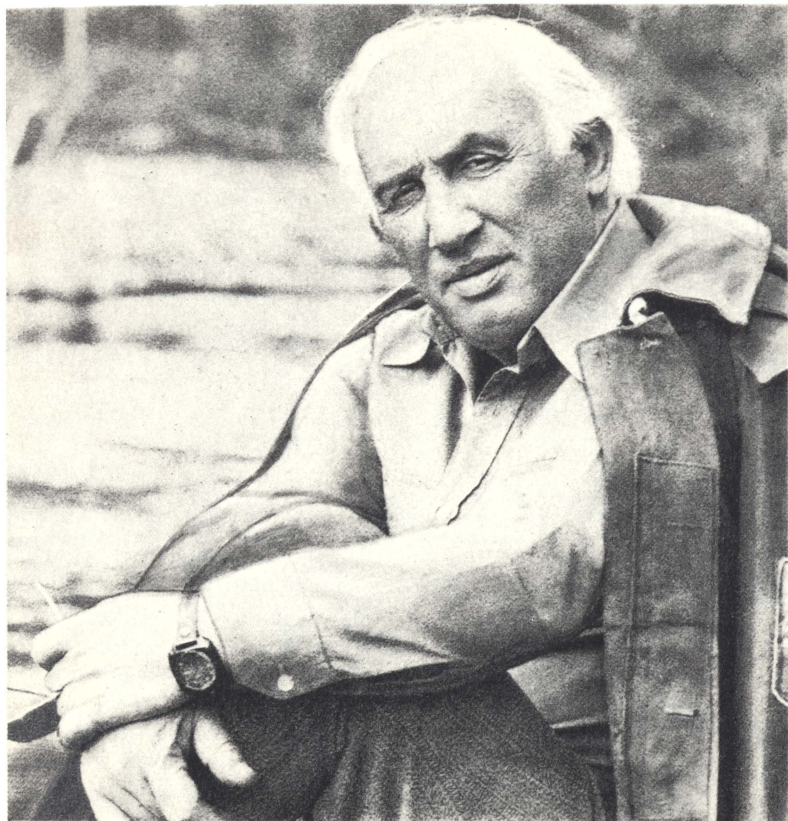
Укладка путей на трассе БАМа

Второе рождение переживает город Усть-Кут, откуда начинается БАМ

Здесь, в далеком таежном крае, возводится поселок грузинских баковцев
Ния

Руководитель грузинских строителей на БАМе Анзор Двалишвили

Строители поселка Ния

ли из естественных зарослей. Наши ученые вывели несколько новых разновидностей облепихи, без колючек, с вкусными ягодами, которые легче отделять от ветвей. Плантации облепихи расширяются, но дело движется медленно.

У сибирских ученых-медиков много проблем и задач. Одной из них является борьба с алкоголизмом — заболеванием, которое, по словам профессора Бородин, труднее всего искоренить, ибо приходится иметь дело с психологическими и физиологическими отклонениями. Давно минули те времена, когда эпидемии оспы и другие болезни, завезенные европейцами, усугубленные к тому же частыми голоданиями, опустошали местные селения. Но алкоголизм, заметил Бородин, — это словно проклятие, наложенное на местных жителей купцами, которые усиленно приучали коренное население к спиртному, чтобы получать задаром меха. Пристрастие к спиртному создает также проблемы на стройках, в рабочих поселках, где психологические факторы огромных безжизненных пространств и долгой ночи порождают стрессовые ситуации, угнетающе действуют на людей.

— Мы достигли определенных успехов, но нельзя сказать, — чистосердечно признал профессор Бородин, — что эта проблема решена. С пьянством необходимо строго и постоянно бороться. Сейчас мы разработали новую методику работы в условиях Севера, хотя ее можно рассматривать как временное, а не окончательное решение проблемы. На далекие разработки сырья или изыскательские партии мы предлагаем отправлять на работу людей самолетом всего на две недели, затем отдых дома в семье и снова две недели работы. Такой цикл поможет решить много вопросов, улучшит самочувствие рабочих, которые, твердо зная, сколько они пробудут в сложных условиях, смогут их легче переносить.

Всякий раз, читая канадские или американские газеты, я замечаю, что некоторые западные журналисты, претендующие на роль экспертов в делах Страны Советов, искусно насаждают в своих материалах расистские взгляды, подбрасывая мысль о том, что будущее Советского Союза, дескать, находится под угрозой из-за более высокого роста численности азиатских народов. Попытки вбить клин между советскими народами, поколебать их дружбу лишены

всякого смысла. С самого образования СССР как многонационального государства Советское правительство провозгласило равноправие всех народов и постоянно, настойчиво проводило этот принцип в жизнь. Эта благородная политика нашла отражение и в словах профессора Бородина, сказанных при расставании со мной:

— Население Сибири можно разделить на три группы: первую составляют коренные жители, которые обитали здесь до прихода русских, вторую — потомки первых переселенцев из России, мы называем их старыми сибиряками, и третью — новые сибиряки, приехавшие за Урал сравнительно недавно. Лучше всего приспособлено к условиям Севера коренное население. Перед нами ныне стоит задача — сохранить здоровье коренных жителей, обеспечить рост численности малых народов на территории, которую они занимали веками.

ПЕРЕБРОСКА СТОКА РЕК: ВЕЛИКИЙ СПОР

На протяжении последней четверти века советские ученые разрабатывали проекты переброски и перераспределения водных запасов Сибири, широко обсуждали преимущества и недостатки проектов, взвешивали возможные последствия каждого предложения. Идея использования вод Оби и Енисея для орошения пустынных земель Средней Азии отнюдь не нова. Еще в конце XIX века русский инженер Демьяненко предложил отвести часть воды из сибирских рек на юг. В те времена это был не больше чем дерзкий прожект. Теперь подобные планы технически осуществимы, хотя на воплощение их в жизнь потребуются десятилетия и миллиардные затраты.

Грандиозность проектов захватывает воображение. Они варьируются от различных предложений отвести воды рек до планов сооружения дамбы через Берингов пролив. Во всех этих проектах необходимо учитывать возможные последствия, которые могут оказать влияние на флору, фауну, климат не только СССР, но и других стран.

Река Обь, так же как Енисей и Лена, впадает в Северный Ледовитый океан, следуя по естественному склону континента. Один из планов отвода ее вод предусматривает

строительство ряда плотин через русла Оби и ее притока Иртыша. Как только образовавшееся при этом водохранилище достигнет уровня Тургайского водораздела, река потечет в обратном направлении. В этом проекте, в основе которого лежит идея создать водохранилище в центральных районах Западной Сибири, а потом отвести его воды в необходимом направлении, предлагается использовать шлюзы и насосные станции там, где нужно поднять воду до требуемого уровня.

Согласно другому проекту, огромное водохранилище намечается создать в северных районах Западной Сибири — в низовьях реки Оби близ Салехарда. Оттуда избыток воды будет направлен в бассейн Камы или Волги, а затем по руслам этих рек — на юг до каналов, по которым они пойдут в реку Урал и далее в опаленные солнцем пустыни Казахстана.

Авторы еще одного проекта предлагают проложить искусственную реку, берущую начало в Алтайских или Саянских горах, которая через существующие ныне каналы и Тургайский водораздел понесет свои воды в Казахстан. Однако эффективность системы в случае реализации проекта будет ограничиваться пропускной способностью каналов.

Самым дерзновенным предложением стал проект строительства через Берингов пролив 85-километровой дамбы. Плотина как бы восстановит древнюю перемышку, которая соединяла в ледниковый период два континента, однако с одним существенным различием — 140 тысяч кубических метров воды Северного Ледовитого океана будет ежегодно перекачиваться через дамбу в Тихий океан.

Аргументы в защиту этих проектов весьма убедительны. Получив воду, Казахстан, Узбекистан, Туркмения и Киргизия смогут увеличить свои сельскохозяйственные угодья, собирать в три раза больше зерна, расширить производство фруктов и овощей. Значительные районы Западной Сибири можно будет осушить и возделывать там сельскохозяйственные культуры. Можно поднять уровень Каспийского моря, который постоянно снижался в последние двадцать лет, и будущее его рыбных промыслов будет обеспечено. Кроме того, можно будет спасти Аральское море, которое постоянно отступает.

По проекту, который предусматривает перекрытие Берингова пролива и перекачивание вод Северного Ледовитого океана в Тихий — его предложил впервые около 20 лет назад советский инженер Петр Борисов, — теплое течение Гольфстрим, проходящее через Атлантику, вдоль северо-западного побережья Европы, пойдет и по Северному Ледовитому океану. Под действием теплых вод ледяные покровы растают, климат северной Европы и Азии станет мягче, Северный морской путь будет круглый год открыт для судов. Арктические районы освободятся от пут, тормозящих их развитие.

Но и доводы противников всех этих проектов очень и очень веские. Веками природные силы разрушали горы, поднимали и опускали морские берега, изменяли русла рек и климатические условия, превращали пастбища в пустыни, а пустыни в цветущие луга. Каков будет результат воздействия на природу человека на севере, откуда воды будут отведены, и на юге, куда они придут?

Возьмем теперь другой проект — перекрыть Берингов пролив, чтобы не допустить арктические воды на юг в Тихий океан и таким образом смягчить климат на полуострове Камчатка. Как реализация этого проекта отразится на рыбных промыслах в северной части Тихого океана, на миграции лосося к Камчатке и острову Сахалин, к Аляске и Канаде?

Проблемы, возникающие в связи с проектом строительства дамбы через Берингов пролив, если он когда-либо будет принят, затрагивают интересы многих государств, поэтому для реализации этого плана необходимо будет принять конкретное международное соглашение.

Обь и Енисей — две величайшие в мире реки, несущие свои пресные и сравнительно более теплые воды в Северный Ледовитый океан. Как повлияет ослабление их притока на льды Северного Ледовитого океана, который, как полагают многие синоптики, оказывал определяющее влияние на чередование ледниковых и межледниковых периодов в последний миллион лет? Возрастет ли площадь льда в Северном Ледовитом океане в связи с уменьшением притока пресной воды или она уменьшится, если воды океана станут более солеными? И во всяком случае, как подействует реализация этого проекта на климат в Европе и

Азии? Как скажется на окружающей среде — на животных, растениях?

Но если предположить, что в конце концов тот или иной проект по отводу обской воды будет принят, то останется открытым вопрос, удовлетворит ли она все нужды среднеазиатских республик без привлечения енисейских ресурсов.

Один альтернативный проект, по существу, предусматривает строительство канала, по которому енисейские воды пойдут в Обь, чтобы восполнить потери этой реки. Согласно этому проекту, параллельно западному берегу Оби будет сооружен еще один канал, в который через систему небольших гидротехнических сооружений вольется вода из Оби и ее притоков. Этот канал, снабженный такими сооружениями, протянется далеко на юг.

Ряд ученых проявляет беспокойство по поводу того, что лед в глубоких сибирских водохранилищах, которые предлагается создать, не будет успевать полностью таять во время короткого лета, что повлечет за собой изменения климата в Западной Сибири. У других специалистов вызывает тревогу будущее воздействие воды на засушливые земли Средней Азии, они предупреждают насчет долговременных последствий засоления почв, которые из-за избытка воды могут стать непригодными для земледелия.

Вопросов возникает много, и, прежде чем принять какое-либо решение, необходимо обобщить данные исследований различных учреждений¹, координирующих свою работу с помощью научного совета по проблеме перераспределения водных ресурсов Сибири.

Такие проекты не представляют чего-то нового для канадцев, ибо сходные предложения время от времени

¹ В «Основных направлениях экономического и социального развития СССР на 1981—1985 годы и на период до 1990 года», принятых XXVI съездом КПСС, предусмотрено: «Приступить к проведению подготовительных работ по переброске части стока северных рек в бассейн Волги, а также продолжить научные и проектные разработки по переброске части вод сибирских рек в Среднюю Азию и Казахстан».

Это решение съезда конкретизировано в Продовольственной программе СССР на период до 1990 года, одобренной майским (1982 г.) Пленумом ЦК КПСС. В ней сказано: «Осуществить до 1990 года строительство объектов первого этапа переброски части стока северных рек в бассейн реки Волги...» — *Прим. ред.*

выдвигаются и в Канаде, но они преследуют интересы Соединенных Штатов. Реки и озера Канады содержат одну седьмую мировых запасов пресной воды. А некоторые штаты США, особенно Калифорния, давно ощущают нехватку воды. И когда эта нехватка чувствуется особенно остро, США устремляют свой алчный взгляд на Север, на избыточные водные ресурсы Канады.

Существует, однако, большая разница между Советским Союзом, стремящимся решить водные проблемы на базе собственных ресурсов в интересах всей страны, и Соединенными Штатами, которые занимают командные высоты в канадской экономике, препятствуя ее равномерному развитию, ущемляя суверенитет Канады, пытаясь за ее счет ликвидировать свои трудности с водоснабжением.

В 1965 году был предан широкой гласности один из хищнических проектов Соединенных Штатов. Он получил название «Северо-американского водно-энергетического союза» и стал известен общественности как план Парсонса — по названию фирмы, подготовившей техническую документацию. Этот проект предусматривал создание целой сети гигантских водохранилищ, вода в которые должна поступать из бассейнов рек Юкона, Лиарда, Макензи, из них идти далее на юг в США вплоть до долины реки Рио-Гранде в Техасе и на восток — в Небраску и Канзас. Авторы плана Парсонса наметили создать в котловине Скалистых гор гигантское озеро длиной 800 километров, простирающееся от Принс-Джорджа (Канада) до Либби (штат Монтана, США). 70—80 процентов воды поступало бы в водохранилище из канадских рек и озер. Предполагаемая стоимость работ, составлявшая в то время один миллиард долларов, ныне увеличилась по крайней мере в четыре раза.

Этот проект вызвал ожесточенные политические дебаты в Канаде. Выступая в палате общин, премьер-министр Лестер Б. Пирсон признал, что США «страстно желают заключить соглашение, по которому часть наших водных ресурсов уйдет вниз на юг», и предупредил, что Канада должна быть осторожна, «не раздавать свои огромные запасы без учета собственных нужд». Арт Лэнг, министр по делам северных территорий, утверждал, что США могут решить проблему водоснабжения, очистив загрязненные

реки и озера. Генерал А. Г. Л. Мак Нохтон, командовавший канадскими войсками во время второй мировой войны, заявил, что «предложение о распределении ресурсов, которыми владеет Канада, попахивает скорее грабежом, чем совместным развитием».

В ходе полемики выяснилось, что проблема водоснабжения степных провинций Канады, которые уже страдают от нехватки воды в засушливые годы, к двухтысячному году, по-видимому, станет весьма острой.

Теперь стараются протолкнуть другой план, который выдвигается через международную организацию футурологов, обосновавшуюся в Вашингтоне; ее руководители связаны с крупнейшими корпорациями США. По проекту намечается создать огромное пресноводное озеро в заливе Джеймса на южной оконечности Гудзонова залива, отгородить его дамбой и провести канал через Великие озера в Соединенные Штаты. Автор проекта Томас Киеранс, директор института имени Александра Грейама Белла при Кейп-Бретонском колледже, провинция Новая Шотландия, отмечает, что политические мотивы препятствовали развитию по-настоящему континентального сотрудничества, которое позволило бы полностью использовать все возможности регулирования водных запасов Северной Америки. В качестве первых шагов для реализации своего плана он предлагает организовать семинары с участием специалистов из США и Канады, создать канадо-американские исследовательские учреждения.

В ходе своей поездки я хотел обсудить с советскими учеными и руководителями, какие меры предпринимаются в Сибири для защиты окружающей среды. У нас в Канаде растет обеспокоенность населения, вызванная действиями соседа, протягивающего свои руки к водным ресурсам страны, а его промышленная активность обернулась для Канады выпадением кислотных дождей, уничтожением всего живого в озерах провинций Онтарио и Квебек.

Как показали исследования канадских ученых, кислотные осадки состоят из частиц двуокиси серы, окисей азота и других веществ, смешивающихся в атмосфере с кислородом и водными испарениями. Эти осадки выпадают в виде дождя и снега, губительно воздействуя на рыбу и растительность. В озерах Онтарио пресноводная креветка,

которой в основном питается форель, уже уничтожена. В реках Новой Шотландии на путях миграций лосося исчезает корм. У свеклы, моркови, редиса и спаржевой капусты повреждаются ботва и листья. Рост деревьев замедляется.

В Тюмени Юрий Старцев уже рассказывал мне об очистных сооружениях, которыми оборудованы нефтепромыслы, и о том, какие меры предпринимаются для того, чтобы предотвратить утечку нефти в почву, в реки и озера.

В Новосибирске главный редактор газеты «Советская Сибирь» Николай Безрядин сообщил мне, что недавно на защиту окружающей среды от загрязнения было истрачено 47 миллионов рублей.

— Мы понимаем, что это дорого, очень дорого, — сказал он, — но если бы мы этого не сделали, то в будущем пришлось бы истратить гораздо больше средств.

Он добавил, что «Советская Сибирь» все время выступает против строительства промышленных предприятий в районе озера Байкал.

— Сейчас мы обеспокоены последствиями реализации в будущем других проектов, — сказал Безрядин. — Нас тревожит, что плотины, которые предлагают возвести на Оби для обеспечения водой Узбекистана и Казахстана, будут способствовать обмелению реки, хотя я знаю, что проекты еще находятся в стадии исследования. Мы обеспокоены и планом перекачки воды из Оби в Кулундинскую степь и Алтайский край, где водные источники редки. Насосная станция уже строится на реке Иртыш. Мы думаем, что к тому времени, когда соберутся забирать воду для нужд сельского хозяйства и промышленности Средней Азии, ее и здесь уже не будет в избытке.

Профессор Валерий Макаров, с которым я встречался в Академгородке, предупреждал:

— Мы должны быть очень осторожными. Природа находится в хрупком равновесии, и невозможно предсказать все последствия воздействия на нее человека. Вообще, я против таких проектов, которые влекут за собой широко-масштабное вмешательство человека в ход естественных процессов. Я понимаю, что всякий план должен рассматриваться с точки зрения той пользы, какую принесет его реализация, но приниматься должны только предложения.

осуществление которых не повлечет за собой нарушения природного равновесия. Многие ученые выступают, например, против строительства нового канала от реки Иртыш до Караганды в Казахстане. Уже действующий канал протянулся почти на 400 километров. Новая искусственная река должна по проекту иметь длину полторы тысячи километров.

В Иркутске почти так же ответил на мои вопросы Иннокентий Мельников, заместитель председателя облисполкома.

— Нам необходимо прежде всего учитывать возможные изменения флоры и фауны в районе, откуда мы собираемся брать воду, чтобы, решая одни проблемы, не создать новых. Нас окружает природный мир, сложившийся за многие тысячи лет. Мы должны заботиться об окружающей среде, чтобы ее сохранить. Если мы проявим беспечность и недальновидность, то через несколько лет обнаружим, что потеряли огромные природные богатства.

Он рассказал, как рождаются сложные проблемы, на примере целлюлозного комбината, построенного в непосредственной близости от озера Байкал.

— Комплекс по очистке воды в Байкальске — один из самых совершенных в мире. Предполагалось, что он покончит с загрязнением. Но технология имеет свои пределы, зависящие от уровня наших знаний в настоящее время. Иногда она не отвечает предъявляемым требованиям. Бывает еще, что в Байкал спускают не полностью очищенную воду. Поэтому мы должны иметь замкнутую систему водоснабжения.

Широкие дебаты в печати, касающиеся проблем озера Байкал, и меры Советского правительства, направленные на его сохранение, имеют историческое значение. Они, в частности, показывают реальную заботу Советского государства и общества в деле защиты и сохранения окружающей среды.

С началом промышленной революции целые поколения трудились на рудниках, металлургических заводах, фабриках в ужасных условиях, которые вызывали невиданный рост социального протеста. Однако мало кого заботило в то время, что фабричные трубы выбрасывали тучи дыма и сажи в воздух, а различные отходы превращали реки в

клоаки. Владельцы рудников и заводов, получая большие прибыли, заботились о сохранении окружающей среды не больше, чем об улучшении отвратительных условий, в которых трудились рабочие.

Понимание того, что рост промышленности, приводящей к увеличению перерабатываемых отходов производства, пагубно сказывается на здоровье людей и приносит убытки, часто намного превышающие затраты на сохранение окружающей среды, пришло только в послевоенное время вместе с развитием науки. Однако, несмотря на предупреждения ученых о том, что воздух и море не могут бесконечно поглощать отравляющие вещества, западные специалисты в области окружающей среды вынуждены вести беспрестанную борьбу с промышленными корпорациями, которые требуют от правительства смягчить законы и идут на все, чтобы избежать затрат на очистные сооружения.

Я много слышал и читал о спорах, возникших вокруг озера Байкал, но не знал всех подробностей проблемы, пока однажды Ляля не перевела мне в новосибирской гостинице главу из книги Леонида Шинкарева «Сибирь: откуда она пошла и куда она идет».

И вот на следующий день после приезда в Иркутск мы отправились на долгожданное свидание с озером Байкал. Нас сопровождал в поездке Валерий Таненбаум, сидящий, элегантный заместитель начальника иркутского областного управления издательств, полиграфии и книжной торговли. Он знал много историй, связанных с озером Байкал. Одна из них показалась мне довольно любопытной.

— Знаете, — спросил он меня, — почему президент Эйзенхауэр очень хотел посетить озеро Байкал во время своего запланированного в 1960 году визита в СССР, который отменили после того, как был сбит на своем шпионском самолете Пауэрс?

— Понятия не имею.

— Отец президента был директором золотых приисков на Лене, и сам Эйзенхауэр в детстве некоторое время жил в Бодайбо. Ему просто хотелось встретиться здесь со своей юностью.

Я знал, что Эйзенхауэр — сын канзасского фермера,

его родители были членами секты «речные братья». И как ни казалась мне эта история неправдоподобной, я ее не мог тогда опровергнуть. Однако где-то я уже слышал подобный рассказ. И, только вернувшись в Канаду, я вспомнил, где.

В своей книге «Сибирь: мое открытие Сибири» канадский писатель Фарли Моуэт рассказывает, что при посещении озера Байкал его сопровождал сибирский поэт Марк Сергеев, который сообщил ему о том, что Эйзенхауэр очень хотел увидеть Байкал, ибо кто-то из его близких родственников стремился до революции приобрести там участок земли для курорта.

Чтобы выяснить истину, существовал, вероятно, один путь. Я связался с библиотекой Д. Эйзенхауэра в Абилине, штат Канзас, где родился президент. Ее директор Джон Е. Уикман, как я и ожидал, ответил, что Эйзенхауэр никогда в детстве не бывал в России и что «слухи о том, будто его отец интересовался российскими компаниями или курортами, весьма неправдоподобны, хотя абсолютно точно этого доказать нельзя из-за отсутствия надлежащих сведений, касающихся этого периода».

Однако среди документов, присланных мне Уикманом, были копии речей, которые Эйзенхауэр намеревался произнести в Иркутске. Я прочел их, сожалея об утраченной возможности улучшить отношения между США и Советским Союзом. Полет разведывательного самолета никак не согласовывался с визитом доброй воли президента Эйзенхауэра и такими словами из его непроизнесенной речи:

«Я надеюсь, что ваш Восток и наш Запад, ваши новые районы и наши новые районы помогут нам как следует подумать о будущем. Ошибки прошлого не должны повторяться. Мы обязаны и в состоянии посвятить себя строительству будущего, установлению справедливого, долгого, нерушимого мира».

...Мы ехали мимо деревушек с одинаково расположенными вдоль дороги бревенчатыми домами, покрашенными яркой краской, мимо коров и коз, пасущихся по обочинам дороги. Сияло солнце, и под его лучами переливались блестящим золотом листья берез. Иногда взору открывались то поляна, заросшая травой, то ручеек, сбегающий по склону холма.

Озеро Байкал открывалось постепенно. Вот мы проехали мимо устья Ангары, мимо пристани, откуда отплывали речные суда. Потом мы остановились у озера и долго смотрели на противоположный берег устья реки, где на отмели у подножия утеса приютилось крошечное селение. За утесом шла небольшая долина, изогнутая полумесяцем к озеру. На ней тут и там стояли дома, которые в отличие от поселка на отмели были хоть как-то укрыты от ветров.

Позади отмели и разместившегося на ней селения, немало южнее по берегу озера шли глубокие бухты. К востоку, на другой стороне озера, в легкой дымке возникали холмы. На севере озеро превращалось в огромное внутреннее море. Оно раскинулось за линией округлых холмов, уходящих далеко к скалистому мысу, и взору открывалась лишь безбрежная водная гладь и небо. Широкое шоссе с ограждениями на поворотах, выкрашенными в белый цвет, повторяло контур береговой линии.

Каждый год озеро Байкал посещают тысячи туристов из всех стран мира. Утром, когда мы собирались в путь, у гостиницы «Интурист» стояла вереница автобусов, в которые усаживались пассажиры. Правда, на озере показалось, что рядом с нами было совсем мало машин.

— Все, кто бывает на Байкале, обязательно пробуют его воду, — уверенно заявил Валерий, доставая стакан из вещевого ящичка автомашины.

Мы послушно спустились вниз по берегу, усыпанному галькой, к самой кромке воды, где бились волны. Мы приняли хороший душ, прежде чем зачерпнули байкальской воды в стакан. Но в конце концов сумели ее попробовать. Она была чистой и холодной...

ДОРОГА В БУДУЩЕЕ

Еще до своего небольшого путешествия в Нию на автомотрисе, в которую мы сели на мосту, построенном через Лену, я слышал немало рассказов о начальных днях строительства БАМа, когда первая группа рабочих выехала из Якурима для прокладки зимней дороги в Таюру.

Немногие события нашего времени так хорошо освещаются прессой, как сооружение БАМа. Корреспонденты газет прилетают из Москвы в поселки строителей, распо-

ложенные вдоль магистрали. Многомиллионной аудитории показывается по телевидению ввод в эксплуатацию каждого нового участка БАМа. Свою лепту вносят кинохроника и фоторепортеры, создающие повседневную летопись о строителях железной дороги. Вся страна знает о БАМе.

К сожалению, очень немногие знают в Канаде и США о том, что в Сибири прокладывается новая железнодорожная магистраль. Такое важное событие достойно освещения в любой газете, однако большинство органов массовой информации умалчивает об этом.

Даже если не принимать в расчет масштабы строительства, преграды, которые необходимо преодолеть, экономическую выгоду будущей дороги, то каждого побывавшего здесь поражает энтузиазм, овладевший советской молодежью, ее увлеченность БАМом, стремление достойно выдержать все трудности и невзгоды.

С того дня как XVII съезд комсомола провозгласил свой зажигательный призыв к молодежи принять участие в сооружении БАМа, в добровольцах не было недостатка. Заявления продолжают поступать обильным потоком, все новые юноши и девушки приезжают на строительство магистрали. Но это отнюдь не безработная молодежь, которая рада получить любое место, как это наблюдается сейчас в западных странах. Советских юношей и девушек соблазняют не высокие заработки. Их привлекают сюда прежде всего романтика неизведанных просторов, желание попробовать свои силы в настоящем деле, понимание значения освоения обширных районов для советской экономики.

В Усть-Куте мне рассказали о первой группе молодых строителей — среди них было 14 мужчин и 2 женщины, — которые в январе 1974 года вылетели строить 64-километровую зимнюю дорогу в Таюру.

В то время как юноши валили деревья впереди бульдозера, корчевавшего и сгребавшего в кучу пни, девушки — Таня Алферова и Галя Нефедова — трудились на кухне. Порой ребятам приходилось работать по колено в снегу. Земля была твердой как камень. Особенно тяжело приходилось, когда они забивали сваи для деревянных мостов, которые сами строили. Даже обеспечение водой представляло собой трудность. Но за месяц они прорубили просеку

к реке Таюра и вбили первый столб на месте будущего поселка, который молодые строители называли Звездным в честь Центра подготовки космонавтов под Москвой.

Через несколько дней после того, как первопроходцы достигли реки, по неровной дороге затряслись грузовики, которые доставили материалы и оборудование для строительства поселка.

Отправление из Москвы, прямо с комсомольского съезда, 600 молодых добровольцев привлекло особое внимание к сооружаемой магистрали. Поезд, украшенный живописными флажками и транспарантами, с молодой пассажирами, одетыми в зеленую форму с эмблемой БАМа, проделал триумфальное путешествие по стране. Телевизионные камеры зафиксировали его путь, а фоторепортеры запечатлели тысячи людей, встречавших добровольцев цветами на каждой крупной станции.

К тому времени, когда добровольцы достигли Усть-Кута, наступила оттепель, и дорога в Звездный стала непроходимой. Пришлось отправлять их вертолетами.

— Иногда казалось, что небо забито вертолетами различных размеров и типов, — рассказывала Нина Жданова, корреспондентка газеты «Ленский коммунист», когда мы уселись в автомотрису и наша группа увеличилась до четырех человек, включая Лялю, Валерия и меня.

Нина — коренная сибирячка. Она родилась близ Красноярска. Для нее поездка по маршруту БАМа представляла собой обычное задание, но такое, в котором она была лично заинтересована, потому что раньше работала в Звездном.

— Я окончила Иркутский университет и хотела написать диссертацию по БАМу, — вспоминала девушка. — Чтобы собрать материал из первых рук, я решила поработать четыре месяца на БАМе и в 1975 году приехала в Звездный. Тогда это был палаточный городок, снабжавшийся с помощью вертолетов. В нем было около тысячи молодых людей всех национальностей, приехавших с разных концов страны. Они проложили прямой путь от Лены к Звездному и трудились наряду со строительными железнодорожными рабочими — наращивали полотно, строили мосты, укладывали пути.

Вместе с другими я прокладывала трубы для горячей

воды в поселке, мы поднимали их над землей в дощатых коробах, чтобы они не растопили вечной мерзлоты.

Иногда температура падала до минус пятидесяти градусов по Цельсию. Мы делали в палатках печки из пустых бочек из-под горючего, спали в одежде, но все равно мерзли. Однажды я проснулась утром и обнаружила, что не в силах поднять головы — мои волосы примерзли к стенке палатки.

Мы много работали, но никто не болел, хотя некоторым ребятам из южных республик пришлось уехать — они не могли переносить здешних холодов. В лагере не было спиртных напитков, да никто в них особенно не нуждался. Мы были полны энтузиазма. Все вместе работали и делили поровну трудности своего бытия. Мы не знали ни замков, ни запоров. Я понимаю, что мои слова покажутся избитыми, но мы действительно жили единой многонациональной семьей...

Автомотриса проехала мост через Лену и стала постепенно подниматься вверх по берегу реки. Вид на окрестности был просто великолепным. Далеко внизу сквозь деревья проблескивала река, вершины холмов на противоположном берегу постепенно сровнялись с нами. Все здесь напоминало мне Белую тропу и Юконскую железную дорогу за небольшим исключением — вокруг не было заснеженных горных пиков, а только холмы и низкие горы, покрытые по самые вершины лесом.

Я попросил Нину рассказать об охоте и рыбной ловле в этих краях.

— Местное население всегда занималось охотой и рыболовством, — ответила она. — Здесь для этого раздолье. Местные жители и сейчас не расстаются с любимым занятием. Теперь, когда в поселках, расположенных вдоль железной дороги, население быстро растет, я думаю, это скажется на здешних лесах и водах. Не случайно одним из первых в Звездный приехал инспектор по охране природы.

Первый поезд пришел в Звездный не по рельсам, а на лыжах... Рассказ об этом был одной из многих невероятных историй, что я слышал в Усть-Куте. Несомненно одно — осуществление такой операции свидетельствует о необычайной изобретательности и мастерстве. Дело было так.

Для снабжения поселка энергией было решено заменить многочисленные движки одним энергопоездом. Но как доставить его в Звездный? Решение проблемы предложил Виктор Мельников, главный механик строительного поезда № 266 в Усть-Куте. Идея Мельникова была смелой — поставить энергопоезд на лыжи-волокуши и протаскать тракторами и бульдозерами по зимнику в Звездный.

Осенью, незадолго до того как стала река и уже шел мелкий лед, 68-тонный энергопоезд был погружен в Усть-Куте на баржу тракторами и переправлен на другой берег рядом с зимней дорогой. Когда Лена замерзла и по зимнику пошли грузовики, энергопоезд с песчаного берега поставили на приготовленные лыжи-волокуши. Через несколько дней изнурительного, напряженного, рискованного пути по холмистой местности, когда надо было неустанно следить, чтобы поезд не свалился с дороги, смельчаки-трактористы доставили его в целости и сохранности в Звездный. Поселок получил собственную электростанцию.

Над каждым поселком, построенным по линии БАМа, шефствует одна из советских республик или областей. Так, над Звездным взяла шефство Армения, над Нией, куда мы направлялись, — Грузия.

На станции Ния нас встретил Анзор Двалишвили, высокий, сухопарый грузин, руководитель здешнего строительства. Он весело поздоровался, «утрамбовал» нас вместе с багажом в «газике» и с ловкостью опытного водителя повез нас по бегущей серпантинном по склону холма дороге, спускающейся к поселку.

В машине нельзя было шевельнуться от тесноты, и я не смог что-либо рассмотреть из окна. В конце концов мы остановились возле одного из двухквартирных домов. Одна трехкомнатная квартира в нем служила гостиницей, другую занимала семья Анзора.

— Располагайтесь как дома, — сказал он после того, как мы вытащили наши чемоданы из самых глухих тайников машины и перенесли их в дом. — Здесь все есть — ванная, холодильник, плита, если что нужно, не стесняйтесь, спрашивайте.

Поселок строят грузинские рабочие. В необычных природных условиях, столь непохожих на их собственные, они

воспроизвели здесь по возможности маленькую частицу своей республики, перенесли свои обычаи, культуру, кухню, традиционное гостеприимств.

В тот вечер за ужином в маленькой уютной столовой квартиры Анзора нас угостили грузинскими блюдами, грузинским вином, коньяком, даже грузинскими сигаретами. И когда Анзор спросил меня, что я думаю о приятном грузинском коньяке — «самом лучшем в стране», потребовалась недюжинная изобретательность, чтобы воздать должное этому напитку, не обидев армянских друзей, которые знают о моем пристрастии к их коньяку.

— Давайте сходим, посмотрим, как живет молодежь, — сказал Анзор после ужина.

Молодежью оказались не две собственные дочери Анзора, а учащиеся средней школы, директором которой была его жена Надежда Хныкина, бывшая бронзовая медалистка Олимпийских игр в беге на 200 метров и прыжках в длину, золотая медалистка многих советских чемпионатов. Несколько молодых людей организовали здесь вокальный ансамбль. Естественно, многие песни исполнялись ими на грузинский манер. Все выступления были интересными. Особенно понравился мне маленький танцор в грузинском национальном костюме.

Затем нас пригласили на показ грузинских фильмов, который проходил в здании из гофрированного алюминия. Его непритязательный внешний вид резко контрастировал с артистической законченностью внутреннего убранства.

Почетное место в фойе занимали фотографии выдающихся представителей грузинского народа, погибших во время второй мировой войны, а также выцветшие газетные вырезки, рассказывающие об их подвигах. На стенах зала были развешаны снимки, воссоздающие историю поселка: первая просека, первые неказистые постройки, первые сборные домики, доставленные вертолетами. А бок о бок с ними красовались фото новостроек в Тбилиси и Пицунде, в сооружении которых участвовал Анзор.

— Я не специалист по строительству железных дорог, я просто строитель. Мы строим поселок, а не магистраль, — объяснил Анзор. — Когда Совет Министров республики решил, что Грузия возьмет шефство над этим будущим поселком и ЦК Компартии рекомендовал меня в качестве ру-

ководителя строительства, я не знал, что нас здесь ожидает. Мне приходилось руководить стройками в Тбилиси и Пицунде, я строил холодильные установки в Тегеране, но это было совсем другое дело.

Когда я впервые приехал сюда, чтобы ознакомиться с местом, здесь ничего не было. Ничего, кроме девственной тайги. И вот мы — 350 семей и все из Грузии — приехали в далекую Сибирь, чтобы построить совершенно новый поселок. Утром я покажу вам, что мы успели сделать.

На следующее утро я отыскал тропинку и направился было по ней в тайгу. Мне захотелось найти Нию — маленькую речушку, которая, извиваясь, бежит мимо названного в ее честь поселка и впадает около Звездного в реку Таюру. Но вскоре тропинка оборвалась, тайга вокруг меня становилась все неприветливее. Пришлось оставить эту затею и вернуться в поселок.

Я нашел Анзора в длинном деревянном здании, установленном на высоком фундаменте. Здесь размещалось строительное управление.

Анзор стал заботливо расспрашивать меня, хорошо ли спал, как отдохнул, что хотел бы увидеть. Я ответил, что прежде всего хотел бы уяснить расположение поселков, строящихся вдоль БАМа. Я знал, что их будет шестьдесят между Усть-Кутом и Комсомольском-на-Амуре, но ни на одной из карт, которые имелись в моем распоряжении, их, понятно, не было.

Анзор подвел меня к большой карте, прикрепленной к стене.

— Здесь тоже еще не все поселки нанесены, — сказал он. — Смотрите — вот старая Таюра, но на месте нашей Нии никаких знаков и надписей. Однако большинство населенных пунктов на этой карте уже есть.

Затем с характерным для него широким жестом Анзор снял карту со стены, сложил и протянул мне.

— Возьмите, если она вам нужна. Я могу достать другую.

Накинув на плечи парку, Анзор повел меня к своему «газику».

— Теперь, — заявил он, — посмотрим, что вы скажете о наших новых домах в поселке.

Новые здания расположились на другом конце расчи-

щенной площадки, отделенные от старых построек широким пространством глубокой грязи, из-за которой я, собственно, и не рискнул добраться до них раньше.

Новый поселок меня поразил. На широкой, слегка наклонной возвышенности, окруженной темной задумчивой тайгой, уже расположились группы двухэтажных домов, три пятиэтажных здания с плоскими крышами и шестиэтажные дома с крутыми покатыми крышами. Белое здание новой школы стояло в центре, так что никому из ребят не придется далеко добираться до нее в зимнее время. Различные по отделке фасады зданий из красного и серого кирпича украсили бы любой современный город. Для обычной железнодорожной станции, затерявшейся в тайге, где веками стояли бревенчатые дома, это было просто грандиозно.

— Когда все поселки БАМа будут закончены и все промышленные комплексы вступят в строй, — заметил Анзор, — многим придется изменить свои представления о Сибири.

Владимир Чамахашвили, главный инженер строительства Нии, начал работать в Сибири на строительстве Ангарского химического комбината, а затем приехал на БАМ. Он долго рассказывал о своих замыслах, когда я беседовал с ним поздно вечером после ужина.

— Мы строим не у себя дома, — говорит он, — но заботимся здесь о том же, о чем заботятся повсюду, — сделать что-то красивое. Об этом я думал, работая в Рустави под Тбилиси. Местность здесь совсем иная, чем у нас. И мы должны были поставить наши здания так, чтобы они гармонировали с окружающей природой, чтобы через несколько лет люди думали об этих зданиях как о неотъемлемой части окружающего их мира, как будто они стояли здесь вечно.

Все согласились с ним. Неважно, будут ли нынешние строители жить в этом поселке или уедут обратно в Грузию, завершив свою работу; они хотят оставить после себя поселок, который вызывал бы восхищение.

Все, кто собрался за столом в тот вечер, приехали с первой бригадой: Анзор Лилуашвили — прораб, человек спокойный, степенный; Рафаэль Мелкумов — экономист-плановик, который обнаружил, что здесь нужнее его первая

профессия; Владимир Николаев — инженер-строитель, зна-
комый с трудностями первой зимней ледовой дороги.

— В Грузии нашлось столько желающих поехать на БАМ, что пришлось отбирать среди них первую бригаду, — сказал Лилуашвили. — Я работал на железной дороге, когда услышал, что Грузия взяла шефство над Нией. Конечно же, я попросился сюда.

— Раньше я работал кузнецом, — объяснил Рафаэль Мелкумов. — Окончил политехнический институт и стал экономистом-плановиком. Учился по вечерам, а днем работал. Я приехал в Нию как экономист, но в первые дни заметил, что большую часть времени провожу в кузнице.

— Я прибыл сюда по зимнику, — сказал Николаев. — Перед ледоходом мы обычно ездили на машинах с открытой дверцей, готовые выпрыгнуть, если машина пойдет под лед. Мы жили возле дороги в палатках на речном берегу. После ледохода грузы в Нию можно было доставить лишь вертолетом.

Из окна дома, где мы собрались, виднелись голые склоны холма, чернели огромные шрамы, оставленные пожаром. Он, видимо, был большой и прошел несколько лет назад.

В Сибири, обладающей миллионами гектаров леса, ежегодно случаются лесные пожары, особенно знойным летом. Для борьбы с ними разработаны различные методы, созданы специальные пожарные подразделения, которые доставляются к месту пожара на самолетах и вертолетах. В СССР создается космическая система наблюдения за состоянием лесов, которое будет вестись со спутников. Информация об очагах пожаров будет незамедлительно передаваться на землю.

Я спросил Николаева о голых склонах холмов.

— Да, это был сильный пожар, — ответил инженер. — Он вспыхнул летом 1975 года. На борьбу с ним вышли все, кто находился в поселке, а нас в то время работало здесь семьдесят человек. Но своими силами не удалось обуздать огонь. Пришлось послать по радио на установленной волне сигнал об опасности. Ответа не последовало. Тогда мы вынуждены были открыто попросить о помощи.

К счастью, наше сообщение приняли, иначе огонь мог охватить весь район и полностью уничтожить поселок. В то утро жители Звездного вышли на работу на час раньше

обычного. Они узнали о нашей беде и прислали в помощь на вертолете около 20 человек. Вместе с ними мы наконец остановили огонь.

Теперь нам не надо рассказывать, что такое пожар в тайге. Пустоши, оставшиеся после него, надолго изуродовали эту землю.

Было темно, ярко сияли звезды, когда на следующий день в половине пятого утра мы сели в автобус, который, неуклюже покачиваясь то в одну, то в другую сторону, доставил нас к станции. Мы сердечно попрощались с Анзором, которому в сибирской тайге удалось воссоздать маленький уголок Грузии.

Мы вошли в автомотрису с утреннего морозца, но печурка в ней так накалилась, что никто не мог просидеть возле нее больше нескольких минут. Николаев и Чамахашвили, которые собрались с нами в Усть-Кут, прошли в другую часть вагона.

Звезды исчезли, за пеленой облаков показался серый, влажный рассвет. Нас окружала темная великолепная непотревоженная тайга. Только в нескольких километрах от Звездного вспыхнули в сумерках фары машины, мчавшейся по скрытой от нашего взора дороге. Проехали Звездный, яркие огни которого протянулись вдоль берега и речной отмели. То и дело приходилось останавливаться, чтобы подобрать случайных пассажиров. Потом нас снова обступила тайга, и мы начали долгий спуск к Лене.

День был уже в полном разгаре, когда мы подъехали к мосту через Лену, от которого начали свое путешествие по трассе БАМа.

Прощавшись с попутчиками, машинистом автомотрисы, мы отправились на автомашине в свою гостиницу в Усть-Куте. Здесь нам сообщили, что из-за плохой погоды наш вылет в Якутск откладывается. Когда возобновятся рейсы, мы узнаем лишь после полудня.

Я смотрел из окна гостиницы на морозящий дождь, на туман, нависший над вершинами холмов, и в глубине души у меня оставалось все меньше надежды, что нам удастся улететь.

Минул полдень, самолеты еще не поднимались в воздух, затем пробило два, четыре часа, и стало ясно, что сегодня никто не улетит.

Валерию надо было возвращаться в Иркутск, и он нервничал из-за вынужденной задержки в Усть-Куте. Нас же ждала дорога в Якутск.

Нам оставалось только ждать, и мы коротали время, обсуждая, что же делать дальше. Мы могли уехать поездом в Братск, но отнюдь не были уверены, что оттуда удастся вылететь в Якутск. Поэтому мы решили остаться здесь, ждать и надеяться, что завтра самолет полетит в Якутск.

В томительном ожидании летной погоды прошел еще день. Поднявшись на следующее утро с постели и увидев туман, стелившийся по реке, я не был настроен оптимистично. Однако в той стороне, где разместилось летное поле Усть-Кута, небо становилось все яснее и прозрачнее. ...Я вздохнул с облегчением, когда самолет вырулил на взлетно-посадочную полосу и застыл, ожидая разрешения на взлет.

КРАЙ, ОЖИВШИЙ ПРИ СОЦИАЛИЗМЕ

Киренск — один из нескольких поселков, основанных на Лене первопроходцами. Они поселились здесь, на берегу реки, несущей свои воды из глубины континента, несмотря на суровый климат и удаленность. Вокруг было много пригодной для обработки земли. Леса были богаты пушным зверем, водоемы — рыбой. К началу XVIII века (в то время Торонто был маленьким французским торговым постом) в долине реки Лены сельским хозяйством занимались 164 крестьянские семьи. Они обосновались близ Илима, Витима, Алдана и Киренги — в районах, как выяснилось теперь, богатых полезными ископаемыми. И гораздо более ценными, чем слюда, заменявшая им оконные стекла, залежи которой первые поселенцы обнаружили на реке Алдан.

В 1631 году поселенцы выбрали для застройки широкую полосу земли, далеко уходящую в реку. С годами узкий перешеек размыло водой, и теперь река беспрепятственно и величаво огибает город на острове со всех сторон.

Но я приехал в Киренск не только для того, чтобы полюбоваться здешним пейзажем. К востоку от Киренска на реке Витим расположен город Бодайбо — центр Лен-

ских золотых приисков. Я сам когда-то был золотоискателем и до сих пор испытываю интерес к этому делу. Мне всегда хочется побывать на приисках, познакомиться с их историей и технологией золотодобычи. Мне было известно, что на советских приисках золото извлекают из породы современными машинами, все операции высокомеханизированы и разительно отличаются от способов добычи, которые существовали полвека назад. Когда я работал в районе Атлина-Юкона, мне случалось проходить до 30—40 километров в день, чтобы открыть и закрыть запруду, установить лотки на холмах и начать орудовать тяжелым багром в потоке воды. Это был тяжелый труд. Старатели жили в невыносимых условиях, продукты и инструменты стоили дорого. В Канаде, как и в России, хозяева приисков и лавочники держали рабочих в долговой кабале. Однако жизнь канадских золотоискателей была неизменно легче, чем у рабочих Ленских приисков, объявивших в 1912 году забастовку, которая вошла в историю.

Добыча золота на реках Олекма и Витим в бассейне Лены началась в 1846 году. После завершения строительства Транссибирской железной дороги иностранный капитал прибрал к рукам месторождения полезных ископаемых в Сибири. Британская компания «Лена — Гоулдфилдс», образованная в 1908 году, приобрела 70 процентов акций «Ленского золотопромышленного товарищества» («Лензото») — самого крупного русского общества по золотодобыче. Прииски на Лене и Енисее давали до 70 процентов добычи золота в России.

Отчеты британской компании позволяют воссоздать ее историю. На первом ежегодном заседании акционеров в Лондоне в 1909 году руководители компании сообщали о получении 694 пудов золота. Они с удовлетворением отмечали, что «это была самая высокая добыча среди частных компаний в России, и такого результата еще никто не добивался на аллювиальных почвах». Держатели акций получили дивиденды порядка 20 процентов на вложенный капитал, а рабочим не выдали даже скудной зарплаты наличными.

В марте 1912 года рабочие приисков объявили забастовку, требуя сокращения рабочего дня, повышения заработной платы, отмены пресловутой системы оплаты труда товарами, соответствующего медицинского обслуживания и

улучшения условий для семейных рабочих — компания распределяла супругов на прииски, далеко отстоящие друг от друга.

Условия жизни, приведшие к забастовке, были подробно описаны в консервативном лондонском журнале «Экономист» от 18 мая 1912 года:

«...Отдаленность приисков ставит рабочих в большую, чем где-либо в других районах, зависимость от предпринимателей. Увольнение среди зимы почти равносильно смерти от голода и холода. Компания владеет всем жильем и всеми магазинами в округе, а также единственной железнодорожной веткой.

Утверждают, что компания, используя свои преимущества, отвратительнейшим образом злоупотребляет своим положением; она оплачивает труд товарами, предоставляет рабочим почти непригодные для жилья деревянные бараки, сырые летом и холодные зимой. Здесь часто налагаются штрафы, установлен превышающий все нормы рабочий день, зарплата никогда не выдается наличными, продукты низкого качества, стоят дорого. Работать приходится в ледяной воде, теплую же одежду можно купить только у компании по непомерно высокой цене...»

Компания отказалась выполнить требования рабочих, а полиция арестовала руководителей забастовочного комитета, хотя выступление носило мирный характер. Мирной была и демонстрация, организованная рабочими, требовавшими освобождения товарищей. Однако демонстрантов встретили войска. Они открыли огонь; было убито 270 и ранено 250 человек. Сообщение об этой бойне вызвало бурю негодования по всей стране. Во многих крупных городах России рабочие объявили забастовки протеста.

Руководители компании «Лена — Гоулдфилдс» в феврале 1913 года сделали по этому поводу следующее заявление: «Английская компания, владеющая большей частью капитала, не отвечает за действия местных властей и не несет никакой ответственности за условия, вызвавшие забастовку». В своем ежегодном докладе, сделанном в декабре того же года, компания жалуется: «...Неудовлетворительные итоги 1912—1913 годов в значительной степени обусловлены забастовкой. За небольшим исключением, все забастовщики покинули прииск, число работающих резко со-

кратилось, причем бóльшая часть из них недавно прибыла в эти края и не имела опыта в добыче золота...»

Но в последующих отчетах нет и намека на то, что компания предприняла какие-то меры для улучшения положения рабочих. Вместе с тем ее руководители внесли предложения, касающиеся увеличения прибылей предприятия посредством внедрения методов, которые «соответствовали бы технологии золотодобычи, уже опробованной в Клондайке, где климатические и геологические условия очень похожи на ленские».

На ежегодном заседании компании, состоявшемся 14 июня 1919 года, ее председатель лорд Харрис выразил надежду на то, что адмирал Колчак поймет «важность для белого сибирского правительства увеличения добычи ленского золота». Лорд Харрис не хотел поверить сообщению, в котором говорилось, что белые выбиты со всех приисков. «Информация, появившаяся во вчерашних газетах, будто большевистские войска захватили прииски, — просто ошеломляет, — сказал он. — Но ввиду отсутствия подтверждающих сведений отказываюсь принять это сообщение как действительно установленный факт».

Армия Колчака, развалившаяся под ударами наступающих частей Красной Армии, оказалась не в состоянии обеспечить права компании на владение Ленскими приисками, и в конце концов оправдались самые худшие опасения компании — золотые прииски были взяты под контроль Советским правительством.

Якутия тоже богата золотом, но здесь его в основном извлекают из золотоносных песков. В республике есть и свои алмазоносные трубки, открытые в районе Вилюя. В Усть-Янском имеется также месторождение олова, руда которого настолько богата, что оправдывает большие затраты по ее добыче на побережье Северного Ледовитого океана. На юге Якутии залегает уголь, миллиарды тонн угля, на котором будет работать большой металлургический комбинат. Строительство комбината и железной дороги к Якутску окажет значительное воздействие на развитие республики.

Наверное, нигде в СССР изменения, происшедшие за несколько десятилетий Советской власти, не заметны столь очевидно, как в Якутии.

Когда казак Петр Бекетов основывал в 1632 году Якутск, там проживал народ, который сравнительно недавно переселился в эти края с озера Байкал. Якуты были вынуждены уйти оттуда под напором монгольских орд. Подобно коренному населению Канады, сохранившему в памяти народной истории своих миграций, традиции и культуру, якуты сберегли в легендах историю своего долгого перехода. И хотя не сохранилось письменных документов, свидетельствующих о переселении якутов на север, их древний тюркский язык с примесью монгольских слов служит ученым, занимающимся вопросами этногенеза, ключом для понимания этой проблематики. Якуты, которые привели с собой скот и лошадей, стали единственным скотоводческим народом на севере Сибири.

Бекетов сообщал в своем докладе царю Михаилу Федоровичу, что основал Якутский острог приблизительно в 80 километрах от нынешнего города Якутска. В характерном для того времени раболепном тоне он писал:

«...И того ж, государь, году весной, как лед скрылся, с Ленского волоку я, холоп твой, с служилыми людьми поплыл вниз по великой реке Лени, и пришедши в Якуцкую землицу, и острог поставили, и всякие острожные крепости учинили.

И в Якуцком остроге я, холоп твой, с служилыми людьми годовал, и твоим, государским, счастьем многих якуцких князей и их улусных людей под твою высокую руку привел... и тебе, праведному государю, с Якуцкие землицы... и с тунгусов по окольным речкам собрал многое есак...»

Нешадная эксплуатация коренных народов, промышленявших мехами, эпидемии оспы и вымирание населения целых районов от голода сопутствовали установлению царского правления в краях, которые Бекетов назвал якутскими землями.

По прошествии почти трех столетий царского правления на отдаленной и отсталой территории России, жители которой ничего не ждали от будущего, кроме продолжения безжалостной эксплуатации, лишений, сохранения неграмотности, а значит и невежества, — свершилась революция.

Новый, справедливый порядок был провозглашен устами Емельяна Ярославского, писателя-большевика, сосланного в Якутию:

«Мы убеждены, что якутский народ использует добытую свободу именно для того, чтобы развить все свои силы в дружном, братском союзе с народами России. Отныне он не инородец, отныне он свободный гражданин».

Для того чтобы якутский народ стал поистине свободным, он должен был, обретя свободу, суметь защитить ее. Во время гражданской войны в августе 1918 года белые захватили Якутск, важный стратегический пункт на реке Лене. В этом им помогали и другие контрреволюционные силы, в частности наследные якутские правители. Занимавшие при царском режиме привилегированное положение, они получали немалую выгоду от эксплуатации своего народа.

Сторонники Советской власти в Якутске, образовавшие в 1917 году Совет рабочих и солдатских депутатов, продолжали работу в подполье. 14 декабря 1919 года они поднялись на борьбу с колчаковскими белогвардейцами, и власть снова перешла к ним.

В 1922 году была образована Якутская Автономная Советская Социалистическая Республика. За прошедшие с той поры шесть десятилетий якуты приобрели равные права с другими народами. В Якутии были созданы все условия для того, чтобы ранее притесняемый народ смог занять достойное место в обществе, в управлении государством, науке, образовании, экономике.

— До революции у нас не было дорог, не было лечебных учреждений и общеобразовательных школ (за исключением нескольких церковно-приходских), — рассказывал мне Томмот Сивцев, председатель Госплана Якутии, якут по национальности. — Теперь у нас есть 565 общеобразовательных школ, около 40 профессионально-технических училищ и средних специальных учебных заведений, а также Якутский университет с девятью факультетами. В республике работает Якутский филиал Сибирского отделения Академии наук СССР. Он объединяет ряд институтов, подобных которым нет ни в какой другой республике — например, Институт физико-технических проблем Севера.

Вы хотите знать, как мы достигли того, что якуты и представители других коренных народов Севера получили возможность развивать свои способности в любой избранной ими области? Объяснить это помогут цифры. Они —

единственное зримое мерило наших достижений, красноречивое свидетельство того, как далеко вперед мы продвинулись за такой короткий период.

В 1917 году население Якутии составляло 264 тысячи человек, из которых 80 тысяч были якутами. В настоящее время население Якутии составляет 879 тысяч человек, из которых 370 тысяч — якуты. В Якутском университете более шести тысяч студентов, пять тысяч из них — коренные жители республики: якуты, эвенки, эвены, чукчи, юагиры и представители других малочисленных народностей.

Когда я спросил Христофора Григорьева, заведующего отделом по народностям Севера Управления делами Совета Министров Якутской АССР, как организовано обучение детей кочевников, он рассказал мне о государственных школах-интернатах — наиболее целесообразном пути решения этой проблемы. Таким образом, каждый ребенок вне зависимости от рода занятий родителей имеет возможность получить образование, найти свое место в обществе. Преподавание в школах-интернатах ведется на родном языке. Все расходы государство берет на себя.

Советское общество разработало комплексный подход к проблеме преодоления отсталости народов и народностей Севера, приобщения их к достижениям современной науки и техники, не нарушая при этом традиционного образа жизни, складывавшегося веками и соответствующего суровым условиям данного региона.

В послевоенные годы, когда многонациональные и крупные национальные горнодобывающие корпорации в Канаде прокладывали себе путь на север, пренебрегая интересами коренных народов, перед ними встали сходные проблемы — проблемы пробудившегося национального самосознания. Ныне коренные жители канадского Севера, населяющие территории от Юкона до Лабрадора, создают организации по борьбе за свои права на традиционный образ жизни, на свою долю богатств, извлеченных из недр земли, унаследованной от предков, будь это Нишганские земли на севере Британской Колумбии или Динские земли в Северо-Западных территориях.

В Советском Союзе ликвидацией старого строя и установлением новой социальной системы была устранена сама причина конфликтов.

Промышленное развитие Сибири открыло новые возможности для коренных жителей. Но тайга и тундра бескрайни, поэтому те, кто предпочитает традиционные промыслы и занятия, могут вести привычный образ жизни.

На Севере покончено с неграмотностью, знания ныне доступны всем, даже жителям самых отдаленных поселений. Навыки, передававшиеся из поколения в поколение, совершенствуются, применяются новые способы охоты и рыболовства. У традиционного образа жизни появляется как бы второе дыхание благодаря устранению угрозы голода и неизлечимых болезней, веками преследовавших северные народы.

— Мы способствуем образованию более крупных поселений, но не столь больших, чтобы это мешало занятию традиционными промыслами, приблизительно на 300—400 человек, — продолжал Григорьев. — Такие поселки легче обеспечивать всем необходимым. Те, кто предпочитает заниматься традиционным скотоводством, могут работать на государственных и колхозных оленеводческих фермах. Здесь разводят северных оленей в больших масштабах, используя преимущества научных методов селекции, выведения новых пород, широкого ветеринарного обслуживания и исследования районов пастбищ, позволяющие определить наличие необходимого корма. В тундре и тайге обитает северный олень, в некоторых местах прекрасно приживаются овцебыки. В настоящее время в Якутии увеличилось поголовье не только стада домашних животных, но и диких северных оленей. Благодаря внедрению научных методов разведение северного оленя смогло стать основной отраслью животноводства, самым важным из всех традиционных занятий народов Севера.

Многие якуты, проживающие в деревнях, держат лошадей с целью получения кумыса, который считается национальным напитком. На государственных фермах, где выращиваются маленькие выносливые якутские лошади (якуты привели их с собой, совершая переход на север), производство кумыса механизировано.

По народному обычаю кумыс должен бродить в кожаном бурдюке, затем его взбалтывают круглой палкой определенной формы до тех пор, пока он не начнет пениться.

— Так готовят настоящий кумыс, — объясняли мне в

Якутии. — Кумыс — превосходный напиток. Он вкусен и полезен.

В северных районах Сибири, как и на канадском Севере, развиваются горнодобывающая, нефтяная и газовая промышленность. Коренные народы советского Севера, сохраняя и развивая традиционные промыслы, могут занять достойное место и в индустриальном освоении родного края. Но для этого их представители должны приобрести необходимые профессии — стать географами, геологами, металлургами, инженерами и техниками, шоферами и механиками... Этот список постоянно пополняется, ибо развивается наука, продвигается вперед техническая мысль.

Система образования в Якутии учитывает потребности будущего, столь быстро приобретающего реальные, зримые очертания. Я встречал немало якутов, эвенков и других представителей северных народов и народностей среди административных руководителей, писателей, художников, ученых, а также среди тружеников различных отраслей промышленности. Это убедило меня в том, что поставленная цель достигнута.

— Знаете, как переводится мое имя? — улыбаясь, спросил меня Сивцев, когда мы беседовали о том, как решают советские ученые проблемы, связанные с вечной мерзлотой. — Оно означает «незамерзающий». Да, пока мы не можем изменить климат, но вечная мерзлота для нас уже не только не враг, но и... друг. Мы научились работать в условиях вечной мерзлоты, изучили ее свойства и превратили в своего помощника. Мы научились возводить на ней даже многоэтажные дома.

Для северных народов Советского Союза, как и для северных народов Канады, арктические и субарктические районы всегда были привычными и родными — суровые, непривлекательные, они становились враждебными лишь к тем, кто отказывался подчиняться их законам. Коренные жители умело использовали местные ресурсы для изготовления одежды, жилья, оружия, посуды и транспортных средств, даже снег и лед они обращали себе на пользу. Однако в силу низкого уровня развития их способности не могли раскрыться полностью. Переселенцы из европейской части принесли в северные районы свою культуру, но и сами заимствовали у коренных народов все лучшее.

Сегодня ликвидирован огромный разрыв в культурном уровне народов, населяющих СССР. Ученые из европейской части страны трудятся бок о бок с учеными — якутами, чукчами, эвенками. Вместе они возводят дома, ведут добычу полезных ископаемых, нефти, газа, и все это — в условиях вечной мерзлоты. Они разработали методы извлечения из нее природных богатств, бережно сохраняя для потомков окружающую среду.

Исследования вечной мерзлоты, которые ведутся в якутских научных институтах, получили международную известность.

— В 1972 году, когда здесь состоялась вторая международная конференция по вечной мерзлоте, на ней присутствовали 42 канадских ученых, — сообщил мне профессор Евгений Катасонов. — Исследования канадскими учеными моря Бофорта внесли определенный вклад в изучение свойств вечной мерзлоты под морским дном. В свою очередь я уверен, что наши работы помогли канадцам лучше узнать природу вечной мерзлоты.

Профессор Катасонов — геолог, работает в научно-исследовательском Институте мерзлотоведения — одном из многих, созданных при Сибирском отделении АН СССР. Катасонов, несомненно, хорошо знает Канаду: рассказывая о проблемах, которыми занимается его институт, он часто ссылается на пример Канады, отмечает сходства и различия между Сибирью и северными районами этой страны.

— Исследования нашего института очень важны, так как их результаты позволяют преодолеть различные трудности, с которыми люди сталкиваются на стройках Севера, при добыче полезных ископаемых. Они помогут облегчить жизнь и работу людей в суровых условиях — это особенно важно, если учесть, что советский Север, как и канадский, занимает огромные территории. Примерно 45 процентов территории Советского Союза испытывает влияние вечной мерзлоты. В некоторых местах земля на глубину более чем на 60 метров состоит из льда на 80 процентов, а то и вообще из чистого льда. Вот тогда-то и возникают сложнейшие строительные проблемы.

Инженеры-строители ждут от нас решения важных проблем, возникающих при строительстве трубопроводов,

плотин, автодорог, железнодорожных магистралей. Наш опыт позволяет нам избежать некоторых трудностей. Но порой предотвратить их не удастся, и в ходе строительства встают проблемы, требующие безотлагательного решения.

Мы довольно основательно изучили природу вечной мерзлоты, исследовали ее эволюцию и составили карту содержания льда в почвах каждого района. Как уже было сказано, мы активно помогаем строителям. Для моделирования воздействия замораживания и оттаивания на тот или иной строительный объект мы используем ЭВМ. Благодаря этому инженеры заранее знают, каких «сюрпризов» они могут ожидать от вечной мерзлоты, а ученым это помогает находить правильные решения возникающих проблем.

— Канадцам повезло в одном отношении, — продолжал профессор Катасонов. — У вас есть огромные районы, расположенные в зоне Канадского щита, который подходит близко к поверхности и обеспечивает более твердое основание в районах вечной мерзлоты. У нас вечная мерзлота залегает на большую глубину.

Проблемы строительства в условиях вечной мерзлоты не единственные. Ничуть не менее сложным является создание различных машин и оборудования, способного работать в условиях суровой и долгой зимы: она длится у нас шесть-восемь месяцев, температура воздуха падает порой до минус 70 градусов по Цельсию, а среднеянварская равна минус 43 градусам. При таких низких температурах сталь становится хрупкой и оборудование отказывает или даже полностью приходит в негодность.

Для решения этих вопросов во всем их масштабе в 1970 году был создан Институт физико-технических проблем Севера. Ученые института исследуют морозоустойчивость машин и оборудования, используемых на стройках, транспорте и в горнодобывающей промышленности. Институт занимается также разработкой новых морозоустойчивых сплавов и полимеров и продлением срока эксплуатации различных материалов и механизмов. Кроме того, он проводит исследования в области энергоресурсов, включая вопросы образования газовых гидратов и способов их использования.

Я не подготовил конкретного вопроса, с которого следовало бы начать беседу с Владимиром Ларионовым, за-

местителем директора института, заведующим сварочной лабораторией. Я не стал интересоваться его национальностью: судя по его внешнему виду, он мог быть квакиутлем, тлинкитом, представителем любого из индейских народов, живущих на побережье в Британской Колумбии. После двухдневного пребывания в Якутске, где всюду наблюдается смешение народов, это уже не имело для меня никакого значения.

Владимир Ларионов вынул из папки несколько фотографий и показал их мне. На фотографиях были изображены искореженные балки кранов, сломанные мосты грузовиков, разорвавшиеся трубы; одни машины и оборудование, судя по маркировке, были советского производства, другие — иностранного.

— Если бы все советское оборудование служило безотказно, проблем было бы меньше, — прокомментировал он снимки. — Машины часто выходят из строя, особенно если они не рассчитаны на работу в условиях низких температур Севера. Если же оборудование произведено с учетом наших рекомендаций, оно служит долго.

Зачастую нас подводят и иностранные машины. Так, мы получили несколько рудовозов американской фирмы «Лектра хол» из Талса (штат Оклахома), каждый из которых обошелся нам в 1,5 миллиона долларов. В условиях экстремального холода они так часто выходили из строя, что одна лишь замена поломавшихся частей обошлась компании в пять миллионов долларов. Кстати, приобретенный опыт подсказал компании ряд изменений в технологическом процессе. Но и нам дорого обходятся поломки, особенно если это ведет к простоям.

Ларионов продолжал рассказ о работе института.

— Мы проводим эксперименты с новыми сплавами с различным содержанием углерода, никеля и марганца, а также с полимерами и строительными материалами.

Мы ставим целью снижение затрат на строительные работы, поэтому ищем замену таким традиционным материалам, как бетон и кирпич, экспериментируем с различными пластмассами и древесиной. Последняя служила строителям на протяжении веков, ее запасы велики, а современная технология открыла новые разнообразные варианты ее использования.

Якутск в целом — это живое свидетельство успехов советской науки.

Якутск — это уже не маленький деревянный городок. Кое-где старые здания сохранились, но большая часть города отстроена заново в последние годы. За городским музеем на большой открытой площадке стоит башня с деревянными воротами, высотой с двухэтажный дом. Сложенная из лиственничных бревен, которые не источило время, эта башня — все, что осталось от форта, построенного казаками три века назад. И даже здесь, на самом краю света, строители украсили свое детище: замысловатая резьба опоясывает верхнюю часть башни.

Новый город, просторный и чистый, кажется необычайно свежим под ясным небом и в бледных солнечных лучах субарктической осени. В скверах в центре города еще ярко цвели ноготки, а на окраине росла сухая, пожелтевшая, согнувшаяся под тяжестью семян трава, и ветер, гуляющий вдоль реки, шелестел в жухлом тростнике.

Белые пятиэтажные жилые дома с ярко выкрашенными балконами сверкали в прозрачном воздухе. Они стояли на бетонных сваях, глубоко вбитых в твердую, как скала, вечную мерзлоту, начинавшуюся за верхним, оттаивающим слоем почвы. Сверху эти сваи прикрыты бортиком. В основном в городе дома трехэтажные или пятиэтажные и лишь изредка встречаются более высокие. И хотя это современные здания, приподнятые над землей для сохранения слоя вечной мерзлоты, они чем-то напомнили мне старые дома, которые я видел во влажных прибрежных лесах Британской Колумбии. Чтобы уберечь нижние этажи от гниения, их также ставили на кедровых сваях.

— Все здания в Якутске и Мирном стоят на бетонных сваях, — рассказывал мне профессор Катасонов. — Верхний слой вечной мерзлоты оттаивает в разных пределах — от нескольких сантиметров до трех-четырёх метров, в зависимости от грунта. Сваи глубоко забивают в слой вечной мерзлоты, намного ниже глубины оттаивания. В некоторых случаях для сохранения вечной мерзлоты используется керосин, который «забирает» тепло из земли.

Вокруг Якутска простирается Великая Туймада — пространство шириной 30 и длиной 60 километров, за которым расположены защищающие его от ветров горы Свя-

щенная и Кангаласская. Здесь, как в долине реки Танана на Аляске, есть земли, на которых выращиваются хорошие урожаи зерна и овощей во время солнечного светлого лета, несмотря на то что в Якутске в течение года насчитывается в среднем всего 95 теплых дней с температурой выше нуля и сельскохозяйственный сезон здесь очень короткий.

Промышленным сердцем города является речной порт, обслуживающий флот Средней Лены. Со своими гигантскими кранами и вместительными доками он не уступает иному морскому порту, хотя до моря Лаптевых по реке около 1500 километров.

Вниз по течению реки в 16 километрах от Якутска находится молодой поселок Жатай, где расположены база флота Средней Лены и судовой верфь, на которой строят самоходные металлические баржи.

Вот примерно и все, что можно сказать о промышленности города на сегодняшний день. Следующий этап его индустриального развития намечен на 90-е годы. Необходимо лишь добавить, что в Якутске развиваются традиционные народные промыслы. В этой области работают сотни мастеров — в большинстве своем якуты. Их продукцию наряду с самобытными изделиями умельцев из других республик можно найти в магазинах во всех уголках Советского Союза. Якутская национальная резьба по кости, меховая одежда и шапки, сделанные из шкур северного оленя, очень популярны среди туристов.

Любуясь этими сувенирами, я невольно вспомнил, что и в моей родной Канаде есть работы по кости, заслужившие международную известность. Особенно знамениты аргиллитовые тотемные столбы и всевозможные шкатулки, выполненные индейцами Хайда, которые обитают на островах Королевы Шарлотты (им принадлежит исключительное право на пользование одним из известных месторождений аргиллита). В Канаде собраны и резные работы из стеатита — здесь несравненны эскимосские мастера, раньше фигурки из стеатита были небольшими — они должны были уместиться в ладони охотника. Теперь же в угоду богатым покупателям их делают крупнее. Однако сувенирные магазины в Канаде забиты дешевыми поделками, изготовленными из пластмассы и искусственного камня промышленным способом.

А вот сувениры, изготавливаемые якутским объединением «Сардаана», — это подлинное народное творчество. И хотя я видел, как мастерицы шивали в цехе национальную якутскую обувь — унты — и одежду из лошадиных и оленьих шкур на швейных машинах, окончательная отделка, вышивка узоров производилась вручную. Предприятие лишь изредка идет на уступку времени: для отделки шапок и одежды используется синтетический мех.

Якуты не занимаются резьбой по камню. Традиционные материалы якутских резчиков — это кость и дерево (из последнего изготавливаются сосуды для кумыса. «Сардаана» производит сосуды всевозможных размеров и цветов). Моржовую кость они используют для изображения традиционных сценок: собаки в упряжке, охота с собаками на медведя, пастухи с оленями. Чтобы увидеть, как создаются изделия из мамонтовой кости, которую якуты и другие северные народы также обрабатывали на протяжении столетий, я поехал к известному якутскому резчику Степану Петрову.

— Я рад возможности показать свои работы канадцу, — сказал он, пригласив меня в гостиную. На столе я заметил фигурку мамонта, вырезанную из бивня этого доисторического животного. Петров перехватил мой взгляд. — Это одна из моих последних работ. Я трудился над ней более двух месяцев.

Я разглядывал фигурку, взяв ее в руки. Она была тяжелой, до блеска отполированной, и поверхность ее под рукой казалась шелковистой.

— Прежде чем приступить к новой работе, я долго изучаю материал, — сказал мастер. — Всматриваюсь в каждую линию, думаю, что из него может выйти, стараюсь представить себе готовое изделие.

Потом хозяин провел меня в мастерскую и показал свои инструменты.

— Я работаю с инструментом два часа в день. Все остальное время мои мысли сосредоточены на куске кости, потому что изделие из нее должно быть живым.

Тем временем жена Петрова выставила в гостиной его последние работы. Одна из них была не окончена. Это был большой кусок бивня, на котором уже начинали вырисовываться отдельные элементы композиции.

— Вот над чем я тружусь сейчас, — пояснил умелец, — но до конца еще далеко. Я назвал эту работу «Победа придет». Некоторые мои работы покупают музеи, и я хотел бы, чтобы судьба этой была не хуже.

Я спросил Степана, как он стал резчиком.

— По семейной традиции. Мой отец был резчиком по дереву, и в 20 лет я тоже заинтересовался этим ремеслом. Я начал с резьбы по дереву, и хотя и сейчас не оставляю ее, больше люблю кость — она плотная и хорошо поддается шлифовке.

При этих словах он погладил фигурку мамонта.

При социализме искусство якутов и других северных народов вступило в пору расцвета; огромные достижения имеются в музыке, резьбе, живописи, литературе... Собраны и изучены национальные мифы и легенды, созданы романы, поэмы, пьесы (по ним поставлен ряд интересных спектаклей в национальных театрах). Музыка якутов также отличается жанровым многообразием: от имитации голосом различных природных звуков (журчание воды, свист ветра), как это делают олонхосуты во время чтения народного эпоса «Олонхо», до эстрадной музыки, в которой используются мелодии различных северных народов.

Побывал я и в мастерских якутских художников, где обычно подолгу засиживался за чашкой чая с клюквой. Мы много говорили об искусстве, о популярной в Якутии графике. И с каждой беседой я все глубже постигал духовный мир якутских художников. И все более нелепыми представлялись мне попытки провести границу между «унылым, официальным советским искусством» и искусством «свободного мира». Думается, что тем, кто пытается делать это, стоит поразмыслить над произведениями, которые широко экспонируются на Западе и которые, на мой взгляд, очень далеки от искусства. И хотя эти произведения не имеют никакой притягательной силы, цены на них высоки и нередко они рассматриваются как обычное капиталовложение.

— Мы стремимся к тому, чтобы наши работы были доступны, чтобы они заслужили признание народа, стали составной частью его духовной жизни, чтобы они имели воспитательное значение. Мы творим по велению сердца. Зрителю судить, что у нас получается. При этом надо

иметь в виду, что вкусы у людей разные и не всегда удается удовлетворить каждый. Мы прислушиваемся к критике почитателей прекрасного, оценки которых тем строже, чем глубже они проникают в мир искусства.

Два художника, чьи произведения заинтересовали меня, работали в разных манерах. Молодой мастер Владимир Иванов предпочитает четкую манеру письма, традиционные темы.

— Я не могу показать вам большей части своих работ, — извиняясь, сказал он. — Сейчас они на выставке. Но я покажу вам последнее, еще не завершенное полотно.

На картине изображены затерявшиеся в бескрайних просторах люди и собаки. Они с трудом продвигаются вперед, преодолевая напор бешеного ветра. Картина по своему содержанию простая, но она великолепно передает величие безбрежной Арктики.

Афанасий Мункалов — художник старшего поколения. Он известный в Якутии график. Я просмотрел множество его работ, но особенно меня задела одна. Традиционный сюжет художник облек в захватывающую воображение символическую форму. На гравюре изображена женщина-якутка, склонившаяся над ребенком, рядом — мужчина, поднявший мускулистыми руками огромный камень, чтобы перегородить бегущую реку, чуть поодаль еще один богатырь, держащий над собой солнце, по небу плывут спутники и снежинки. Быть может, это решение слишком прямолинейно, но эта символика понятна каждому якуту. Такое искусство будоражит мысль. И в этом смысле его даже можно сравнить с «Герникой» Пикассо.

Мункалов подарил мне эту гравюру, сделав надпись: «Мир писателям мира».

Социализм спас малые народности Севера от вымирания, спас их культуру и возродил национальное достоинство. Социализм дал им письменность, что позволило им записать народные песни, легенды и создать собственную историю, литературу, благодаря переводам известную по всей стране.

С Якутском нам помогал знакомиться Егор Сибиряков, по национальности якут, главный редактор местного книжного издательства. Он охотно отвечал на мои вопросы о постановке книжного дела в республике.

Я не стал спрашивать Сибирякова о том, какова в Якутии читательская аудитория. В этом не было необходимости. Повсюду — на улицах, в книжных магазинах, домах — я видел, что якуты любят книгу.

Большие надежды коренные жители Севера связывают с завершением в 1985 году строительства БАМа. После этого начнется прокладка дополнительных железнодорожных веток.

— Железная дорога придет и в наш город, — говорили мне якутские друзья. — Мы больше не будем зависеть от капризов погоды, так как с миром нас сейчас связывает в первую очередь река, а период навигации очень короток.

Вера в будущее старых и новых сибиряков поистине безгранична.

ПЛОТИНА НА ВЕЧНОЙ МЕРЗЛОТЕ

В Мирный из Якутска два часа лета в западном направлении. Почти на середине пути между этими двумя городами расположен Вилюйск. В 1872—1873 годах Вилюйск, в котором тогда находился в ссылке Николай Чернышевский, был обычным северным поселком, насчитывавшим около 450 человек.

Чернышевский так писал о Вилюйске:

«Здесь, в этом крошечном городишке, в магазинах продаются только товары, которые по карману простолюдину. Но все в Вилюйске так привыкли к поездкам на далекие расстояния, что Якутск, находящийся в 700 верстах отсюда, кажется им соседним городом, до которого чуть ли не рукой подать и который можно даже потрогать. Поэтому, если у кого заведется хотя бы лишний грош, он тратит его в Якутске, отстоящем от Вилюйска в полутора неделях пути. Все постоянно стремятся съездить туда».

Советские люди, так же как и канадцы, привыкли к большим расстояниям. Воздушный транспорт сократил недели пути до часов, и из Мирного люди могут достичь и «потрогать» Якутск через пару часов полета в комфортабельном лайнере. Ныне магазины в Мирном так же снабжаются, как и в Якутске, но всегда находятся причины для поездки в другие города.

Чтобы успеть на самолет, мы поднялись еще до рас-

света. Все места в лайнере были заняты рабочими, возвращающимися из отпуска, молодежью и пожилыми людьми, целыми семьями.

...Мы вынырнули из облаков неподалеку от Мирного. Под нами расстилалась пустынная местность, от одного вида которой не может не возмутиться специалист по охране окружающей среды. Глубокие раны, нанесенные тайге в первые годы эксплуатации месторождений алмазов, не затянулись до сих пор. Тягостное ощущение испытываешь, глядя на разрытую почву и почерневшие деревья, хотя работы здесь не ведутся уже больше десяти лет.

По сравнению с огромным уроном, причиненным тайге в 1908 году взрывом большого тунгусского метеорита, эти раны кажутся царапинами. Но они нанесены людьми и, в общем-то, если разобраться поглубже, стали косвенным результатом попыток Запада навредить Советскому Союзу.

Если бы горнодобывающий синдикат «Де Бирс» не отказал Советскому Союзу в технических алмазах, используемых в промышленности, чтобы хоть этим помешать развитию советской индустрии, то ускоренной разработки месторождения в Мирном могло и не быть, ибо в распоряжении специалистов имелось бы тогда достаточно времени для рассмотрения и нейтрализации негативных последствий вскрышных работ, как это делается сейчас перед закладкой очередной шахты, карьера, рудника.

Но после второй мировой войны, когда Советский Союз восстанавливал свое хозяйство, торговцы алмазами заломили вызывающе высокие цены, поэтому открытие месторождения алмазов в стране стало действительно необходимым. А когда они были найдены, пришлось срочно разрабатывать месторождение.

Повсюду, где человек открывал алмазные россыпи, чарующая красота этих драгоценных камней поражала воображение. Для некоторых местных народов алмазы были упавшими с неба звездами. Якуты и эвенки, обнаруживавшие алмазы в источниках, приписывали им магические целительные свойства, называли их огненными камнями. Их разрозненные находки вызвали интерес и подталкивали геологов ко все новым и новым поискам, которые приносили, однако, неутешительные результаты. Но было ясно, что где-то в пустынной местности обязательно должно

было быть коренное месторождение алмазов. Великий ученый и поэт XVIII столетия Михаил Ломоносов не сомневался в этом. Но вот окончился XIX век, потом произошла революция, а месторождение так и не обнаружили. Широкие геологические изыскания, предпринятые в годы Советской власти, сделали открытие алмазных месторождений неизбежным.

Небольшие россыпи алмазов были обнаружены и в Канаде поблизости от Великих озер. Однако само месторождение, если оно существует, еще предстоит отыскать.

Перед второй мировой войной район поисков в Сибири значительно сузился. Проводивший изыскания молодой геолог Владимир Соболев советовал вести интенсивную разведку в бассейне реки Вилюй. Его вера в то, что алмазоносное месторождение существует, была подкреплена в 1949 году другим молодым ленинградским геологом, Григорием Файнштейном, который обнаружил алмазы в Вилюе. В 1954 году еще один ленинградский геолог, Лариса Попугаева, прибыла с изыскательной партией для проверки теории пирропов — разновидности гранатов, спутников алмазов. Они были недавно найдены поблизости с россыпями алмазов на отмели в устье реки Вилюй. Попугаева была уверена, что доберется до алмазоносных трубок. Геолог предположила, что наиболее крупные гранаты, меньше всего обработанные водой, должны были находиться ближе других к алмазоносному месторождению.

Изыскания велись вплоть до истока реки Ирелях, впадающей в Малую Ботубою, которая наряду с Большой Ботубоией является притоком Вилюя.

— Я был с геологической партией, дошедшей до истока Иреляха, — сказал мне Николай Давыдов, председатель исполкома Мирного. — До своей учебы в университете я работал в геолого-разведочных партиях. Эта партия была крупной. В ней насчитывалось около 300 человек. Ирелях стал началом в цепи дальнейших открытий.

Хотя в результате долгих поисков в Иреляхе была найдена кимберлитовая трубка, удачно названная «Рассвет», она оказалась бедна алмазами. Поиски не прекращались, но теперь они ограничились небольшим районом. Год спустя пришел успех, были обнаружены настоящие кладовые алмазов. Сначала Юрий Хабардин открыл кимберлитовую труб-

ку «Мир», а вслед за ним Владимир Щукин обнаружил трубку в Удачном.

На Западе сообщение об открытии месторождений алмазов было встречено с откровенным недоверием, пренебрежением и вместе с тем «опасением» из-за того, что монопольное право «Де Бирс» нельзя уже будет использовать в качестве орудия экономического шантажа. Некоторые специалисты ставили под сомнение, что обнаруженное месторождение богато алмазами, принижали его значение, так же как ныне они подвергают сомнению количество запасов советской нефти. Были на Западе и такие противники СССР, которые успокаивали себя тем, что «Советам потребуются годы и годы», чтобы разработать технологию добычи алмазов в районе вечной мерзлоты, в дикой местности, а также научиться строго хранимым секретам обработки и торговли алмазами. Современная технология, разработанная предприятием «Якуталмаз», скорый выход на международный рынок советских алмазов заставили замолчать клеветников и убедили сомневающихся.

Ни одни работы, ведущиеся в открытом разрезе, нельзя назвать приятным зрелищем. Они вызывают удовлетворение разве что у горняков, которые с гордостью смотрят на огромные контуры разреза и четкую спираль дороги, идущей в самую его глубь. Для меня же это в лучшем случае впечатляющая демонстрация способности современной техники извлекать подземные богатства и рекультивировать местность, восстановив ее первозданный вид. Там же, где остается изрытая, изувеченная земля, природе наносится жестокое оскорбление.

Холмы серой отработанной породы кимберлита, выстроившиеся по сторонам дороги, ведущей от аэропорта к городу Мирный, стали неотъемлемой частью и без того сурового пейзажа. Более старые холмы постепенно начинают покрываться растительностью, возникшие недавно — стоят совсем голые. Ко времени, когда они зазеленеют, появятся новые серые горы отработанной породы. До тех пор, пока трубка «Мир» не иссякнет, облезлых угрюмых холмов будет все больше и больше. Но прежние ошибки учтены, и ныне здесь уделяется первостепенное внимание восстановительным работам.

Разрез трубки «Мир» впечатляет. На глубине 900 мет-

ров на самом его дне работают мощные экскаваторы, нагружающие кимберлит в самосвалы, натужно ползущие из бездны на поверхность земли. В тоннах серой породы, которую они везут, скрыты драгоценные алмазы. На перерабатывающем предприятии, прозаично названном «Фабрика № 3», кимберлит дробят и размельчают, просеивают и подвергают флотации. Одна пятая из полученных в конце концов алмазов пригодна для ювелирной обработки. В трубке «Мир» было добыто много чрезвычайно красивых и ценных алмазов, среди них — «Звезда Якутии» в 232 карата — самый крупный алмаз из всех, пока что найденных в Сибири.

Мне не имело смысла спрашивать, приносит ли шахта доход. Не удивился я и тогда, когда услышал, что «Фабрика № 3» — одно из крупнейших предприятий по обработке кимберлита в мире. Она занимает огромное многоэтажное здание на ровной местности на окраине города. Фабрика построена в пяти километрах от разреза, на самом близком от нее участке с основанием из скальных пород. Инженеры-строители опасались, что любой спуск воды, используемый фабрикой, будет способствовать оттаиванию фундамента в вечной мерзлоте.

— Все оборудование на фабрике изготовлено в Советском Союзе, технология разработана нашими специалистами, — заявил Николай Алексеев, представитель горисполкома, который встретил нас в аэропорту, разместил в современном доме, угостил виски за завтраком в уютной гостиной и пригласил осмотреть город. — Сам я тоже помогал проектировать оборудование, когда осваивалось Иреляхское месторождение. Я был тогда технологом.

Николай Алексеев — настоящий горняк. Работа в Иреляхе стала его первой трудовой школой после того, как он окончил политехнический институт в Новочеркасске и получил диплом горного инженера. Пять лет Алексеев протрудился в Иреляхе, потом уехал на золотые прииски к югу от Иркутска. Затем с крайнего юга Сибири переместился на Крайний Север, на арктические золотые прииски у побережья моря Лаптевых. Сейчас он заведует одним из отделов горисполкома.

— Мирный был моей первой любовью, — сказал Алексеев.

Наш шофер Николай Мезенцев тоже очень привязан к этому небольшому приятному городку. Сам он приехал в Мирный в 1973 году и поначалу работал водителем грузовика.

— Я здесь женился и считаю Мирный своим родным городом, — заявил он.

Первой колонне тракторов и грузовиков потребовалось шесть недель, чтобы пройти от Транссибирской магистрали до площадки, где ныне стоит Мирный.

Теперь строения временного поселка исчезли, и на его месте возник современный, второй по величине город Якутии с населением 30 тысяч человек. У Мирного нет давней истории. Он будет отмечать свое столетие в 2057 году. Жители города большей частью люди молодые, и они не собираются ждать так долго торжественной даты без сегодняшних городских праздников. Жители каждой улицы шумно отмечают годовщины ее основания.

У Мирного есть еще одна особенность, свойственная всем новым северным городам, — до последнего времени там не было пенсионеров. Только сейчас некоторые из горожан приближаются к возрасту, в котором они имеют право на пенсию. Большинство из них получит льготные пенсии за работу в северных условиях.

Мы разместились в одном из современных многоквартирных домов. Мне не составляло труда познакомиться с новыми стройматериалами, впервые увидеть тройные застекленные окна и легкие панели, используемые комплексно. Панели имеют предварительно напряженную облицовку и наполнены рудной набивкой, что уменьшает стоимость транспортировки и облегчает нагрузку на фундамент. Строители в Мирном широко используют алюминиевую плитку для облицовки зданий. Фабрика № 3 покрыта алюминиевой плиткой, которой после строительства завода в Братске здесь хватает.

— Если вы не можете определить юг по звездам, посмотрите на дома, — пошутил Алексеев. — Мирный первый город, где окна всех зданий обращены на юг.

Во время встречи в исполкоме Николай Давыдов показал мне фотографии Удачного, одного из поселков — спутников Мирного, который построен в районе добычи алмазов.

— Жаль, что у вас нет времени туда съездить, — сказал Давыдов. — Видите, это экспериментальный жилой комплекс с системой закрытых и наполовину открытых улиц. Вы можете, если хотите, пройти от одного здания к другому через обогреваемые проходы, даже не выходя на улицу. При температуре минус 60 градусов вы отдадите должное этому удобству.

Удачный — поселок экспериментальный. Опыт, который мы приобретем во время его строительства, будет учтен при проектировании новых северных поселков, тех, которые пока существуют только в чертежах. Север всегда считали не очень-то пригодным для жизни. Но если люди должны работать здесь, необходимо создать для них все удобства, которые только возможны при современном состоянии науки и техники. Мы стремимся решить, какой тип поселка лучше всего приспособлен для северных условий, как поставить холод на службу людям, как рациональнее использовать солнечное тепло.

У вас в Канаде в некоторых городах есть крытые подземные центры, я думаю, что они пользуются популярностью. Почему бы не использовать подземные сооружения в северных городах и поселках, к проектированию которых применяется комплексный подход и которые больше всего нуждаются в защите от яростной стихии? Мы можем создать свой собственный микроклимат, как сделали, например, в Удачном. Весь вопрос в том, как к этому подойти. На сей счет существуют различные мнения и у нас и среди наших канадских коллег.

Николай Давыдов — якут по национальности, и я спросил его, как коренное население приспосабливается к новой жизни, которая для них во многом столь же необычна, как и северные условия для южан. Почему, например, я видел так мало представителей коренных северных жителей в Мирном по сравнению с Якутском.

— Ответ очень прост, — заметил Давыдов, — коренное население никогда не селилось в здешних краях. Они были и для них слишком суровыми. Представители местных народов приехали сюда после основания города. Все мы собрались в Мирный, потому что здесь открыты алмазные трубки, нужны инженеры, нужны рядовые труженики для горнодобывающих работ.

Однако без местных жителей, которые хорошо знали тайгу и сопровождали геологов, поиски алмазов могли и не быть столь успешными, и открытия не были бы сделаны столь быстро. Вместе с русским Хабардиным работал якут Иннокентий, когда геологи обнаружили трубку «Мир». Это не было открытием в старом смысле слова, когда одному или двум исследователям после изучения того или иного района вдруг удавалось наткнуться на богатое месторождение. В данном случае поисками по заранее разработанному плану занималось несколько партий, и их совместные усилия принесли замечательные результаты.

Я рассказал историю канадца Роберта Хендерсона — истинного первооткрывателя Клондайка, и Джорджа Гармэка, американца, который обнаружил месторождение, а также спор, продолжавшийся после их смерти из-за претензий конкурентов. Хендерсон, с которым я был довольно близко знаком в последние годы его жизни, подобно многим другим белым, с предубеждением относился к индейцам. Гармэк жил среди них и был женат на идианке из племени Тэгиш. Двое представителей этого племени, вошедшие в историю как Джим Скукум и Чарли Тэгиш, сопровождали Гармэка во время его известного похода, принесшего удачу. Джим Скукум всегда утверждал, будто именно он нашел золото, когда спустился к ручью, чтобы помыть миску, но Гармэк убедительно ему объяснил, что его, индейца, никогда не признают первооткрывателем. Однако без этих индейцев месторождение, возможно, было бы найдено значительно позднее.

Давыдов сказал, что из 60 тысяч человек, живущих в районе Мирного, 1500 — представителей коренного населения, главным образом якутов и эвенков.

— Как и всем отсталым в прошлом народам, нам создают особые, льготные условия для получения образования, специальности, — сказал он. — Благоприятные возможности существуют, но ими еще надо воспользоваться.

Возьмем, например, нашу семью. Один из моих братьев — инженер, имеет ученую степень. Другой работает зоотехником на скотоводческой ферме. Я — мэр Мирного. До революции об этом нельзя было и подумать.

Даже тридцать лет назад считалось бы фантазией пред-

положить, что в дикой местности, знакомой лишь редкому охотнику, будут построены современные города, между которыми проложат по вечной мерзлоте хорошие асфальтированные дороги. Предлагаю вам завтра совершить небольшое путешествие в город Чернышевский, где в 106 километрах на северо-запад от Мирного сооружена Вилюйская ГЭС.

...Движение за Мирным слабое, и большую часть пути дорога была пустыня. Она бежала по плоской равнине, порой опускаясь вниз или взбираясь на невысокие холмы, когда мы приближались к Вилюю и Малой Ботуобии.

— Вот здесь, вдоль этих рек и дальше, близ таежных ручьев велись тщательные поиски алмазосных месторождений, — показывал рукой Алексеев. — Тогда здесь не было ничего, кроме первозданной природы.

Писатель Чернышевский, собиравший здесь грибы и сушивший их по своему способу, «отработанному в ходе опытов и глубоких размышлений», о чем он писал своей жене из Вилюйска, не мог и в самых несбыточных мечтах помышлять о том, что люди обуздают реку, на берегах которой он провел свои одинокие годы ссылки.

— Правильно сделали, что назвали наш город именем Чернышевского. Он сеял свет своими идеями, а мы даем его своей электростанцией, — заметил, улыбаясь, молодой мэр города Валерий Харитонов, приветствуя нас в городском Совете.

Высокий, худощавый Харитонов с простыми, непринужденными манерами резко отличался от своего товарища Бориса Медведева, директора Вилюйской гидроэлектростанции. Одетый в строгий костюм и белоснежную рубашку, он казался сдержанным и замкнутым человеком.

Но вскоре я убедился, что он одинаково свободно чувствует себя и на рабочих площадках, и в своем кабинете и что замкнутость отнюдь не свойственна его характеру.

— Когда мы приехали сюда в августе 1958 года, — вспоминал Медведев, — вертолет не мог найти площадку, чтобы приземлиться. Пилот бросал машину то вверх, то вниз по реке и наконец посадил ее на косу приблизительно в 22 километрах от места, выбранного для строительства плотины. Нас было тогда 18 человек — 17 мужчин и одна женщина, жена одного из исследователей.

Мы жили месяц в условиях «первобытного коммунизма», ловили рыбу, стреляли уток, собирали грибы, охотились даже на диких индейек.

— Каким способом? Капканами, сетями или еще как-нибудь? — спросил я.

Он весело рассмеялся.

— Все обстояло до удивления просто. Мы открывали брезентовый полог, и любопытные индейки заходили внутрь палатки. А вечером мы готовили себе прекрасный ужин.

Мы работали много, обследуя предложенный для строительства плотины участок, и пришли к выводу, что место выбрано неудачно. Мы стали продвигаться вверх по реке, пока не нашли площадку, которая отвечала нашим требованиям. Вот так мы и очутились здесь. Мы собирались возводить первую электростанцию на вечной мерзлоте, и я был начальником стройки. До этого я проработал восемь лет на Иркутской ГЭС, но здесь все предстояло решать по-новому.

В этом месте река Вилюй разрезает твердый доломит — породу вулканического происхождения. Плотину надо было возводить на скальном ложе, используя строительные методы, которые нигде ранее не применялись. Правда, модель плотины испытывалась на протяжении четырех лет в Политехническом институте имени М. И. Калинина в Ленинграде. Строительные материалы — щебень, глину, песок — нам предстояло еще найти по возможности неподалеку от места строительства. Вскоре мы приступили к сооружению площадки. Электроэнергию мы вначале получали от установки, находившейся на Лене в 560 километрах от стройки. Сначала все необходимое доставлялось по воздуху, хотя мы провели зимнюю дорогу в Мирный в первую же зиму. Шоссе, по которому вы приехали, было завершено в 1966 году.

Частым гостем на строительной площадке стал один медведь. Очень необычный медведь. Наша телефонная линия постоянно выходила из строя. Мы ломали голову, кто же рвет провода. В первый раз можно было подумать, что в этом виновато упавшее дерево. Но обрывы наблюдались во многих местах, и, казалось, не было ни одного разумного им объяснения. Все же однажды мы обнаружили виновника. Мы случайно увидели, как медведь схва-

тил лапами телефонный провод и замер, к чему-то прислушиваясь. Потом снова оттянул провод, явно интересуясь звенящим звуком. Так мы и выяснили, что нарушителем связи был наш «музыкальный медведь».

Я начал расспрашивать Харитонову о городе, который, как я заметил, состоял в основном из одноэтажных и двухэтажных домов. Большинство из них имели теплицы на приусадебных участках.

Харитонов, как и Медведев, был энтузиастом развития Чернышевского.

— Первоначально предполагалось, что здесь встанет временный поселок для рабочих, строящих электростанцию. Когда стройка закончится и они разъедутся, то в небольшом постоянном поселке останутся лишь работники, обслуживающие электростанцию, — сказал Харитонов. — Сейчас все изменилось. Решено, что город Чернышевский станет постоянной транспортной и ремонтной базой алмазодобывающих центров в Айхале и Удачном, расположенных далее на север. С тех пор мы постоянно занимаемся развитием города.

В разгар строительства здесь трудилось 12 тысяч человек, сегодня — около 7500 человек. Я уверен, что это число удвоится за несколько ближайших лет. У нашего города теперь есть перспектива.

— «Виллюгэстрой», — сказал вступивший в разговор Медведев, — отвечает за снабжение электроэнергией большого района. Мы тянем линии электропередач на 400 километров в северном направлении, на 350 километров на юг и на 300 километров на восток. Когда что-нибудь не ладится, выходит из строя, виноваты не люди, а техника.

— Кстати, когда к нам приезжала канадская правительственная делегация? — спросил Харитонов Медведева.

— В 1971 году. — Медведев повернулся ко мне. — Мы не очень часто видим здесь канадцев, но в том году ваш министр Жан Кретьен посетил вместе с сопровождавшими его лицами наш город. Их особенно заинтересовала наша техника и методы строительства. Канада — одна из стран, купивших технологию, которую мы разработали для сооружения этой электростанции.

Вернувшись в Канаду, я посмотрел издание «Сибирь-71» о визите канадской делегации в Сибирь, подго-

товленное входившим в ее состав ученым Уолтером Слипченко.

Вопросы, заданные членами делегации в городе Чернышевском, в основном совпадали с моими. Однако один из них привлек мое внимание. Почему дно будущего водохранилища было очищено лишь на 20 километров вверх по течению? Ответ гласил, что расчищать все пространство, которое будет залито водой, было бы неэкономично. А вот оценка канадцев, данная в «Сибири-71»: «Результаты затопления лесистого участка вверх по течению реки и его особое воздействие на подводную жизнь полезно использовать при рассмотрении будущих подобных проектов в Канаде».

Сам Жан Кретъен сделал следующий вывод: «Повсюду, где бы мы ни побывали в Сибири, мы становились свидетелями прогресса XX века». Эти слова соответствовали тому большому значению, которое министр придавал советско-канадским соглашениям по обмену и сотрудничеству между обеими странами в научном исследовании Арктики.

— Мы обменялись полезными идеями, — ответил Медведев, когда я спросил о визите делегации. — Мы можем лучше узнать друг друга, работая вместе над проблемами Севера.

Харитонов посмотрел на часы, извинился, сказал, что вынужден нас оставить.

— Я рассказал вам, как мы выбирали место для плотины, — продолжал Медведев. — А теперь покажу вам ее и поделюсь воспоминаниями о строительстве.

Выйдя из машины, я с удивлением стал рассматривать плотину. После величественного белого сооружения в Братске я увидел массивную серую перемышку, заполненную булыжником, подобно любой земляной плотине. Да это и была земляная плотина, где земля и камень сцементированы вечной мерзлотой. Медведев взглянул на меня с легкой улыбочкой.

— Не совсем то, что вы ожидали увидеть, а? — спросил он.

Я покачал головой и посмотрел вокруг. Белое здание электростанции и шлюзы над ним резко контрастировали с темным телом плотины. То же самое можно было

сказать о белых линиях ограждения шоссе, идущего по верху плотины.

— Плотина достигает высоты 75 метров, но здесь нет цемента ни внутри сооружения, ни на его поверхности, — объяснил Медведев.

Он начал свой рассказ у основания плотины, то и дело вдаваясь в многочисленные отступления, объясняя те или иные технологические особенности строительства. Когда он закончил говорить, мы уже поднялись на верх плотины и смотрели вниз на Вилюй. Река спокойно катила свои воды между отлогими холмами.

Разбросанные повсюду обломки твердых пород протянулись в реку отмелями, покрытыми песком, над которыми морщился тонкий слой воды. Вдоль берегов обнажилось повидавшее виды скальное ложе.

— Вот и еще одна наша проблема, — сказал Медведев, указывая на обнажившееся ложе реки. — Сама плотина стоит на скальном основании, а ее края на вечной мерзлоте, уходящей вглубь на 350 метров. В скальном основании есть трещины. Мы предвидели, что теплая вода, идущая сверху из водохранилища, в состоянии расплавить лед в трещинах. Поэтому мы проложили специальную галерею — бетонный туннель, из которого можно пробурить скважины, чтобы ослабить давление талой воды и залить цементным раствором трещины. Мы тщательно наблюдаем за водохранилищем, стремясь установить, какое размораживающее воздействие оно оказывает на вечную мерзлоту. До сих пор это воздействие было незначительным и с этой стороны, по мнению специалистов, нам нечего ждать опасности.

Мы попрощались с Медведевым у здания горсовета, где нас ожидала машина, чтобы вернуться в Мирный. Перед отъездом Медведев вручил мне хромированный символический ключ от Вилюйской электростанции весом в полкилограмма и длиной 25 сантиметров. Ключ стал памятным сувениром, связанным с моим визитом. Но Медведев даже не мог себе представить, какой интерес вызывал этот подарок при электронной проверке моей сумки в каждом аэропорту на всем протяжении долгого пути домой, в Канаду.

Была почти полночь, когда мы вернулись в Мирный.

Назавтра нам снова предстояло встать до рассвета, чтобы успеть на самолет, отлетающий в Новосибирск. Мне показалось, что я только сомкнул глаза, а Алексеев уже стучал в дверь. Он приехал, чтобы отвезти нас на аэродром.

Через семь с половиной часов мы были уже в Новосибирске, откуда после краткого отдыха вылетели в Ашхабад, столицу Туркмении.

ТАМ, ГДЕ ВОДА, ТАМ ЖИЗНЬ

Когда мы приземлились в Ашхабаде, было 3 часа 30 минут утра. После восьми с половиной часов перелета Мирный остался за пределами четырех временных поясов; если учесть наше пребывание в Новосибирске, то мы провели в дороге 28 часов.

Трудно представить себе столь разительный контраст. В Мирном, где тонкий и яркий солнечный свет не в силах разогнать холод, мужчины носили парки и теплые куртки, а женщины шерстяные пальто. В Ашхабаде работники аэропорта ходили в одних рубашках. Перед зданием аэровокзала цвели розы и калы, а воздух был теплым и ароматным.

Несмотря на ранний час, представители Госкомиздата Туркмении встречали нас в аэропорту. Они выглядели такими же усталыми, как и я.

— Вам здесь будет хорошо,— заверили меня встречавшие, перед тем как оставить нас в ашхабадской гостинице.— Наш Союз писателей проводит здесь на этой неделе конференцию, и вы сможете встретиться с некоторыми писателями. Один из них, Сейитнияз Атаев, будет вас сопровождать.

Сейитнияз Атаев, с которым я ближе познакомился в последующие дни, был человеком своеобразным. Это крупный, полный мужчина с жесткими седыми волосами. Его степенный вид как-то не вязался с яркими красными и желтыми рубашками, которые он любил носить, и какой-то взъерошенной внешностью. Он обладал беспредельной энергией и заразительным энтузиазмом. Казалось, он знает всех. Невозможно было просто пройтись с ним по улице. Атаев вечно знакомил меня с кем-нибудь: «...Это известный писатель... Она работает в одном из наших институ-

тов... Это преподаватель университета». В каких бы институтах, организациях мы с ним ни были, стол неизменно был уставлен сладкими дынями, арбузами, белым, красным и лиловым виноградом, и, пока я беседовал, он радушно угощал всех, не забывая и о себе, время от времени отвлекаясь, чтобы что-то рассказать, что-то разъяснить, и его знание туркменской жизни казалось таким же удивительным, как и его аппетит. У Атаева поразительное журналистское чутье, он сразу же подмечает главное, отсекает второстепенное.

Как-то мы с Атаевым присели отдохнуть в одном из скверов Ашхабада. Молодая девушка на другом конце скамейки посмотрела на нас с любопытством и снова уткнулась в книгу.

— Эта девушка, видимо, студентка, — сказал Атаев. — До революции она бы не могла посещать школу. Тогда у нас было всего несколько учебных заведений, и то для сыновей богачей. Женщины вообще не имели образования. Они были неграмотными. То же самое можно, правда, сказать и о большинстве мужчин. Только семь человек из каждой тысячи умели читать и писать. Женщины были бесправными. Их единственным достоянием был калым — выкуп, который жених выплачивал семье невесты, после чего она становилась его собственностью. На улице женщина носила паранджу. А теперь взгляните.

Он кивнул на группу студенток, проходивших мимо нас. На одних были легкие летние платья, другие были одеты в яркие национальные одежды. Они чему-то весело и непринужденно смеялись. Прически у всех были различных фасонов: короткие, средние, длинные, но большинство туркменских девушек предпочитают длинные косы.

Сейитнияз в раздумье покачал головой.

— Потребовались годы и годы, чтобы добиться перемен. Старые обычаи умирают с трудом. Сначала многие сопротивлялись переменам, даже женщины, потому что жизнь за порогом дома всецело принадлежала мужчинам. Сейчас все уже не так. Ныне для женщин открыты все дороги.

В происшедших в Туркмении после революции переменах я имел возможность убедиться воочию. Они были повсюду, во всех областях.

Но какие бы учреждения мы ни посещали, с кем бы ни беседовали, какие бы вопросы ни обсуждали, почти всегда речь заходила о воде.

Для туркмен нет ничего драгоценнее воды. Она определяет здесь жизнь людей. Воды у туркмен очень мало. Говорят, что, когда господь бог раздавал воду всем племенам и народам, туркмены проспали свой черед и получили лишь маленький ручеек.

Веками они выжимали все из этого ручейка — в оазисах, где вода сама поднимается к поверхности; копали глубокие колодцы и использовали примитивные водоподъемные средства, чтобы направить воду в ирригационные системы.

— Наш поэт Ходжанепес призывал Петра Великого построить канал. Он видел в этом канале средство объединения туркменского народа на побережье Каспийского моря, — рассказывал нам народный писатель Туркмении Хыдыр Дерьяев при посещении Союза писателей республики. — Ходжанепес убеждал Петра: «Если вы пророете канал, то сможете плавать по нему и торговать с монголами». Но ничего не было сделано, и его мечта умерла в песках.

После того как русские стали продвигаться в Среднюю Азию, возникали и другие идеи получения воды, но и они были похоронены в песках забвения. Туркмены смогли приступить к осуществлению своей мечты лишь в 1954 году, когда началось строительство Каракумского канала. Но это не была борьба за существование на иссушенной от зноя земле, а стремление к получению щедрых урожаев. К туркменам не только пришла желанная вода. В пустыне Каракумы под горами песка были найдены месторождения нефти и газа.

Пустыня Каракумы — обширное царство песков, занимающее четыре пятых территории республики. Хотя сельское хозяйство Туркмении ограничивается, естественно, обводненными районами и зонами орошаемого земледелия, пустыня отнюдь не безжизненна.

Ученые ашхабадского Института пустынь посвятили свою жизнь исследовательской работе, которая принесла им международное признание. Ныне пустыня и прилегающие к ней земли находятся под наблюдением ученых.

— Мы узнали, что пустыня — самая неустойчивая экологическая система, хотя на первый взгляд этот вывод звучит довольно странно, ибо Каракумы существовали в течение многих тысяч лет, на протяжении которых они не намного изменились,— сказал мне при встрече Абдурахман Овезлиев, обаятельный директор института, когда я встретился с ним и его коллегами.— Факт остается фактом — пустыня нестабильна, и любое опрометчивое вмешательство в ее жизнь может привести к серьезным последствиям.

Проблема сооружения канала из Сибири для обеспечения Туркмении водой неизменно вызывала оживленную дискуссию, с кем бы я ее ни обсуждал.

Танарутберды Ниязов, директор Выставки достижений народного хозяйства Туркменской ССР, был сторонником строительства канала при условии, что все приемлемые проекты будут тщательнейшим образом промоделированы и продуманы.

— Какие бы проекты нам ни пришлось осуществлять,— сказал он,— надо уважать природу, так как за пренебрежительное отношение к ней, возможно, придется заплатить слишком высокую цену. Мне помнится,— добавил он,— находилось немало скептиков, выступавших против сооружения Каракумского канала, которые утверждали, что он окажет отрицательное воздействие на окружающую среду.

Ответ, который я получил в Институте пустынь, был также осторожным.

— Мы изучаем проблемы, связанные с воздействием Каракумского канала,— сказал Овезлиев.— На окружающую местность канал оказал двойное воздействие — плохое и хорошее: у нас стало больше деревьев, больше овец и хлопка, а вместе с тем происходит и неблагоприятное накопление дренажных вод. Сейчас мы пересматриваем существующую систему открытых каналов и исследуем возможность проведения закрытых, где это осуществимо экономически.

— Да, многие в Ашхабаде при всяком изменении погоды сваливают вину на Каракумский канал,— вставил его коллега.

— Интересно, кого же винили до постройки канала? —

пробурчал еще кто-то из окружающих.

— В любом случае все наши водные запасы будут полностью истощены к 2000 году,— заявил Овезлиев.— Мы стремимся найти любую возможность для полнейшего использования осадков или любого другого источника воды. Но мы видим выход из создавшегося положения только лишь в проведении канала из какого-нибудь другого района, само собою разумеется, что лучше бы подать воду из Сибири, которая имеет ее в изобилии.

Нам понятно, что, если будет взято слишком много воды, это отрицательно скажется на Сибири. Такую же точку зрения высказал Гурий Марчук в бытность свою вице-президентом Сибирского отделения Академии наук, когда он был у нас в Ашхабаде. Все согласны с тем, что перед тем, как принять какое-либо решение, необходимо провести тщательнейшие исследования. Но на нужды Средней Азии пойдет лишь небольшая часть речных вод, поэтому строительство канала, по нашему мнению, не нанесет вреда Сибири.

Я получил почти такой же ответ от Нурмухаммеда Ханаева, молодого и энергичного заместителя начальника «Каракумстроя».

— В будущем вода должна прийти либо из водохранилищ, либо из Сибири,— сказал он в ответ на мой вопрос.— Воды Амударьи, которые забирают также и в Узбекистане, составляют 95 процентов наших водных запасов, и существует предел их использования, который мы не можем превышать.

С начала своего строительства в 1954 году Каракумский канал уходил все дальше и дальше вдоль предгорий Копет-Дага, беря начало у старого канала Босага-Керки, и теперь простирается на 1050 километров до Джанахира, где завершается строительство его следующей очереди. По мере строительства канала прилегающие земли превращались в плодородные поля.

Когда канал наконец дойдет до Кизыл-Атрека, расположенного на некотором удалении от Каспийского моря, его протяженность составит 1400 километров. Его ответвление пойдет к Небит-Дагу — центру добычи нефти и газа — и далее к Красноводскому промышленному району.

— После того как вода придет в Кизыл-Атрек, мы

сможем выращивать там цитрусовые культуры — апельсины, мандарины, лимоны — в большом количестве, — уверенно заявил Ханаев. — Это наши субтропики, где растут оливковые, фисташковые деревья, финиковые пальмы, миндаль.

«Каракумстрой» не только ведет канал дальше, но и расширяет его. Первые 450 километров уже судоходны. Впоследствии по каналу смогут ходить суда через всю Туркмению до Ашхабада.

— Это будет праздничный день для всей нашей столицы, — сказал Атаев. — До сих пор трудно поверить, что мимо пустынных земель суда поплывут прямо сюда, в Ашхабад.

Мечты Ходжанепеса о благоденствии туркменского народа становятся явью в масштабах, которые он не мог предвидеть.

— Когда мы закончили четвертую очередь канала в Джанахире, — продолжил Ханаев, — один из наших бригадиров заявил, что надо изменить название этого пункта. Я спросил почему. Он ответил, что «Джанахир» означает «конец жизни». После того как придет вода, сказал он, необходимо эту местность назвать «Тезе дурмуш» — «новая жизнь».

Вода для туркмен всегда означала жизнь. Вслед за водами канала в республику пришла новая жизнь.

В тот же день Атаев отвез меня на Гуртлинское водохранилище под Ашхабадом, которое, как объяснил писатель, считается небольшим.

Когда мы подъехали к Гуртлинскому водохранилищу, мы увидели огромное блюдце — озеро, окруженное широким поясом берега. Солнце нещадно палило. Атаев настойчиво приглашал меня взобраться по песчаному склону, который он несколько минут ощупывал своей палкой.

— Смотрите, — сказал он, — вот как выживают растения пустыни. — Он обнажил часть длинных корней куста, протянувшихся на несколько метров вниз по склону бархана.

— В пустыне и растительность, и люди... — Он искал подходящее слово.

— Цепкие, — подсказал я.

— Вот именно, цепкие.

...Мое короткое посещение колхоза «Советская Туркмения» под Ашхабадом было своеобразной репетицией поездки в колхоз «40 лет Туркменской ССР», находящийся в 60 километрах от города. Там я провел целый день. Масштабы и состояние дел в обоих хозяйствах свидетельствуют о беспочвенности распространяемых на Западе мифов о неэффективности советского сельского хозяйства. Для этих колхозов подходит название — агробизнес, которое в Канаде и США служит для определения крупных ферм, выпускающих разнообразную, а не специализированную продукцию.

Колхоз «40 лет Туркменской ССР» — сельскохозяйственный комплекс с солидной базой, где умело используется каждая капля воды, идущая из Каракумского канала, и каждая машина, которая облегчает труд земледельцев. При этом здесь нет никакой эксплуатации, свойственной частному предпринимательству.

Каждый колхозник, с которым я разговаривал, а я сидел со многими земледельцами, был лично заинтересован в производстве как можно большей продукции, ибо получает за это дополнительные суммы в виде премий. Многие из моих собеседников вспоминали времена, когда Каракумский канал еще не был подведен к Ашхабаду, когда земля, на которой они собирают ныне урожаи, не возделывалась из-за отсутствия воды и использовалась только для выпаса скота.

В колхозе «Советская Туркмения» я посетил поля — хотя слово «поля» попросту теряет свое обычное значение, если применить его к бескрайним просторам, увиденным мною. За полем, пронизанным ирригационными каналами, там, куда не доходила вода, я взял немного земли и просеял ее через пальцы. Она походила на порошкообразный сухой ил. Однако там, где вода бежала по арыку — вдоль края поля, трава была сочной и зеленой.

Мы побывали потом и на Каракумском канале. Канал в районе Ашхабада похож на большой ров, заполненный водой, и сам по себе не впечатляет. Производят впечатлительные орошаемые поля вдоль него.

Беседуя с рабочими насосной станции, я почувствовал, насколько глубоко их уважение к воде, как благоговеют они относятся к ней.

— Без воды — нет жизни, — сказал Анха Назаркошек, молодой техник. — Эта станция перегоняет воду по полям, как мое сердце перекачивает кровь по моему телу.

А бригадир Мурат Язланов обратился ко мне с улыбкой:

— Каждый раз, когда я смотрю вокруг себя и вижу выращенный нами урожай, я чувствую радость за то, что помог превратить пустыню, где раньше были одни пески, в цветущий сад.

Контраст между засушливыми землями в прошлом и нынешними цветущими полями виден на каждом километре дороги, по которой мы возвращались в Ашхабад. Иногда она проходит среди бескрайних орошаемых полей, окаймленных деревьями, а иногда пересекает пустынные земли, покрытые редкой растительностью.

При возвращении в Ашхабад Атаев крепко сжал мою руку и указал на мощную гряду эльбрусского хребта, проходящего по территории Ирана и неясно вырисовывающегося в дымке тумана, повисшего над предгорьями.

— Видите вон ту гору, — сказал он, — там у американцев были станции слежения. Интересно, как бы себя повели канадцы, если бы знали, что за ними наблюдают с чужой стороны границы? Нашу страну и Соединенные Штаты разделяют континенты и океаны. Только в одном месте, по Берингову проливу, у нас общая граница. Мы не угрожаем американцам. Почему же Соединенные Штаты угрожают нам?

— А где теперь эти станции? — спросил я.

— Их демонтировали и переправили в Турцию, хотя надеялись установить в Афганистане.

Соединенные Штаты всеми силами стремятся усилить дееспособность своей радиостанции «Свобода», передающей пропагандистские программы на республики Средней Азии, в которых говорится о превосходстве американского образа жизни. Только политически наивные люди могут верить заявлениям американского правительства о том, что оно содействует распространению правдивой информации, а не сеет смуту. И только лишь одержимые антисоветчики в Вашингтоне могут полагать, что эти передачи найдут благодарных слушателей в Туркмении или любой другой среднеазиатской республике.

Туркменский народ твердо убежден в превосходстве своей социальной системы, которая предоставила ему равные права с другими советскими народами и позволила подняться от феодальной отсталости до верхних ступеней социального прогресса.

ИХ ПРИЗВАНИЕ — КОСМОС

Я возвратился из Сибири с мыслью, что, будь я советским гражданином, я непременно поселился бы именно там. В далеких землях, бывших при царизме местом ссылки, при Советской власти произошли невиданные изменения. Они были превращены в край, полный кипучей жизни.

Хотя исторические пути, пройденные Россией и Канадой, не схожи, развитие Севера в этих двух странах до начала двадцатого века было подобным. И русские и канадцы видели в Севере суровый, негостеприимный, малонаселенный, лежащий на конце света край. Трудности жизни вследствие оторванности и изолированности тех, кто там жил и работал — торговцев пушниной, охотников, старателей, купцов, правительственных чиновников и полицейских, — практически превратили Север в место ссылки. И фактически это было узаконено правительствами или продиктовано интересами компаний. Север был домом только для местных народов, живших там веками.

В Сибири достойны удивления не только результаты развития, которые сегодня налицо, но и способы их достижения. Из всех земель, открытых и захваченных европейскими державами в период бурного развития капитализма, Сибирь была единственным столь обширным краем, который к началу первой мировой войны оставался неразвитым. И это несмотря на трехсотлетнюю колонизацию русскими. Страна Советов унаследовала от царизма промышленную и культурную отсталость, которая давала себя знать в первые годы существования молодого государства.

Ныне почти нетронутые богатства Сибири находятся вне досягаемости многонациональных монополий, которые захватили месторождения полезных ископаемых в Канаде и Австралии. Сибирь стала первой обширной тер-

риторией такого рода, развивающейся по законам социалистического экономического планирования.

Путешествуя по Сибири, я замечал не столько общее, сколько различное между нею и Севером Канады. Сходство пейзажа было очевидным, оно бросалось в глаза. В Йеллоунайфе и Якутске, которые находятся почти на одной широте, я видел почти такие же многоквартирные дома, административные здания, впечатляющие гостиницы. Добыча алмазов открытым способом в Мирном по своим масштабам напоминает добычу свинца и цинка в Пойн-Пойнте на Большом Невольничьем озере.

Но Сибирь развивается по социалистическому пути, и в этом ее основное отличие от Севера Канады. Общая энергосистема, в которую входят новые гидроэлектростанции на Ангаре, месторождения нефти и газа, Байкало-Амурская магистраль, новые города, такие, как Сургут и Усть-Илимск, — все это часть огромного развернутого плана. В сибирские новостройки вложены миллиарды рублей. Но продукция промышленных комплексов, тюменские нефть и газ, деревообрабатывающие предприятия в Братске и Усть-Илимске, уже сданные в эксплуатацию, алмазы Мирного, уголь и сталь, которые скоро будет давать комплекс в Нерюнгри, окупят капиталовложения; доходы от них пойдут на строительство новых городов и промышленных предприятий, существующих пока лишь в чертежах проектировщиков. И тем не менее будущие новостройки вполне реальны. Они не зависят от корыстных расчетов многонациональных корпораций, они — часть общего плана социалистического развития, который последовательно воплощается в жизнь.

С целью ускорения развития угольных месторождений в Нерюнгри Советский Союз подписал контракт о поставке коксующих концентратов в Японию в обмен на машины и оборудование. Но наряду с экспортом коксоконцентратов и угля основная цель комплекса — удовлетворять растущие потребности Советского Союза. По завершении освоения месторождений там вырастет новый город, жители которого будут работать на металлургическом комбинате. Социалистическая экономика получит новое предприятие, и это положительно отразится на благосостоянии всего народа.

В Якутии, как и в других советских республиках и автономных областях, национальные права якутов и других местных народов закреплены законом и осуществляются на деле. Якутам трудно понять суть земельных претензий канадских индейцев и эскимосов и национальные требования метисов.

И действительно, как объяснить положение в Пойн-Пойнте людям, которые никогда не знали дискриминации, которые имеют равные со всеми права на образование, на решение проблем, касающихся развития их родной земли? В Пойн-Пойнте канадское правительство израсходовало около 90 миллионов долларов на строительство железной дороги «Грейт слейв лейк рейлуэй», которая подходит к шахтам гигантской горнодобывающей корпорации — «Консолидейтед Майнинг энд Сметлинг». Однако среди работающих там почти нет индейцев.

В своем докладе судья Верховного суда Британской Колумбии Томас Р. Бергер, расследовавший социально-экономическое значение строительства газопровода в долине реки Макензи, отмечал: «После того как в город прибыл контингент белых рабочих, у предпринимателей не стало никакого стимула брать на работу представителей местных народностей. Появление рабочих из коренного населения изменило бы жизнь в городе».

Якутам это кажется невероятным. Их приводят в негодование еще более уродливые акты дискриминации. Все это снижает в их глазах ценность достижений канадской технологии в освоении Севера.

Инувик, построенный в дельте реки Макензи, должен был заменить старый поселок Аклавик, место для которого выбрали неудачно. Предполагалось, что Инувик станет образцом северного города. Однако, как заявил доктор Хобарт из комиссии Бергера в 1975 году, «в свайный фундамент этого поселка вмонтировали дискриминацию». Это видно даже с воздуха: город разделен на две части: благоустроенную — для белых и неблагоустроенную — для коренных жителей.

Равноправие и единство народов, научные, учебные, медицинские учреждения, культурные центры, построенные в Сибири, радио, телевидение, выпуск в крупных сибирских городах центральных газет одновременно с их из-

данием в столице создают для жителей этого региона такие же условия для жизни и работы, как и в Европейской части СССР. Все это делает Сибирь особым краем, краем нового типа. Сибирь перестала быть окраиной. Ученым, архитекторам, писателям, художникам, скульпторам предоставлены все возможности для самовыражения. Масштабы их деятельности зачастую значительно шире, чем в других местах, ибо в Сибири многие проблемы приходится решать впервые, исследовать и намечать необычные пути развития края.

Создание новых городов на Севере предоставляет большие возможности для архитекторов и проектировщиков, позволяет специалистам испробовать различные методы планирования, всевозможные материалы и способы строительства. Интересным начинанием был конкурс популярного научно-технического журнала «Техника — молодежи», организованный совместно с Союзом советских художников. Под рубрикой «Сибирь завтра» здесь помещались работы художников-профессионалов и любителей, отражающие их видение будущей Сибири.

На многих рисунках были изображены города под куполами с искусственным микроклиматом, круглые башни-здания и площадки на одной опоре, энергоснабжение которых осуществляется от солнечных батарей; поезда монорельсовых дорог, протянутых над тайгой, машины, мчащиеся по наземным и подземным магистралям, которые питают их энергией; грузовые дирижабли, осуществляющие связь между космодромами; снабженные плавниками суда и похожие на стрекоз воздушные корабли. Воображение художников нередко подкреплялось научными выкладками и техническими расчетами.

Общий для всех этих работ мотив — сохранение окружающей среды, использование «чистых» источников энергии, гармония урбанистического, промышленного и природного пейзажа.

Для всех советских людей *Сибирь* стала символом нового, символом великих свершений.

Другим таким символом является *космос*. Есть своя внутренняя логика в том, что комсомольцы, добровольно приехавшие на строительство БАМа, назвали свой первый поселок Звездным по аналогии с названием Центра под-

готовки космонавтов имени Гагарина, находящегося под Москвой; здесь оба символа — Сибирь и космос — слились воедино. Покорение космоса захватило воображение советской молодежи. Она знает цели, ради которых совершались полеты к звездам, чтит своих космонавтов. Молодежь является основным читателем научно-фантастических произведений, которые приобрели в Советском Союзе большую популярность.

И западные и советские писатели рассказывают о космических странствиях, открытиях необычайных новых миров, встречах с неведомыми доселе существами и организмами, показывают героев, выдерживающих столкновения с самыми невероятными опасностями. И западные и советские фантасты имеют глубокие научные знания во многих областях, что придает их произведениям достоверность.

Вместе с тем советская научная фантастика принципиально отличается от западной. Западные фантасты, за редким исключением, изображая будущее мира, оставляют незыблемой капиталистическую систему, тогда как советские писатели стремятся показать грядущее общество более прекрасным, чем настоящее. В их видении будущего нет места межзвездным войнам, столкновениям с обитателями других миров или вземным конфликтам из-за ценных ресурсов. Для них вземная цивилизация, посылающая корабли в космическое пространство, также должна превратиться в общество, где война исключена из жизни, где она внушает отвращение, — в противном же случае погибнет все живое на планете.

В произведениях советских писателей-фантастов отражается советский подход к космическим исследованиям: их направленность на ускорение прогресса человечества, на достижение мирных целей. Советские люди хотят сделать эти исследования сферой международного сотрудничества, а не причиной возникновения международных конфликтов.

Однажды утром я поехал в Центр подготовки космонавтов имени Гагарина (он широко известен под названием Звездного городка), расположенный приблизительно в 30 километрах на северо-востоке от столицы.

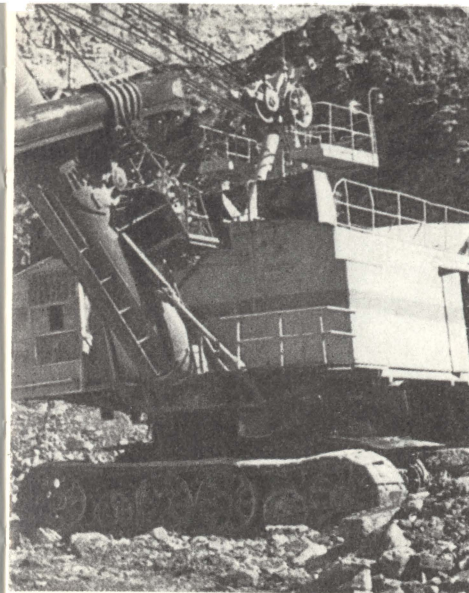
Якутск. Новый девятиэтажный дом на вечной мерзлоте

**Вбитые сваи в мерзлый грунт — фундамент для современных домов
в районе вечной мерзлоты**

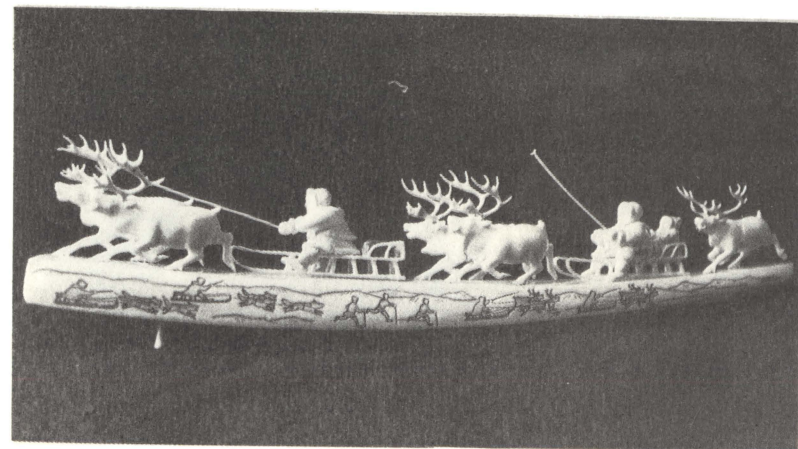
Путь к якутскому углю открыт. Укладка последнего звена рельсов к угольному разрезу

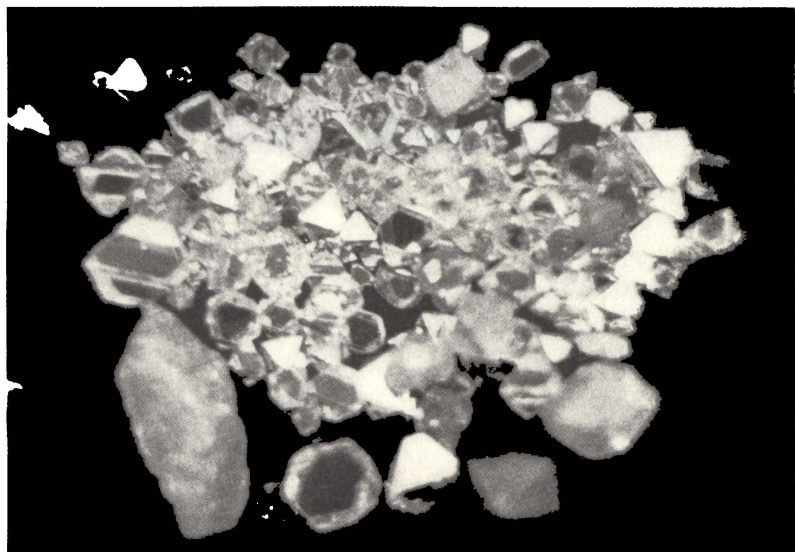
В карьере алмазной трубы
«Мир»

Якутские алмазы

Искусство резьбы по кости широко распространено среди народов Сибири

В карьере алмазной трубки
«Мир»

Искусство резьбы по кости широко распространено среди народов Сибири

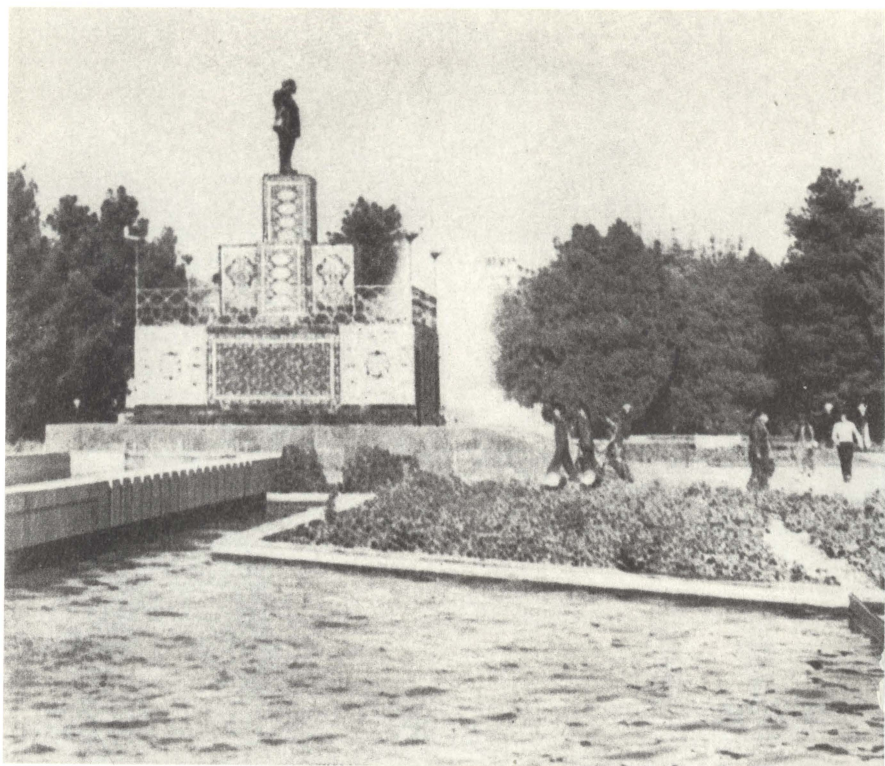
В Якутске — —50°. Тепло укутанные якутяне направляются в детский сад

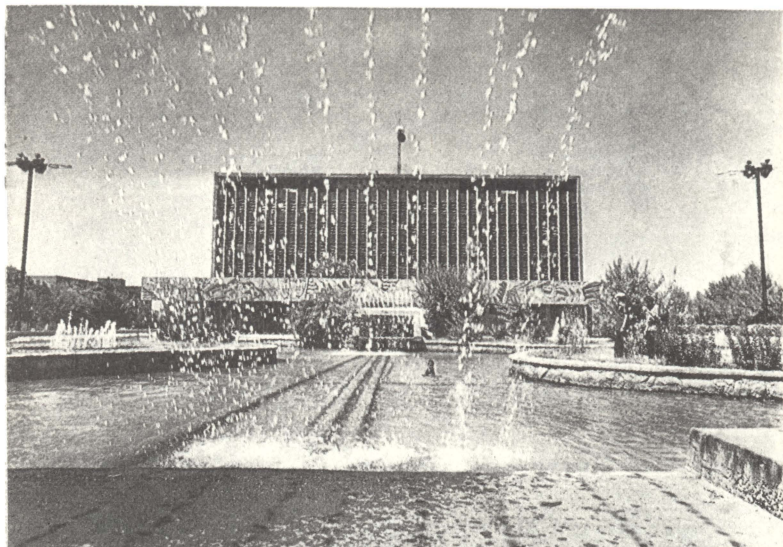
В подземной лаборатории Института мерзлотоведения

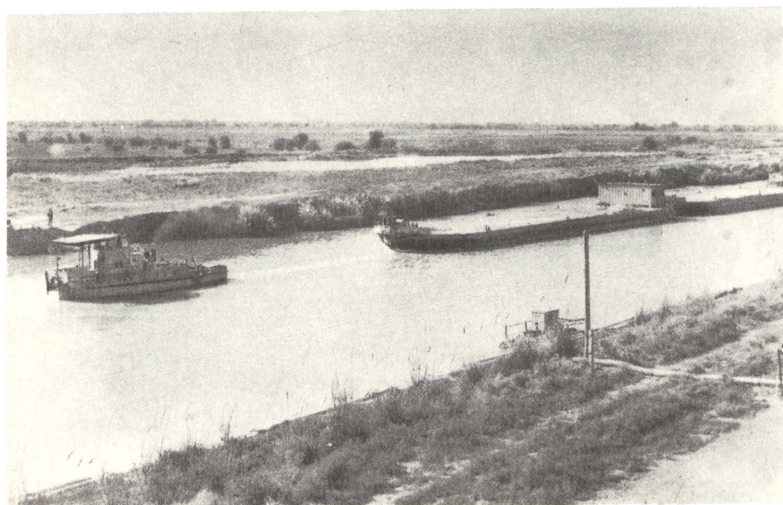
«Ковбой» с полюса холода

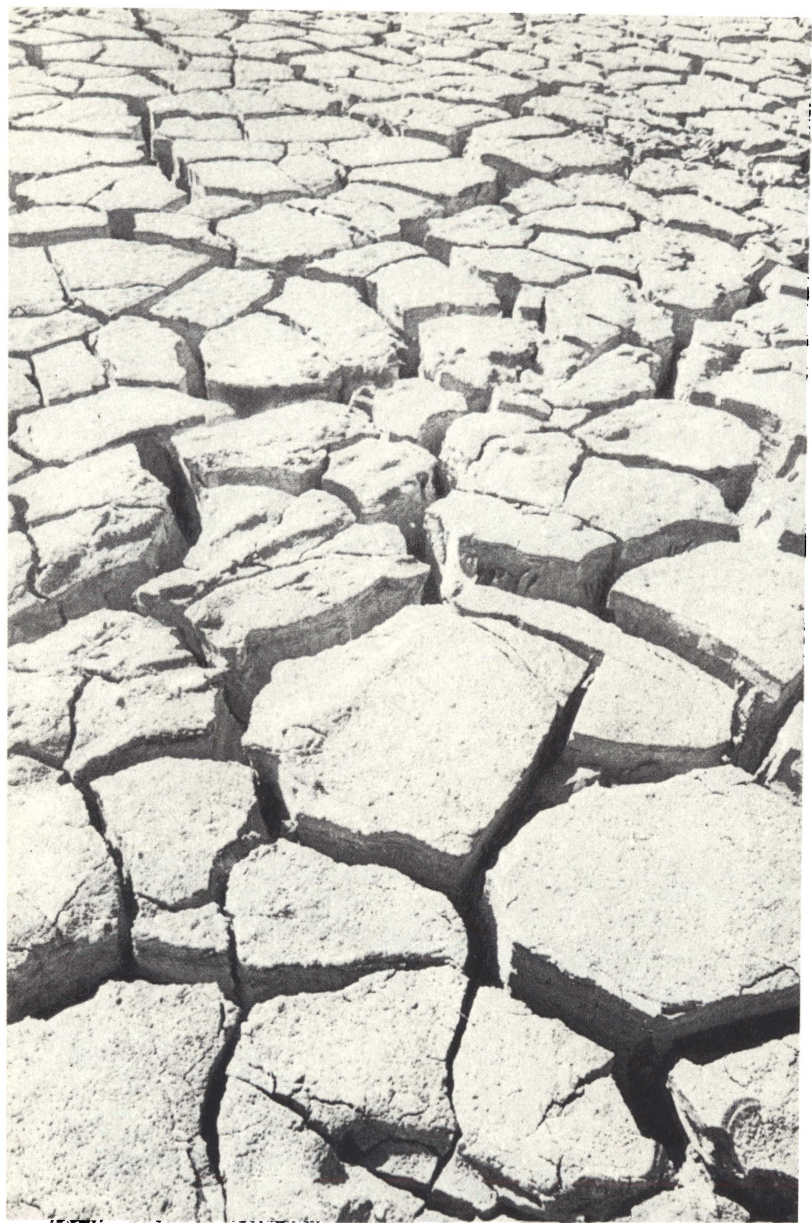
Ашхабад. Памятник В. И. Ленину в одном из городских скверов

Общий вид здания управления «Главкаракумстрой»

На Каракумском канале

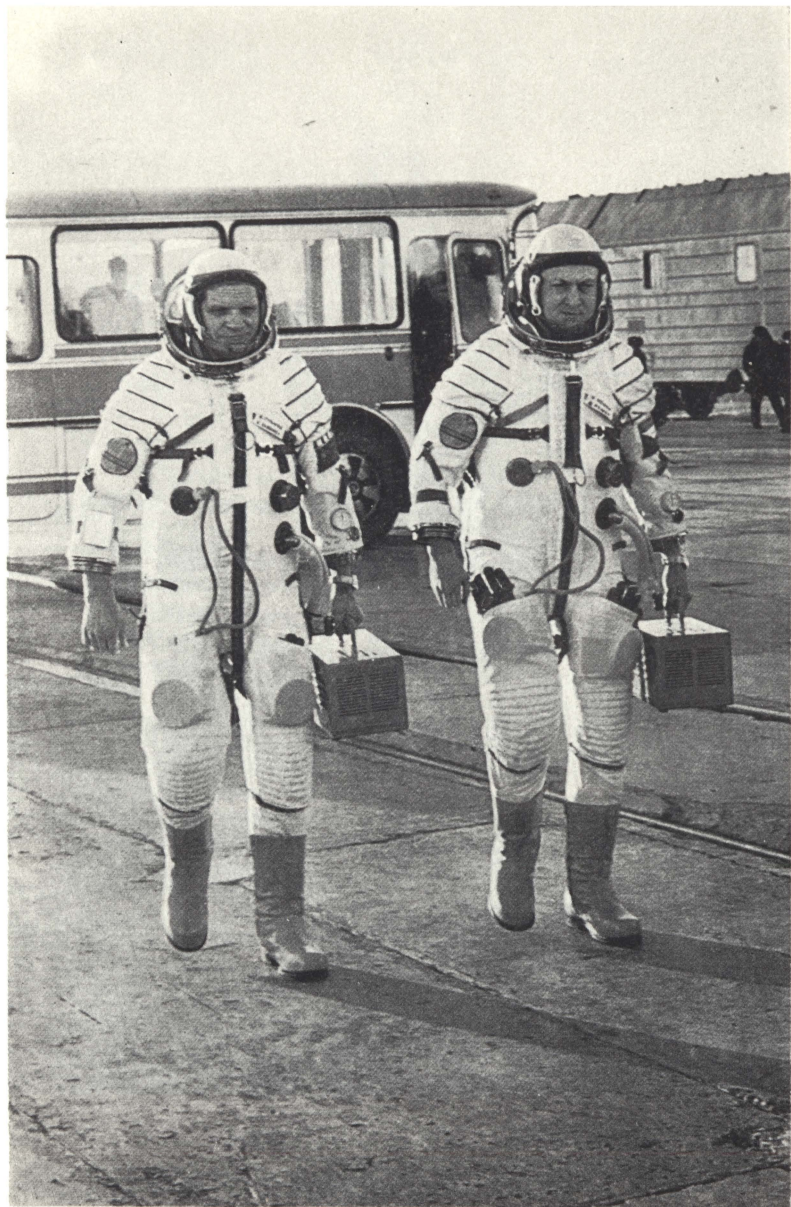
Каракумский канал дал жизнь этому краю. На такой высушенной земле поднялись колхозы и совхозы

Молодые туркменки

Памятник Юрию Гагарину в Звездном городке

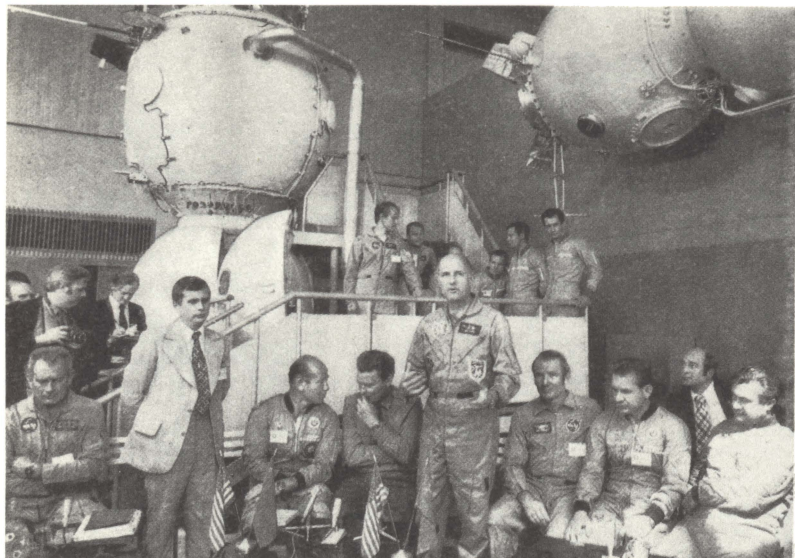
Международный экипаж космического корабля «Союз-28» Алексей Губарев (слева) и Владимир Ремек (ЧССР) направляются на старт

Заместитель начальника центра подготовки космонавтов генерал-майор
Петр Климух (слева) во время рабочей встречи с журналистами

Космонавт Алексей Губарев рассказывает Гарольду Гриффину
о космической орбитальной станции «Салют» во время посещения
писателем Звездного городка

Советские и американские космонавты, готовившиеся по программе «Союз — Аполлон», во время беседы с советскими и иностранными журналистами в Звездном городке

Небольшой чистый городок, Звездный раскинулся среди лесов. В центре городка несколько административных зданий и здания с бассейном для гидрообучения и с центрифугой, которая немного меньше центрифуги в американском космическом центре в Хьюстоне, но совершеннее последней — она была построена позже.

В Звездном есть площадь имени Гагарина, на ней стоит памятник первому космонавту Юрию Гагарину, вызвавший, вероятно, не меньше споров, чем иная проблема космических исследований. Лицо у Гагарина — застывшее, суровое, и именно это не удовлетворяет критиков, утверждающих, что памятник должен воспроизводить космонавта улыбающимся, веселым, каким он и был в жизни.

Большинство городов имеют свои традиции. Порой они столь древние, что их истоки теряются в глубине веков. У Звездного есть одна новая прекрасная традиция. После каждого полета космонавтов встречают и чествуют у памятника Гагарину; потом они сажают в сквере березу. Ко времени моего приезда было посажено уже 47 березок. Вероятно, в будущем отведенной для парка площади будет мало, ведь число космических полетов растет. Но я надеюсь, что эта традиция будет жить как символ той огромной роли, которую играет космонавтика в защите окружающей среды.

В Звездном есть и музей. Мне рассказали там об истории его создания: «Когда мы начали собирать экспонаты, повествующие о первых полетах, к нам стали поступать материалы со всех концов страны. Вначале это были материалы, относящиеся к полету Ю. Гагарина, который состоялся 12 апреля 1961 года, потом, после его трагической гибели в авиационной катастрофе, другие документы. Мы поняли, что воссоздаем одно из самых великих достижений в истории человечества, в истории творющейся. Вот так и было положено начало нашему музею»

Заместитель начальника Центра генерал-майор Петр Климук ждал меня у главного административного здания. Петр Климук широкоплеч, крепок, кажется, что он вырублен из монолитной каменной глыбы. Его внешность обращает на себя внимание.

— Старт с Байконура, нашего казахстанского космодрома, — сказал он, — кульминация длительной учебы космонавта. А здесь, в Центре, мы готовимся к полетам.

Сидя в кабинете космонавта, дважды Героя Советского Союза, я ощущал на себе влияние его яркой энергичной личности. Карие глаза Климука, когда он начинал говорить, загорались.

На мой вопрос о задачах, которые ставит перед собой советская космонавтика в обозримом будущем, Климук ответил быстро и категорично:

— Сначала мы должны совершенствовать нашу систему запуска на космическую орбиту пилотов обоего пола, которые должны находиться там продолжительное время, а также решить сложные проблемы, связанные с физическим состоянием космонавтов. Одновременно мы систематизируем наш опыт и разрабатываем новую технологию.

Наступит время, когда мы будем строить в космосе станции, в которых люди смогут жить и работать. С этих станций будут стартовать корабли для исследования других планет нашей системы при нулевой силе тяжести. С помощью наших автоматических космических зондов мы многое узнали о Марсе и Венере, и к тому времени, когда мы будем готовы послать людей на иные планеты, у нас накопится еще больше необходимых сведений.

Сейчас одной из самых важных задач является проблема выносливости человека. Чтобы строить космические станции, люди должны подолгу находиться в космическом пространстве. Чтобы совершить полет на Марс, пилоты должны провести в космосе 2—3 года. Перед тем как отправить их в экспедицию, мы обязаны изучить психофизические проблемы, с которыми столкнутся космонавты.

Я узнал некоторые подробности о проблемах невесомости или нулевой силы тяжести (американцы предпочитают употреблять термин «микротяготение», так как космос не полностью свободен от силы тяжести). Рассказывал мне об этом полковник Алексей Губарев — человек обаятельный и с чувством юмора, — показавший мне космический корабль, используемый для подготовки космонавтов к полетам. Сам Губарев совершил два космических полета — один из них совместно с гражданином Че-

хословакии Владимиром Ремekom, — а сейчас отвечает за обучение международных космических экипажей.

— Юрий Гагарин, осуществивший в 1961 году первый космический полет, — говорил он, — облетел Землю один раз и возвратился в хорошем физическом состоянии. Однако второй космонавт, Герман Титов, сделавший 17 витков, после полета чувствовал себя недостаточно хорошо.

После этого полета мы стали больше внимания уделять тренировкам в условиях невесомости, а также исследованиям отрицательного воздействия невесомости на организм. Оказалось, что самые трудные в космосе первые 10 дней. В течение этого времени у космонавтов пропадает аппетит, резко повышается или падает температура тела, происходит их определенная дезориентация.

В космосе нет силы тяжести, которая способствует отливу крови от головы, поэтому космонавты страдают сильными головными болями. Готовясь к полетам, я несколько месяцев спал в наклонном положении с низко опущенной головой. Моей жене, — добавил он шутя, — это совсем не нравилось. Те, кто провел в космосе два месяца или больше, возвращались на Землю в лучшей физической форме, чем те, кто совершал короткие полеты, ибо первые успевали приспособиться к невесомости.

Оборотная сторона проблемы невесомости — это приспособление космонавта к силе тяжести на земле. Оно протекает более сложно, ибо физически он становится слабее. Космонавту, как моряку, вернувшемуся из длительного плавания, надо снова учиться ходить по земле.

Можно представить себе, например, масштаб проблемы невесомости, с которой столкнутся люди, отправляющиеся на Марс. Специальная программа обучения, — заметил Губарев, — позволяет нам смягчать ее отрицательное воздействие в первоначальный период пребывания в космосе.

Чтобы нейтрализовать это воздействие, космонавт во время полета должен ежедневно по крайней мере два часа тренироваться, используя специальное оборудование, установленное на борту космического корабля. Он должен привыкнуть к специальным стимулирующим нагрузкам костюмам, которые называют «пингвинами», и посещать вакуумную камеру, предназначенную для созда-

ния отрицательного давления на нижнюю часть тела. Космонавт питается специально приготовленной пищей, содержащей необходимое количество соли и жидкости.

Однако пока решены еще не все проблемы.

Еще ждут решения такие вопросы, как изменения в иммунологической системе организма. Необходимо научиться предотвращать опасность, связанную с тем, что некоторые микробы, обычно безвредные на Земле, в космосе могут стать источником болезней. Заболевшего космонавта можно транспортировать с космической станции на Землю, но пока такой необходимости не возникало. Однако если совершается дальний космический полет, например, к Марсу, то вернуть больного на Землю будет практически невозможно, следовательно, отправляя космонавта в путь, надо предпринять все меры предосторожности.

Полет Ляхова и Рюмина помог ученым-медикам выяснить, как воздействуют на организм изменения в красных кровяных тельцах. Все красные кровяные тельца в космосе были образованы в условиях невесомости, и эти клетки несколько отличались от тех, что были образованы на Земле в обычных условиях. Однако их главная функция — питание кислородом — не была ослаблена. Когда же Ляхов и Рюмин после 175-дневного полета вернулись на Землю, произошла замена клеток, образованных в космосе, на обычные клетки земного типа, при этом вредного воздействия не наблюдалось.

Не менее сложны психологические проблемы, возникающие при увеличении длительности полета; необходимость отбора психологами совместимых космонавтов, способных работать друг с другом в ограниченных пределах космической станции, становится настоятельной.

Советские психологи уже два десятилетия изучают эти вопросы. Они разработали различные тесты для определения совместимости, но считают, что еще не нашли лучший метод отбора экипажей.

В космосе, особенно в чрезвычайных обстоятельствах, важно умение сотрудничать при выполнении поставленных задач.

Тесты, подтвержденные космическим опытом, показали, что совместимость неравносильна похожести людей.

Многообразные черты индивидуумов и их взаимодействие друг с другом сложны. Одним из условий плодотворного общения являются взаимное уважение и взаимопонимание.

Однако космос создает собственные психологические условия, как их некогда создавал океан для устремлявшихся в неведомое отважных путешественников.

Академик Олег Газенко, директор Института медико-биологических проблем, всемирно известный специалист в области космической медицины, полагает, что со временем космические полеты смогут стать более продолжительными, но ученые должны убедиться, что они не будут иметь вредных последствий для человеческого организма.

— Сегодня космические полеты осуществляют только специально обученные люди,— говорит он.— Через 10—15 лет каждый здоровый человек сможет полететь в космос. Разработка космических систем, пригодных для многократного использования, позволит отправить в космос специалистов для проведения сложных научных исследований. Выполнив задание, ученые или инженеры вернутся на Землю к своей работе. Отпадет необходимость в профессиональных космонавтах.

Такую же точку зрения в целом разделяет и Национальное управление по аэронавтике и исследованию космического пространства США (НАСА), которое собирается направить в космос «необходимых специалистов». При этом они не будут проходить никакой сугубо специальной подготовки. Тогда можно будет ограничиться лишь двумя месяцами тренировок в космическом центре имени Джонсона в Хьюстоне, во время которых они выработают привычку жить и трудиться в условиях невесомости. Эти специалисты будут проводить эксперименты для своих корпораций, которые будут арендовать «космическое время» у Национального управления по аэронавтике и исследованию космического пространства.

Но пока космонавты сами должны выполнять различные научные эксперименты, и многие их работы уже дали практические результаты.

Показывая мне космическую станцию «Салют», Губарев обратил мое внимание на установку, с помощью которой впервые в космосе были получены сварные швы такого

высокого качества, которое не может быть достигнуто в условиях Земли. На станции «Салют-6» были проведены более 180 подобных опытов. В космосе удастся также создать сплавы из материалов, которые невозможно сплавить на Земле. Уже получен целый ряд таких сплавов.

Знания, приобретенные в ходе экспериментов по сварке и плавке металлов,— часть огромного фонда информации, которая уже составляет 200 тысяч томов, полученных с шести советских орбитальных станций и в результате 40 пилотируемых космических полетов, совершенных до апреля 1981 года; эти данные были дополнены исследованиями, проведенными гораздо большим числом автоматических космических аппаратов, которые используются для различных нужд в метеорологии, связи, а также для исследования космического пространства,— только в серии «Космос» было запущено около 1300 таких аппаратов.

Работы в космосе уже сейчас приносят практическую пользу. В космосе осуществлено производство полностью однородного трехкомпонентного транзисторного кристалла — сплава кадмия, ртути и теллура, который нельзя получить в земных условиях, здесь сплав мгновенно расслаивается. Преимущество новых кристаллов состоит в том, что они могут использоваться при создании счетчика инфракрасного излучения с широким диапазоном от одного до 35 миллимикрон, тогда как у обычного счетчика диапазон варьируется от одного до восьми миллимикрон.

На «Салюте» было осуществлено около 200 экспериментов по нанесению золота, серебра и различных сплавов на металлы и стекло. Академик Всеволод Авдеевский придает большое значение этим экспериментам как средству восстановления оптических свойств рефлекторов, особенно у таких приборов, как телескопические зеркала, используемые в космическом пространстве, где их отражающая способность может быть нарушена микрометеорами и заряженными частицами.

Космические полеты, несомненно, потенциально выгодны медицине. Ряд лекарств, которые очень трудно или невозможно производить на Земле, могут быть изготовлены в космосе. Изготовление лекарств в космосе методом

электрофореза создает известное преимущество — тогда лекарства свободны от всякой примеси. На Земле же этого достигнуть нельзя. Лекарства, приготовленные в космосе, обладают более высокими целебными свойствами и не оказывают побочных действий на организм.

Советские трудящиеся — колхозники и рыбаки, инженеры и геологи — знают, что космонавты, изучающие разнообразные проблемы в космосе, помогают им в работе.

— В космосе,— вспоминал Губарев,— я сразу же узнавал, что нахожусь над нашей территорией,— по размерам колхозных полей. Эти уголья прорезаны реками, шоссевыми дорогами, железнодорожными магистральями, но казалось, что им нет ни конца, ни края; среди обширных пространств неожиданно возникали лесные массивы или теснились дома, города, поселки, а затем снова шли поля... Советская земля значительно отличалась от территории западноевропейских стран, похожей на лоскутное одеяло, простеганное строчками всевозможных границ, бегущих в разные стороны.

Стада животных из космоса можно направлять на лучшие пастбища, промысловым судам — указывать места, где скопилось много рыбы, а геологам — подсказывать наиболее перспективные нефтеносные районы.

Исследования, выполненные в космосе как с пилотируемых человеком станций и космических кораблей, так и автоматическими спутниками, экономят средства, затрачиваемые на строительство ирригационных систем. На основе информации о наличии воды, снега и льдообразованиях, а также о структуре почвы инженеры могут делать более точные расчеты при проектировании объектов.

Советские телезрители, как и канадцы, привыкли к телевизионным передачам, которые транслируются с помощью спутников. Менее заметными, но жизненно важными для будущего всего мира являются наблюдения, осуществляемые советскими спутниками, — фотосъемка земли, морей и океанов, контроль за загрязнением атмосферы.

Хотя со спутников и управляемых человеком космических кораблей изучаются растительный мир Земли, отрицательные воздействия засухи и наводнений, миграции

животных, в космосе ставятся эксперименты и в области биологии, необходимые для подготовки к первому пилотируемому человеком полету к планетам Солнечной системы.

— В космических полетах на дальние расстояния люди будут нуждаться в растениях — и для употребления в пищу, и для очищения воздуха, — заметил Губарев. — Во время своего полета мы взяли с собой горох. Мы чувствовали, что растения были сродни нам, они жили и страдали. Во время одного эксперимента мы выключили свет и опустили шторы, растения увяли. Когда мы снова включили свет и подняли шторы, мы почувствовали, что растения узнали нас.

Константин Циолковский верил, что вода и воздух будут регенерироваться на борту будущего космического корабля, что экипаж сможет сам производить почти все необходимые продукты питания.

Во время первых космических экспериментов растения погибали до завершения своего жизненного цикла. Позднее космонавты, проводя опыты, включающие так называемую программу «биогравистат», научились выращивать лук, чеснок, укроп и петрушку. Цель этой программы — выявление воздействия искусственно созданной силы тяжести на растения. Вся эта большая работа приближает тот момент, когда искомое решение будет найдено.

На борту космических кораблей и биологических спутников проводились также опыты по изучению воздействия нулевой силы тяжести на рост растений, по разведению дрозофилы, по использованию птиц, например японской перепелки, для пополнения запасов питания в условиях космоса и другие.

Теперь, когда американский космический корабль многоцелевого использования «Колумбия» совершил свой первый успешный полет, подобные эксперименты будут проведены на борту «Скайлэба». Однако космическая программа США с ее временными эффектными достижениями отличается от советской космической программы, быть может менее эффективной, но гораздо более солидной и результативной.

— Наши космические полеты как бы вбирают в себя новейшие достижения науки, они обеспечиваются всей промышленной мощью нашего социалистического государ-

ства,— сказал Климук.— Технологические проблемы, эксперименты, которые мы собираемся провести, обсуждаются совместно с научными учреждениями и представителями различных отраслей промышленности. Мы работаем сообща, как и подобает работать в социалистическом государстве.

Стремясь заинтересовать гигантские корпорации в использовании космоса и привлечь их к участию в экспериментах на борту «Скайлэба», Национальное управление по аэронавтике и исследованию космического пространства сталкивается со скептицизмом предпринимателей, сомневающих в целесообразности разработки производства новой продукции в космосе в противовес сходной продукции на Земле. Бизнесмены отказываются осуществлять долговременное финансирование космических проектов, поглощающих сотни миллионов долларов, без твердой уверенности в том, что затраченные средства окупятся; кроме того, существует распространенное мнение, что большей частью экспериментальные работы являются, по существу, фундаментальными исследованиями, которые должны проводиться правительством.

Корпорации опасаются, что они будут лишены защиты производственных секретов и патентных прав, ибо после принятия закона об учреждении в 1958 году Национального управления по аэронавтике и исследованию космического пространства оно имеет право зарезервировать как исключительную собственность правительства любое изобретение, сделанное во время работ, выполняемых по договору с НАСА. Однако тот же закон гласит, что НАСА может отказаться от исключительных прав правительства, если оно посчитает, что это в национальных интересах. Это положение было призвано развеять опасения корпораций и показать им, что закон не распространяется на корпорации, арендующие «космическое время» на борту «Скайлэба». Однако сложности патентных условий предвещают в будущем яростные судебные баталии по поводу имущественных и патентных прав.

Проблема собственности и патентных прав была удачно сформулирована американским писателем Генри С. Ф. Купером-младшим в журнале «Нью-Йоркер» в феврале 1981 года:

«Даже если бы в патентные условия закона были внесены те или иные изменения, сложности все равно бы остались и опасения бизнесменов не исчезли. А что будет, если открытие произойдет в ходе полета, арендованного корпорацией, но с помощью аппаратуры НАСА, например печи для получения нового сплава? В настоящее время, стремясь успокоить деловые круги, НАСА выражает уверенность в том, что патент на открытие должен принадлежать корпорации при сохранении за НАСА определенной части дохода. Не исключено, заявляет руководство НАСА, что корпорация будет иметь исключительные права на открытие; НАСА будет рассматривать себя только как арендодателя космического корабля, а не как равноправного партнера монополий.

...На первый взгляд эти решения не лишены логики, но они никогда еще не проходили через судебные инстанции и нельзя с уверенностью сказать, что они будут обязательно выполняться; независимо от того, кто владеет плавильной печью, она может принести пользу только на космическом корабле, построенном и запущенном в основном на общественные средства; и тот факт, что космические корабли и искусственные спутники, запускаемые еженедельно по правительственной программе, способствуют дальнейшему обогащению крупных американских корпораций, не может вызывать всеобщего одобрения. В промышленности неизбежны новые столкновения, ибо, если одна из компаний, благодаря открытию, сделанному в космосе во многом за счет средств налогоплательщиков, выходит вперед, то конкурент может подать на нее в суд.

Ясно, что планируемая экспансия капиталистической системы в иные миры нашей галактики будет сопровождаться бурными конфликтами, принесет множество огорчений».

В странах социализма подобных проблем не существует, совсем наоборот. В 1967 году девять государств создали «Интеркосмос» — Совет по международному сотрудничеству в области исследований и использования космического пространства, координационная деятельность которого осуществляется через Академию наук СССР. В эту организацию вошли Болгария, Чехословакия, Куба, ГДР, Венгрия, Монголия, Польша, Румыния и

Советский Союз. В 1979 году к ним присоединился Вьетнам. Совместная программа исследований в области космической медицины, физики, биологии, связи, метеорологии, осуществляемая «Интеркосмосом» и опирающаяся на все научные достижения и промышленный потенциал стран-участниц, показала, что сотрудничество проходит успешно.

В 1969 году был запущен первый спутник «Интеркосмос-1», на борту которого находились флаги всех стран — членов организации; ныне уже работает долговременная система связи «Интерспутник», охватывающая восемь стран. От запусков спутников и космических ракет «Интеркосмос» перешел к совместным полетам, осуществляемым космонавтами разных стран, прошедшими подготовку в Центре подготовки космонавтов имени Гагарина. Первым таким полетом стал полет на «Союзе-28» советского и чехословацкого космонавтов Алексея Губарева и Владимира Ремека. Этот корабль состыковался в 1978 году со станцией «Салют-6».

«Интеркосмос» сотрудничает с Францией и Индией. Два индийских спутника запускались советскими ракетами-носителями: «Ариабхата» — для исследования Солнца в 1975 году, а «Бхаскара» — в 1979 году для наблюдения за Гималайскими ледниками и снеговыми шапками, уровнем воды в реках, лесами, полями и прибрежными океанскими водами.

Франция, с которой Советский Союз в 1966 году подписал соглашение, проводит совместно с «Интеркосмосом» эксперименты через свой Национальный центр космических исследований. Один из французских спутников был выведен на орбиту советской ракетой в 1972 году; французские ученые участвовали в экспериментах, проводившихся на борту «Салюта-6», и два французских космонавта приступили в 1980 году к тренировкам в Центре подготовки космонавтов имени Гагарина¹.

¹ Космический полет международного экипажа в составе летчиков-космонавтов СССР Владимира Джанибекова и Александра Иванченкова и космонавта-исследователя гражданина Французской Республики Жан-Лу Кретьена на орбитальном научно-исследовательском комплексе «Салют-7» — «Союз» был успешно осуществлен в период с 24 июня по 2 июля 1982 года. — *Прим. ред.*

Валентина Терешкова, совершившая в 1963 году космический полет, остается до сих пор единственной женщиной-космонавтом. Я поинтересовался, обучаются ли женщины в Центре в данный момент, и Губарев мне ответил, что, хотя несколько человек отобраны для тренировок, сейчас занятия с ними не ведутся¹.

— Франция,— добавил он,— предложила, чтобы одним из их космонавтов была женщина. Но когда совместная советско-французская комиссия рассмотрела список кандидатов, она не смогла найти ни одной женщины, которая отвечала бы необходимым требованиям.

Советско-американское сотрудничество в космосе, которое началось в 1962 году в соответствии с договоренностью о совместных исследованиях между Академией наук СССР и Национальным управлением по авиации и исследованию космического пространства США и стало на солидную основу с подписанием советско-американского соглашения, в результате чего в 1975 году был осуществлен полет по программе «Союз — Аполлон», открывает дорогу к мирному развитию космоса в будущем.

В соглашении, подписанном в 1972 году, две страны объявили о своем желании сотрудничать в области космических исследований и использовать космос в мирных целях. Первая цель — разработка средств стыковки американских и советских кораблей — была достигнута, когда «Союз-19» и «Аполлон» совершили совместный полет, образуя единый корабль.

Теперь по новому соглашению, заключенному в 1977 году, СССР и США обязались исследовать возможность другого совместного космического полета — станции «Салют» и американского челночного космического корабля.

Преимущества сотрудничества несомненны. Спутники связи и метеорологические спутники, о которых и не мечтали еще в середине нынешнего века, приносят пользу всем странам. Но спутники, ретранслирующие на Землю энергию Солнца, — пока что мечта будущего. Но разве кто-нибудь из тех людей, что видели первые самолеты и дожили до штурма человеком космоса, сомневается в том, что такое

¹ В августе 1982 года космический полет совершила Светлана Савицкая и стала второй в мире женщиной-космонавтом. — *Прим. ред.*

использование солнечной энергии станет реальностью грядущего века?

Новым достижением американской науки и техники стал космический аппарат «Колумбия». Большая часть его стоимости — 6,7 миллиарда долларов — была оплачена Пентагоном; кроме того, военному ведомству будут принадлежать 14 спутников из тех, которые запустят в космос в ближайшие пять лет. Использование Пентагоном космоса для гонки вооружений вызывает растущую обеспокоенность у общественности планеты. Эти опасные планы бросают вызов всем людям доброй воли, стремящимся избавить мир от угрозы ядерной катастрофы с помощью ослабления международной напряженности и всеобщего разоружения.

Беседуя с Климуком о направлении космических исследований в будущем, я спросил его о возможности создания искусственной системы силы тяжести.

— Мы работаем над этим, — ответил он.

Как я узнал позднее, уже был написан ряд научных докладов по разработке проблемы искусственной силы тяжести.

Академик Газенко в интервью, опубликованном журналом «Совет лайф» в апреле 1980 года, указал, что для освоения космоса необходимо создать вращающиеся системы, воспроизводящие условия Земли, с искусственной силой тяжести и с разделением времени на дневное и ночное. Но любое движение в такой системе, подчеркнул он, вызовет дополнительное ускорение, неприятное воздействие которого космонавты будут ощущать в начале полета. Газенко полагает, что если для ликвидации этих побочных эффектов будет найден необходимый угол вращения, то люди смогут жить в космосе, как на Земле.

Свою уверенность в том, что люди будут жить в космосе, Климук выразил такими словами: «Я полагаю, что человечество может быть так же счастливо в космосе, как и на Земле».

По мере того, как человек, покинув свою африканскую колыбель, завоевывал все новые и новые пространства, создавал цивилизацию одна грандиознее другой, подчинял себе моря и небо, становилось все яснее и яснее, что он достигнет такого высокого уровня науки и техники, кото-

рый приведет его в космос — беспредельные дали будущего. Луна, планеты, звезды, будоражившие воображение человека на протяжении бесчисленных тысяч лет, станут для него достигаемыми.

Много лет тому назад я написал об этом следующие строки:

*И теперь, как боги, мы в сиянии взлетаем,
Оставляя за собою пламенеющий след,
Чтобы познать глубины Космоса.
Мы прошли сквозь миллионы лет,
Чтобы создать светлое будущее
Для всех народов планеты.*

Путешествия в космос сделали космонавтов поэтами, ибо они принадлежат к тем немногим людям, которые видели ослепительное великолепие космоса из космоса.

— Мы знаем, как выглядит маленькая и хрупкая Земля в безбрежном космическом море,— сказал мне Климук, когда я уходил. — Ресурсы нашей планеты ограничены, поэтому ограничена и ее способность обеспечивать людей всем необходимым. Земля не может беспредельно подвергаться загрязнению. Земля — наш дом, и мы можем разрушить свое жилище. Поэтому нам всем необходимо работать вместе, чтобы сберечь свою планету, защитить окружающую среду, установить прочный мир во всем мире. Вот таким и должно быть будущее Земли, будущее родного очага всего человечества.

ФРИДРИХ ХИТЦЕР

**СИБИРСКОЕ
ЛЕТО**

Friedrich Hitzer

Sibirischer Sommer

Röderberg-Verlag, Frankfurt am Main, 1982

*Перевод с немецкого
Ю. Филиппова*

ДОМ НА КОЛЕСАХ, ИЛИ СПАЛЬНЫЙ ВАГОН ДЛЯ ГОЛУБКОВ

С Олегом не пропадешь. Он не очень молод, но и не очень стар. Для подобного рода путешествия, каким я его себе представляю, как юношеская беззаботность, так и старческая леность могут все испорить. Поэтому Олег — самый подходящий сопровождающий. Ему можно дать около сорока, хотя он лишь недавно отпраздновал свои пятьдесят три года. В нем сочетаются расторопность и самообладание.

Я могу констатировать это теперь, во время обеда в небольшом кабинете в здании Союза писателей на улице Воровского, где мы впервые знакомимся поближе.

— Олег Никифорович, я рад, что именно вы едете с нами. Я слышал, что для вас это тоже первое путешествие туда поездом.

— Это вообще моя первая поездка в Кузбасс, — быстро отвечает он.

— Тем лучше, но в таком случае я на очко впереди. Самолетом я уже там раз бывал, но поездом — еще нет. Три дня и три ночи! Это ведь что-то значит!..

Все предусмотрено. У нас есть билеты на поезд, в Новокузнецке и Кемерове нас ждут, программа для гостей из Федеративной Республики Германии разработана.

...Поскольку осторожность тетушки Джо была мне известна, я мог понять и опасения моей тещи Лизы, когда она услышала, что ее дочь Сильвели с мужем, который был в России и говорит по-русски, едет в Сибирь.

Лиза звонила по несколько раз в день, прежде чем мы вылетели из Мюнхена. Она постоянно спрашивала, уверены ли мы, что вернемся назад, взяла ли Сильвели шерстяные вещи и подходящую обувь.

— Нам не нужны шерстяные вещи, мы едем в сибирское лето — купаться и загорать! — крикнул я однажды в сердцах в телефон.

Бог мой! Все заботились о двоих, которые едут в страну «слез и льда», как звучит подзаголовок одного дорогого фотоальбома о Сибири.

Мой парикмахер, занимаясь напоследок моей прической, тоже причитал:

— Это путешествие — сумасшествие. И люди там наверняка очень бедные, — добавил он сочувствующе.

— Это зависит от того, что понимать под богатством, — пробормотал я.

...Наш поезд на Новокузнецк отходит от Казанского вокзала ровно в полдень. С Олегом не пропадешь. Несмотря на поломку такси, мы прибыли вовремя. Протискиваемся от купе к купе. Везде битком. Вплоть до предпоследнего. Женщина в голубом платье и девочка озадаченно смотрят на нас. Мы ставим чемоданы. Сможем ли мы все это разместить? И как-то будет дальше?

Несколько минут спустя поезд трогается. На восток. Перед нами лежит путь значительно длиннее, чем расстояние от Мюнхена до Москвы.

Наши соседи по купе, мать и дочь — Аня и Оля, — уже расположились, разместили багаж. Попытки Олега с помощью сложных перемещений поменяться с ними местами не удаются.

— Поладите друг с другом? — спрашивает всех нас проводница.

Мы смотрим друг на друга, киваем. Собственно, почему

мы должны что-то иметь друг против друга?

— Итак, вы видите граждан, — резюмирует проводница, обращаясь к Олегу, — которые понимают друг друга, у меня всегда только так.

Вопрос решен. Аня и Оля, Сильвели и Фридрих обретают общий дом на колесах. Олег разместился на своем месте в соседнем купе. Путешествие началось...

Проводница приносит нам постельное белье. Как и обе наши соседки, и другие пассажиры, мы наконец основательно устраиваемся, переодеваемся в спортивные костюмы, тапочки и замечаем, как уютно и по-домашнему становится теперь в нашем купе. Первый страх от предчувствия утомительной поездки с незнакомыми людьми как ветром дуло.

Ровно через два часа после отправления поезд делает первую остановку — не из-за красного светофора, как я вначале предполагал. После короткой остановки, за которой часом позже следует еще одна, я начинаю понимать, что этот транссибирский поезд как раз то, что нам нужно.

На пути от Москвы до западносибирского Новокузнецка, нашей конечной станции, этот «Трансиб», как я его назвал, будет останавливаться добрую сотню раз, каждая остановка чем-то по-своему интересна. Но пожалуй, больше всего меня привлекают своим своеобразием неприметные станции с живописными вокзальчиками. Пожилые женщины снуют вдоль вагонов, предлагая помидоры и землянику, огурцы и маринованные грибы, еще теплую картошку нового урожая.

Вагоны пустеют. Пассажиры высыпают на платформу, начинают торговаться: «Сколько за стакан грибов?» — «Один рубль?» — «Немыслимо!»

— В Москве это стоит намного дороже, — восклицает в ответ старушка. — Грибы совсем свежие!

— Кто знает? — подшучивает один, в то время как бабуся идет дальше: «Картошка! Огурцы! Грибы! Черемуха!..»

Судя по первому впечатлению, пассажиры нашего поезда не торопятся в вагон-ресторан.

Аня взяла с собой в дорогу две большие сумки, полные продуктов. Несколько буханок хлеба, толстые, длинные

колбасы, малосольные огурцы и маринованные белые грибы, сливочное масло в большой стеклянной банке, сыр и помидоры, фрукты.

Приступая первый раз к трапезе — Аня постелила на столик салфетку из бумаги и поставила букет цветов в бутылке из-под кефира, — она приглашает и нас: «Садитесь!» Хотя мы уже сидим. Напротив нее. Мы благодарим и отказываемся: мы еще не голодны.

Приходит Олег и выкладывает на столик из пластиковых пакетов свою снедь: жареное говяжье филе и курицу, огурцы и помидоры, колбасу и рокфор, персики и виноград. Теперь Аню и Олю приглашаем уже мы.

— Спасибо. Я сыта. Так же, как и вы недавно, — шутит Аня. — Нет, нет, вы едите мало, это видно, — добавляет она, кивая слегка на худощавую Сильвели. — Я ем много. В Москве едят тоже мало. Теперь ваш путь лежит в Сибирь, там едят плотно.

Анюте Ивлевой лет сорок пять. У нее плотная фигура, рыжеватые густые волосы, светло-голубые, почти детские глаза. Широкое лицо излучает спокойствие и уверенность. Она рассказывает нам о своем шахтерском поселке в Прокопьевске, о муже, черноволосом забойщике Мише, который уже на пенсии, о сыне-студенте Аркаше и старшей дочери Свете, о поездках на Байкал, о том, что и она раньше работала в шахте, зарабатывала хорошо, а теперь работает в продмаге. Миша был забойщиком, теперь на пенсии, но продолжает работать дальше, однако не под землей, но на той же шахте.

— А что же Миша делает теперь? — спрашивает Сильвели.

— Еще как работает! — Аня смеясь показывает на восьмилетнюю Олю. — Вот видите — его работа.

Когда Миша ушел на пенсию, Ивлевы устроили большой праздничный обед.

— Тридцать семь горняков было на нем. У нас были утки в сметане и запеченная баранина, — Аня с наслаждением рассказывает об этом обеде, демонстрируя толщину бараньих кусков, вспоминая какие-то особо удавшиеся блюда, — все было отлично. Мы веселились, пели и танцевали. Намного лучше, чем в ресторане, да там и слишком дорого.

Да, люди на «Транссибире» знакомятся быстро. И настолько, что к концу путешествия можно увезти с собой целые жизненные истории.

Обычная картонная коробка из-под обуви в авоське лежала на верхней полке. Мы ее совсем не замечали, пока не стали ложиться спать и не услышали воркованье. Оказывается, в коробке — голубки. Аня купила их в Москве — это подарок Мише.

Откуда это идет, что голуби доставляют радость не только горнякам Рейна и Рура, но и их коллегам в Кузбассе, в Прокопьевске, я не знаю. Аня тоже не может мне этого объяснить, но у нее есть веские основания, чтобы разрешить голубкам одним занимать верхнюю полку.

Оля охотно спит с мамой. Они совсем не стесняются друг друга, наоборот, обеим очень хорошо.

— Где же этих голубков лучше устроишь? — спрашивает Аня, хотя, конечно, знает ответ. — Где-нибудь внизу они задохнутся, или кто-нибудь из нас на них наступит. Было бы ведь жаль.

Я соглашаюсь с ней и восхищаюсь необычной комбинацией успокаивающих звуков: нежным воркованьем и перестуком колес...

Мило и приятно. Но кто нам поверит на Западе? Спальный вагон для голубков?

— Знаете, — доверительно говорит Аня, — перед отходом поезда я как раз подумала, что нам с Олей повезло: никого больше нет в купе. И вдруг вижу вашего Олега Никифоровича. Господи! Мужчина, и притом один! Это ведь может стать обременительным. Но как только я увидела вас, мне стало ясно: вы все вместе, мы уживемся.

В багажной сетке над головой Оли вижу две потрепанные книжки: Демьян Бедный и Михаил Шолохов.

— Ты их сама купила?

— Нет. — Оля не робкая, она охотно позволяет себя фотографировать. — Они из школьной библиотеки.

Сильвели считает, что лучше всего познаешь страну в спальном «купе для голубков».

Утро.

— Теперь вы должны сесть за стол вместе с нами, —

уговаривает нас Аня. — Вам нельзя приехать в Сибирь голодными.

От такого приглашения нельзя отказаться. «Они теперь наши», — считает Аня, которая говорит, что дернула бы даже стоп-кран, если бы нас не было в купе после очередной остановки.

— Где наши? — спрашивает она, когда мы долго отсутствуем.

ПОЛЕТИШЬ — НИ ЧЕРТА НЕ УВИДИШЬ

Олег прикинул, что до Новокузнецка мы могли бы обойти весь вагон. Интересно: кто и зачем едет вместе с нами в Сибирь?

— Исключено, все места заняты. Девять купе — это тридцать шесть человек, — возражаю я, заразившись его умением прибегать к статистике.

— Попробуем. Я буду представлять тебя как автора твоей «Фантазии ужасов». Думаю, примут в любом купе.

У него это здорово получается: отталкиваясь от одной идеи, перескакивая на другую, он может строить солидные планы. Олег решил представлять меня как автора моей помещенной в «Правде» статьи, которая была опубликована накануне нашего отъезда. Статья называлась «Фантазия ужасов и фантазия мира». В ней говорилось о «советской угрозе», используемой некоторыми для того, чтобы побудить многих моих соотечественников оставить всю свою фантазию у входа в комнаты страха и ужасов:

«Почему существо по имени Фантазия обладает таким колоссальным воздействием? Почему нас так волнует вопрос: «что произошло бы, если бы?..» или «что произойдет, если?..»? Не потому ли, что могущественные средства, созданные сейчас человеком для покорения природы и высвобождения ее сил, большинству человечества не приносят пользы, а, напротив, грозят уничтожить все живое на земле? С одной стороны, фантастическая цифра: 100 миллионов долларов в минуту тратится на производство средств разрушения. С другой — фантастический вывод: десятой части этих денег было бы достаточно

для того, чтобы в странах «третьего мира» победить голод и эпидемии!

В материальной продукции человеческой фантазии, выпускаемой в последние годы в капиталистическом мире, — в фильмах, книгах, журналах — господствуют призраки страха и ужасов. Каких только не изобретается катастроф, не придумывается вариантов и способов гибели миров — земного и космического! Зверей превращают в гигантских чудовищ, пожирающих людей, разрушающих города и континенты. Машины времени переносят людей в положение вне пространства и времени и отучают от ответственности перед жизнью...»

Лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать, говорят поговорки древних народов. А что, если человек сто раз видит вывернутую наизнанку, искаженную, лживую картину? В состоянии ли он после этого вообще нормально что-то видеть и слышать?

Сколько лет понадобилось, чтобы мы, немцы, которым в 1945 году было по 10 лет, смогли наконец избавиться от своих тягостных ассоциаций, связанных со словами «ами», «томми», «поляк», «русский», и привыкнуть видеть и слышать все трезво, как того требует действительность? Поймут ли меня в свою очередь люди, которые меня вообще не знают и для которых я чужд, когда Олег даст им почитать мою «Фантазию ужасов»? А может быть, из знакомства ничего не выйдет? Тогда я так и не добьюсь того, что многим, кто приезжает сюда с Запада, дается с таким большим трудом, а именно: отделаться от неправильного представления о русских, большевиках, Советах, научиться нормально смотреть на вещи, не прибегая заведомо к очкам или визиру, мешающим все четко видеть, неважно как — в плохом или хорошем свете?

Олег не знает моих мыслей. Он уверен: «Они поймут, что ты не враг. Не так ли, Клава?»

— Как там у вас, если позволите спросить? — Наша проводница Клава идет напрямик.

— Как сказать...

— Вы коммунист?

— Гм...

Клава уже не церемонится.

— Вам трудновато. А мы свободны. Все, что делаем, делаем для себя. У нас нет ни фабрикантов, ни помещиков, ни кулаков. Прогнали мы их.

Вот так. И все. Клава говорит как по-писаному. Я не сомневаюсь в ее честности. И все же интересно, она так говорит потому, что Олег показал ей «Правду»?

Аня тоже отвечает твердо, когда я спрашиваю ее, боятся ли люди в Прокопьевске новой войны.

— Бояться?— Аня усмехнулась.— Аmericи я не боюсь, они проиграли во Вьетнаме. Старики говорят: если уж придет война, то из-за немцев.

...Немцы! Двадцать миллионов не забыть, нельзя забыть. Они отдали свои жизни, когда в 1941 году немцы поверили страшным сказкам о большевистской угрозе, напали на их страну и стали с беспримерной методичностью уничтожать жизнь и выжигать их землю.

Четыре десятилетия прошло с тех пор. Неужели из того, что Аня говорит о стариках, ничего не понять тем на Западе, кто сегодня снова прислушивается к россказням о «советской угрозе», которой нас донимают беспрестанно? У людей, с которыми меня свела дорога, это просто не укладывается в голове.

Олег старается разговорить каждого, с кем знакомимся, хотя я вовсе не хочу сказать, что те, с кем я вступаю в разговор, откровенны и любезны со мной лишь потому, что знакомство получилось. И все же Олег — друг и помощник — рядом, и я просто не успеваю переварить все то, что он считает необходимым нам знать: имя каждого папы, мамы и детей, профессии и происхождение, откуда родом и зачем едут сейчас в Сибирь, всякие цены и оклады. В общем, у Олега обнаруживается талант работника, занимающегося эмпирическими социальными исследованиями.

Невольно я спрашиваю себя, не готовит ли он свой новый ежегодник? Его усердие разжигает интерес, и чем больше фактов и данных он собирает, тем больше я начинаю уважать тех, кто подобен настоящему запоминающему устройству, тем интереснее становятся мои встречи с людьми...

Кто пускается в путь в Сибирь на поезде, у того есть для этого основания. Степан Иванович Бескровный, пожилой сталелитейщик из Белова, сказал об этом кратко так:

— Полетишь — ни черта не увидишь. А на поезде видишь страну, знакомишься с людьми.

— Но кто же тогда летает? Ведь от Москвы до Новокузнецка самолетом несколько часов, поездом — несколько дней? — спрашиваю я его.

— Летит тот, у кого мало времени. Но он не чувствует пульса страны, — говорит Степан Иванович.

И только один-единственный человек, баба Лена, называет мне другую причину, почему она предпочитает поезд: «Я боюсь самолета».

БАБА ЛЕНА И ДВА ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О ПРОСТОТЕ ЖИЗНИ

Еще светло, так что можно разглядеть, как вдаль становится все больше поросших лесами холмов: мы приближаемся к Уралу, который будем проезжать ночью. Но вот заморосил дождь, быстро темнеет, скрадывая за окном очертания мелькающего мимо нас пейзажа, и я с тем большим удовольствием отправился в соседнее купе на встречу с бабой Леной.

По внешнему виду Елены Платоновны Краевой трудно сказать, что за жизнь у нее за плечами. Она не ожидала, что ее попросят рассказать о себе, и реагирует поначалу несколько взволнованно. А стоит ли, как бы говорит она, рассказывать ей, прабабушке из Свердловска, о своей жизни незнакомцу из другой страны только потому, что это будит его любопытство.

Я никак не предполагал, что эта пожилая изящная женщина — дочь крестьянина. Скорее можно было подумать, что родилась она в старом Екатеринбурге, была береженой дочерью какого-нибудь старинного известного губернского семейства.

Однако Елена Краева была родом из отдаленного местечка на Урале. Родилась она — как говорили раньше — у черта на куличках, где было четыре двора, четыре семьи, которые сами себя всем обеспечивали. Прежде чем Елена

Платоновна попала в город, причем сначала захудалый городишко, она тридцать лет прожила в деревне.

Ей до сих пор кажется почти невероятным (хотя для девушек в ее положении это сегодня само собой разумеющаяся вещь), что маленькая Елена из многодетной крестьянской семьи с уральского хутора могла получить образование.

— Это была моя революция, — говорит она с волнением.

И этой революции Елена Платоновна служила с 1924 по 1931 год в качестве секретаря сельсовета.

— Я горжусь, да, я горжусь этим, — продолжает она твердо, уже без малейшего налета взволнованности.

Покрытое морщинами лицо и глубоко сидящие карие глаза с голубой поволокой, излучают доброту и спокойствие.

— Я родила и воспитала двух сыновей и двух дочерей. У них уже свои семьи. Есть и правнуки — Юра и Михаил.

Все дети смогли получить образование, этим она тоже гордится. Старший сын — пилот — несколько лет назад вышел на пенсию, но продолжает работать. Одна дочь — учительница, другая — геофизик, второй сын — инженер-машиностроитель. Внук Олег — математик и конструктор, внучка Эльвира — врач-педиатр. Такова эта династия, разбросанная по всей стране, члены которой не были бы тем, кем они стали, без того, что Елена Платоновна Краева называет своей революцией.

Со своим мужем, который, как и она, тоже родом из села, родители и предки которого тоже ходили в крестьянах, она познакомилась в городе, где работала служащей, а он строил Урало-Кузнецкий металлургический комбинат.

Раньше дети и внуки чаще навещали стариков Краевых. Теперь она сама отправляется в путь.

— Когда мне становится скучно, я еду, а дед с удовольствием остается дома: любит свой сад. Не может он без дела.

Хотя муж Елены Платоновны никогда не болеет и моется каждое утро ледяной водой, легкой он жизнь свою не считает.

— Мы все делили поровну — и доброе, и плохое. Но тут-то мы и различаемся. На плохое я не обращаю внимания, быстро все забываю. А вот мой муж тяжелых дней забыть не может.

— Сколько же вам лет, если у вас уже правнуки? — спрашиваю я.

— Да не так уж много. Мне 75, деду 76. В этом году мы отмечаем золотую свадьбу, — улыбается она.

Для детей она «маменька», внуки и правнуки зовут ее бабой Леной. На мой вопрос, надолго ли она едет теперь, баба Лена отвечает не сразу:

— Не знаю. Я считаю свои поездки не по километрам или неделям, а по их количеству.

На этот раз она побывала в трех местах, навестила и правнука Юрочку, который уже «вымахал до 180». А ведь бабе Лене пришлось исколесить чуть ли не всю страну.

К рассказу бабы Лены молча, но внимательно прислушивается ее попутчица — Маргарита, — мать маленькой светловолосой Татьяны, которая часто заходит к нам в купе поиграть с Олей. Иногда Татьяна молча кладет Сильвели на колени конфету. Мать Татьяны предоставляет ей большую свободу, не понукает ее: никуда не ходи, не лезь к людям, иди сюда, сядь помолчи, полежи. Маргарита Ульянова из Новокузнецка вдвое моложе бабы Лены. Она молчалива, сдержанна, пожалуй, даже замкнута, поэтому я с удовольствием отмечаю про себя, что Елена Краева, начав после некоторой скованности свой рассказ, заражает постепенно своей непосредственностью и мать Татьяны.

Но и то немногое, что я узнаю от Маргариты Ульяновой, позволяет мне, учитывая также рассказы других, прийти к выводу, что обстоятельства личного и общественного характера, так же как и собственные решения, делают людей, живущих и работающих в этой огромной стране, чрезвычайно мобильными. Маргарита, родившаяся на Урале и получившая там диплом инженера-машиностроителя, работала сначала во Владивостоке, где и познакомилась со своим мужем.

Заинтересовавшее обоих предложение заставило Ульяновых перебраться в Новокузнецк, где и он и она занимают

ся научно-исследовательской деятельностью в области энергоснабжения, причем она работает ведущим инженером в отделе, в котором большинство сотрудников — женщины.

У Ульяновых две дочери, после рождения которых мать в обоих случаях по году не работала, а затем без всяких проблем возвращалась к себе в институт.

Итак, два поколения женщин: Елена Краева из Свердловска и Маргарита Ульянова из Новокузнецка, которые — каждая по-своему — не позволяют сомневаться в том, что они знают, где их место. Два поколения, в которых слилась воедино история бурных лет строительства, страшного военного времени и десятилетий восстановления страны. И они не говорят о том, что теперь стало легче, не жалуются, не причитают, не произносят и громких слов, а лишь незаметно дают понять, что они нужны людям, стране.

...После запоздалого ужина, который мы сознательно отодвинули на более позднее время, чтобы не прозевать памятного обелиска, отмечающего границу между Европой и Азией, в коридоре вагона — а было уже около полуночи — началось оживление.

Баба Лена должна была скоро выходить, и все хотели с ней проститься. Она стала цитировать какие-то стихи, желать всем счастливого пути, здоровья, счастья и благополучного возвращения домой.

Наконец поезд прибывает в Свердловск. Идет сильный дождь, кругом стоят лужи. У нашего вагона появляются несколько встречающих.

Баба Лена жмет каждому из нас руку:

— До свидания! До свидания! Приезжайте ко мне, когда будете в Свердловске! Буду рада! — И затем, положив Сильвели на плечо руку, добавляет: — В такой дождь вы так и не увидели пограничный обелиск. Вот если бы светила луна... Так что придется вам приехать еще раз...

Мы стоим у окон и машем бабе Лене... Утром мы уже будем по ту сторону Урала и станем приближаться к Тюмени, центру обширных месторождений нефти и газа, который отсюда поступает в ФРГ, в частности и к нам в Баварию, в Мюнхен.

К утру небо прояснилось. По обе стороны дороги мелькают высокие ели, бесконечные леса. Не отвывая,

как и мы, взгляда от окна, Аня восторженно отзывается о своей мечте — местечке со странным названием Инской, — о прекрасном воздухе, речушке в лесу, из которой можно пить воду.

— Здорово там, полно черники и малины, а грибов вообще не счесть. Я с Олей провела как-то там свой отпуск. Помню, забили поросенка. Прямо на поляне поставили стол и устроили пир. А сколько было песен, плясок. Ой и здорово было! — увлеченно рассказывает Аня. — Миша все время твердит: переедем в Инской, подальше от угля, от пыли, а дом продадим. А я говорю нет, подождем, пока вырастут дети. Все-таки Света в девятом классе. Я с удовольствием поеду в деревню, заведу корову и поросенка. Вот как только Света кончит школу. Об Аркаше, он учится в медицинском, беспокоиться уже не приходится. А Оле в деревне наверняка понравится, — заключает она.

Оля молчит, ей в Инском понравилось. Вот только захочет ли она расстаться с подружками? И не привыкла ли она настолько к преимуществам городской жизни, что даже в распрекрасном Инском не сможет без них обойтись?

Сильвели заносит в дневник свои впечатления под заголовком «Как люди приживаются»: «Те, кто едет сейчас с нами, не стали бы так называть главу. Они просто живут, и приживаться здесь не к чему. Я же формулирую это потому так, что мне приходится действительно подстраиваться. Думаю, что на это много времени не потребуется. Я понимаю, что любая поездка требует отказа от известной доли комфорта, а наши домашние привычки заставляют меня постепенно задуматься над тем, что вычурность в поведении вовсе не гарантирует большей уверенности. Я убеждена, что люди здесь здоровее нас и выносливее. Если бы я вынула все свои распылители, шампунь, лосьоны, то люди в ответ лишь покачали бы головой: зачем все это? Вполне достаточно воды, полотенца и мыла.

Поразительно то (лучше сказать: получилось само собой так), что мы с самого начала были полностью синтегрированы. Не было такого, чтобы кто-то восторгался «добрым дядей из Америки». На нас не смотрели, как

на каких-то «экзотических бабочек», у которых лучшая одежда, более изящные и пахнущие духами носовые платки, всякая косметика, шикарные дорожные сумки и т. д., нет, нас приняли как равных себе, как таких же людей, с которыми всем делятся, о которых заботятся. Это запахло в душу даже детям. Мы зашли вчера после обеда в третье купе и не успели еще толком присесть, как маленькая девочка положила уже каждому из нас на колени по паре конфет. На завтрак Клава приносит нам на пробу рыбу своего домашнего приготовления, обжаренную в сухарях и с овощами в качестве приправы. В Ишиме многие выходят из поезда, чтобы купить чего-нибудь в ларьке. Аня возвращается с мороженым в стаканчиках. Не забыла она, конечно, и о нас. За ней в купе входит Олег, он тоже вручает детям и нам мороженое».

Я не стал читать Ане, что написала Сильвели, хотя ее это и интересует. Оба представления о простоте жизни, об Инском и людях на «Транссибе», может быть, не очень-то увязываются друг с другом, как это может показаться, а ведь речь идет о тяге к естественной жизни, о той тяге, которая неизбежно порождается по мере того, как искусственные изделия и нарушенное промышленностью равновесие окружающей среды начинают оказывать все большее воздействие на удовлетворение потребностей человека.

Аня думает о другом и едва ли теперь смогла бы понять, что же мешает нам, людям, привыкшим к потреблению, избалованным и в то же время обманутым.

— А как вы живете? Как живется у вас рабочим? — спрашивает она неожиданно.

Мне сразу становится ясно, что насколько легок вопрос, настолько будет трудно ответить на него, как моему парикмахеру, который считает, что люди здесь живут бедно.

Аня не отстает:

— Что можно у вас купить? Сколько стоит машина?

Я привожу примеры, стараюсь не утрировать, но и не слишком вдаваться в объяснения, что купить можно многое, дорогое и дешевое, но все зависит от того, кому и насколько это доступно. Короче, стараюсь глубоко не затрагивать противоречивость высокого уровня предложения товаров и сферы обслуживания и социальные пороки об-

щества и отмечаю про себя, как трудно найти подходящие сравнения. Аню эти проблемы, кажется, не трогают.

— Да, вы живете неплохо. Если б не война, и мы могли бы жить лучше, гораздо, гораздо лучше.

Голос Ани звучит уверенно, она рассказывает о прежних временах, о своем детстве, о шахте, где работала. В ее словах не услышишь нотки причитания, говорит она с задором, улыбаясь.

— Мы любим отмечать торжественные моменты. У каждого бывает день рождения, кто-то справляет свадьбу, дети появляются на свет. Вы знаете, чуть ли не каждый день что-то отмечаешь. Положишь пять рубликов, и все.

Денег у Ани достаточно, но разве всегда купишь, что хочешь? «Я оставила в Москве тысячу! Вот, посмотрите!» Она показывает на туго набитый рюкзак из плотной ткани, возвышающийся на добрых полтора метра. Чтобы обхватить его, мне потребовались бы еще такие, как у меня, руки. «Четыре пары обуви для девочек. Импортные, но они не всегда лучше наших. Вот, посмотрите, такие у нас долго не проносишь».

— Куда вы столько понакупили, Аня?

— Да все покупают, и я тоже. Бросаются все на какой-нибудь товар, и я за ними, — улыбается она.

— Скажу Мише, что голуби ценные и стоили тысячу, — добавляет Аня под всеобщий смех. — Это если он захочет узнать, куда я девала такую кучу денег.

...Сегодня Оля пригласила нас к себе в Прокопьевск в поселок Ясная Поляна:

— Дяденька, приезжайте к нам. У нас такой красивый сад, баня. Я покажу вам свою школу, бассейн. А какие у нас в лесу грибы!

— А как называется ваша улица? — спрашиваю я.

— Улица Карбышева, 52.

— А кто такой был Карбышев?

— И ты не знаешь? А еще писатель!

Я качаю головой и узнаю от Оли, кем был Карбышев. Аня с Олегом то тут, то там делают свои добавления.

Карбышев служил офицером еще в царской армии.

После революции перешел на сторону красных. Он был известным инженером по укреплениям. Стал генералом. В 1941 году раненый попал в плен. Его доставили в Берлин к немецким генералам, которых Карбышев знал еще с довоенного периода. С ним были очень любезны.

— Будьте у нас генералом, господин Карбышев! — говорили ему. — Помогите освободить Россию!

Его хотели купить. Карбышев не соглашался. Некоторое время ему дали пожить в хорошей гостинице. Потом нашлись предатели, которые предложили ему возглавить армию и бороться с ней за «освобождение» русских от коммунизма. Карбышев отказался. Тогда появились предатели-власовцы. Карбышев вновь отказался. Не стало гостиницы, появился концлагерь. Карбышева пытали. Он держался. Вместе с другими пленными он организовал подпольный комитет для борьбы с фашистами. Комитет был схвачен. Карбышева снова подвергли пыткам. Зимой 1944 года его вытащили на перекличку, на сильном морозе полностью раздели. Потом стали поливать из шлангов водой, превращавшейся постепенно в лед... вместе с Карбышевым...

Такой я записал историю Карбышева.

Думаю о разоренной под Тулой толстовской Ясной Поляне, из-за чего русские стали считать некоторых немцев в гораздо большей степени новоявленными варварами, чем за многие другие жестокости. Думаю также о Иване Никитине, Кристофере Алавердове, Григории Тхоре. Неужели их, пленных советских генералов, тоже доставляли сначала в гостиницу, а оттуда, после того как они отказались стать предателями, в Хаммельбург, в Нюрнберг, где обращались с ними так же, как с Карбышевым? Думаю о Данилове, Кулешове, Новикове, Сусмановиче — генералах, находившихся во Флоссенбурге среди 26 тысяч пленных советских солдат, которые были затем уничтожены в газовых камерах. Думаю о чванливых немецких офицерах, которые причитали о том, что им жилось в советском плену не так, как они к тому привыкли у себя в казино...

Хорошо, думаю, что Оле рассказывают в школе, кто такой был Карбышев.

Тем временем наш поезд пересекает освещенный лунным светом ландшафт, напоминающий южный Шварцвальд,

Баварский лес и долины по верхнему течению Дуная. Только здесь как-то просторнее. Скоро мы будем пересекать одну из крупнейших рек Сибири — Обь.

ТАКОГО НИКТО НЕ ПРОВЕДЕТ

Несколько раз в день я наблюдаю, как он проходит из своего купе в конец коридора, в «курилку». Покурить туда направляются также веселый электрик Николай и «серьезный человек» — инженер Борис. Там они любят затянуться «Беломорканалом». Все трое как-то по-особому разминают папиросы. Курить «за дверью» — для них само собой разумеющаяся вещь: ни в купе, ни в коридоре курить не принято.

Инженер Борис учился в Куйбышеве. Прибыл в Кузбасс на электрификацию Запсиба, нового тогда металлургического предприятия. Борис прошел путь от квалифицированного рабочего до инженера. Сейчас отвечает за путепровод небольшого, 700-километрового железнодорожного участка.

— Приходится объезжать весь участок. По крайней мере раз в месяц, — говорит Борис.

Он немногословен. Едет вместе с сыном-школьником и женой, которая вот уже одиннадцать лет работает в аптеке при железнодорожной поликлинике. Борис любит читать захватывающие истории, вот как сейчас книгу Гарри Немченко «Пашка, мой милиционер», своего рода кузбассовский детективный роман, действие которого происходит в период становления Запсиба.

Николай, напротив, более непосредственный, хотя и ему — электромонтеру — приходится все время разъезжать по всему Кузбассу, прокладывая новые линии, ремонтируя старые.

— Зимой это страшно тяжелая работа, — говорит он, — особенно когда температура падает ниже 40°С. А летом приятно: ведь находишься на природе.

Вот уже двенадцать лет — Николаю только что стукнул 41 год — он женат, как он говорит, на «курском соловье», с которым судьба свела его на танцах.

— Почему «соловей»? Ваша жена так хорошо поет?

— Она из Курска, а там много соловьев. А познакоми-

лись мы здесь и здесь поженились. После смерти матери никуда отсюда не поехали. Понравился нам Новокузнецк. Вот и сейчас едем из отпуска домой.

Дочь «курского соловья» — завхоза одного из детсадов Кузнецкого металлургического комбината, как здесь говорят КМК, — и электромонтера Николая учится в четвертом классе и ходит на «продленку», как говорят они. В неделю питание обходится им в 3 р. 50 к.

Из тех троих, что собираются в «курилке», особое впечатление производит на меня Степан Иванович Бескровный. Несколько раз в день, подчиняясь привычному ему ритму, он движется по коридору, слегка разминая на ходу папиросу.

Из всех наших попутчиков — монтеров и доменщиков, железнодорожников и электриков, поварих и инженеров, медицинских сестер и врачей, которые возвращаются из европейской части страны через Москву в Кузбасс, — Степан Иванович Бескровный самый старший.

Движения его медлительны. В словах он скуп, лаконичен, по тону неприметен, но говорит обдуманно и с уверенностью, за которой как бы скрывается подтекст: ну что ж, попробуем понять друг друга.

— Я с самого начала участвовал в строительстве. Все, кто хоть на что-нибудь был способен, направлялись туда, где в них нуждались, — говорит он.

После каждого вопроса он бросает на меня, сидящего с ним рядом, пытливый взгляд и лишь затем полностью поворачивается в мою сторону:

— Я знаком со всеми тремя системами металлургического дела. С мартеновскими печами, бессемеровским конвертером, электроплавильными печами. Был сначала подручным. Потом сталеваром. И наконец мастером. С 14 лет зарабатываю сам себе на хлеб.

Да, именно так: «сам себе на хлеб». Когда эти слова произносят пожилые рабочие любой страны — это весомо, когда их превращают в расхожий лозунг — легко забываются.

Степан Иванович навещал в Москве младшего брата, к которому привозил своего внука. На каникулы. В прошлом году он побывал у сына во Владивостоке. «Капитан военно-морского флота. Штабист. Куда поеду в следующем

году, не знаю». О себе он выкладывает немного, и то после нескольких настойчивых просьб. Говорит при этом почти скороговоркой, как бы показывая, что, несмотря на мои вопросы, вряд ли его биография представляет особый интерес.

— Ну что? Родился в 1906 году. Под Воронежем. Отец? Батрак. Поначалу работал я в одной из аптек. Был рассыльным, бегал с разными бумагами. Стало неинтересно. Плюнул на все. Отправился в Москву. Работал в литейной мастерской. С 1935 года сталевар. Жена? Конторская служащая. Моложе на 10 лет. Сейчас со мной не поехала, осталась с матерью, которой уже 82 года.

Я замечаю, что, если задаю все время вопросы, ничего не получается, потому что исхожу из того, что любой человек, которому Олег представляет меня, должен обязательно рассказывать мне из своей жизни самое интересное. А вообще-то, что значит «интересное»? Необычное? Или обыденное? И что вообще является необычным? А как возникает обыденное?

— Может быть, вы меня тоже хотели бы о чем-нибудь спросить, Степан Иванович?

— Вопросов много.

— Задайте хоть один.

И тут он расходится, как будто специально ждал этого момента.

— Что же это у вас получается? Фашисты всюю демонстрируют? Полиция, что, слишком слаба? — добавляет он не без иронии.

Странно, но именно сейчас захотелось, чтобы на моем месте оказались Штраус, Геншер, или Апель, или полицейский-президент Мюнхена, господин Герольд из федерального управления уголовной полиции, или еще кто-нибудь, кто мог бы ответить этому сталевару-пенсионеру из Белова, слаба ли наша полиция.

Степан Иванович отворачивается к окну, словно сдерживая свои чувства, бросая как бы мне молча вызов: «Посмотрим, как прореагирует этот немец». Затем медленно поворачивается лицом ко мне и, растягивая слова, добавляет:

— А «запреты на профессии»? Как это вообще возможно?

— Вы спрашиваете напрямик. Так что отвечу как можно яснее: существуют крупные капиталисты, которые подавляют всех, от кого исходит для них угроза. И они используют все средства — в том числе и фашистов, — если это помогает им удержаться у власти.

— Как это понять? У нас тоже были капиталисты. Мы просто покончили с ними.

Степан Иванович не успокаивается. Он хочет что-то доказать? Олег Никифорович говорит примирительно:

— Им нелегко бороться.

— Нелегко? — прерывает его Степан Иванович. — Нам было нелегко, а им должно быть легче? Они слишком часто позволяли садиться себе на шею, вот теперь им, конечно, нелегко.

Теперь я уже не могу не ответить:

— Садиться на шею? А вы представляете себе, что это значит, когда против коммунизма у нас десятилетиями ведется яростная борьба, травля?

— Почему же рабочие терпят такое? — холодно спрашивает он.

— Их вводят в заблуждение, обманывают, когда нужно, подкупают или преследуют, подвергая всяческим угрозам.

— Но ведь ни один рабочий не будет долго терпеть этого.

Я начинаю ссылаться на Ленина, пришедшего еще в начале столетия к мысли о том, что потребуются десятилетия изнуряющей борьбы, если рабочее движение откажется от своей ответственности и необходимости вести политическую борьбу за полное завоевание власти.

— Вы помните о меньшевиках? — спрашиваю я неожиданно.

— Да.

— Социал-демократы пользуются у нас куда большим весом, чем некогда ваши меньшевики. Наше рабочее движение давным-давно расколото. Вот в чем главная проблема.

— Социал-демократы? — Степан Иванович делает паузу. — Они двурушники. — Затем добавляет решительно: — Неужели рабочие верят в эту чепуху насчет «советской угрозы»?

Как мне лучше объяснить ему всепроникающее засилье

антикоммунистической пропаганды? Но я решаю не прерывать его.

— «Советская угроза!» — Степан Иванович произносит эти слова с горечью в голосе, с презрением. — Вы знаете, какое расстояние от Крыма до Владивостока? Посмотрите в окно. Отсюда открываются просторы, которые, по нашим понятиям, невелики, но ваша страна уложилась бы на них не один раз. Нам не хватает рук, у нас дел непочатый край. И мы еще при этом угрожаем кому-то?

Неожиданно он говорит примирительно:

— Когда-нибудь и у вас все будет в порядке. Все-таки немцы дали миру Маркса и Энгельса.

Посмотрев на меня лукаво, снова поворачивается к окну и замечает:

— Были же люди, которым рабочие доверяли.

Я начинаю, как школьник, перечислять имена:

— Бебель?

— Да.

— Либкнехт?

— Да.

— Вильгельм и Карл Либкнехты?

— Да.

— Роза?

— Да.

Он реагирует на каждое имя столь страстно, словно еле сдерживает себя от нетерпения услышать все сразу.

— Тельман?

— Да, ему доверяли ведь многие, верно? Но и слишком многие попались на удочку других, не так ли? Неужели рабочие снова позволят сесть себе на шею?

— Само по себе, — начинаю я, — сознание не развивается, требуется упорная...

— ...организационная работа, — добавляет строго Степан Иванович в завершение нашего разговора.

Да, такого Иванoviча на мякине никто не проведет, нет, не проведет.

КЛАВА

Она почти всегда одета в свой «дорожный костюм» — поношенную юбку и черный пуловер с протертыми локтя-

ми. Это ее не беспокоит, как едва ли есть что-либо, что в состоянии вывести ее из себя. Клава всегда работает ночью, а ее напарник Толя — студент техникума из Киселевска — днем.

— Он молодой. Ночами ему надо спать, а я давно уже привыкла превращать ночь в день, — бурчит она. — Несколько часов сна для меня достаточно.

У нее короткие густые волосы с проседью и остатками перманентной укладки, вздернутый нос и мягкий крупный рот. Ногти на ее красивых руках покрыты темно-красным лаком. На каждый случай у нее находятся пословицы и поговорки, она излучает энергию и деловитость, всегда в приподнятом, бодром настроении.

В служебном купе она предлагает мне попробовать «Север», довольно крепкие папиросы.

— Почему не сигареты с фильтром? — спрашиваю я ее.

— Ерунда. Или курить без фильтра, или вообще не курить.

Прежде чем отправиться в «купе для голубков», вижу, как Клава раскрывает какую-то книгу.

— Можно спросить, что вы читаете?

— Теперь Бальзака. Трудно. Слишком много отступлений от главной линии повествования. У американца Драйзера все по-другому. Люблю его больше.

Около семи утра Клава будит нас и приносит всем горячий чай. «Вставайте! Вставайте!» Ее низкий, грубоватый голос слышен, когда она подает чай за несколько купе от нас. Но этот голос кажется нам мягким, когда она ласкает Олю или Таню.

Да, Клава бывает нарочито грубоватой и способна заглушить и трех мужчин, пытающихся перекричать друг друга. Но она знает, что если она берет гитару и поет песню о питерском рабочем с Васильевского острова, эту грустную балладу о металлисте, который погибает на войне, то ее внимательно слушают и те, кто считает Клаву слишком шумной.

Но один раз я увидел и услышал Клавдию Дмитриевну Федотову такой, какой она, наверное, бывает наедине с собой: совершенно спокойной и задумчивой, чувствующей себя одинокой.

— Я живу одна как перст!— говорит она как будто беззаботно, и кажется, что плохое она преуменьшает, а хорошее преувеличивает.

— Кто я? Уборщица, официантка, истопник, проводница — вот кто я.

Это звучит как ирония над собой, но в действительности она относится к делу очень серьезно.

— У нас в Сибири красота!— Клава говорит это часто. При этом она родом из одного из красивейших городов мира, из Ленинграда.

Но не только чувство старой ленинградки позволяет Клаве ощущать некоторое превосходство над Людмилой, 20-летней учительницей музыки из деревеньки на Алтае. Когда Людмила, снедаемая любопытством, о чем-нибудь меня спрашивает, Клава смотрит на нее ласково, но все же несколько иронично, как бы говоря взглядом: ах, девушка, ты еще находишься на верху блаженства. Людмила, которая провела свой отпуск в Москве, посетила Третьяковскую галерею, побывала в Театре Сатиры, в Ботаническом саду и на ВДНХ, в отличие от Ани мало интересуется нашим бытом, но хочет все знать о западной «свободной любви». Растерянный, я задаю Людмиле встречный вопрос:

— Что вы понимаете под «свободной любовью»?

— Ну, это отношения, при которых не бывает настоящего глубокой любви.

С таким же успехом Людмила могла спросить меня о жизни тигров, поскольку я смог бы ответить о них столь же обстоятельно, как и на ее вопрос, хотя он и подразумевает, что «свободная любовь», как она ее понимает, существует только на Западе. Я не решаюсь пригласить на нашу дискуссию трех веселых «соломенных» вдов: повара из столовой КМК и двух медсестер, Любу и Валентину, которые проводили свой отпуск без мужей в Ленинграде и Москве. Поэтому Людмиле приходится довольствоваться тем, что я рассказываю об очень отвратительном, унижающем человека, и прежде всего женщину, западном явлении: целой индустрии, выпускающей порнографическую продукцию и развращающей молодежь.

— Моя жизнь — словно роман.— Это замечание Клавы

вызывает во мне больше любопытства, чем дальнейшая дискуссия о «свободной любви». Меня не покидает ощущение, что у Клавы должны быть веские основания для того, чтобы чувствовать себя неудовлетворенной, а по отношению к мужчинам даже, мне кажется, ожесточенной. Я ожидаю, что она расскажет такое, чего нельзя просто выдумать.

— Это возможно только рано утром, — говорит она, — когда у меня мало работы, большинство пассажиров еще спит и нам не будут мешать. Если хотите, я вас разбужу.

В четыре утра Клава будит меня. В ее служебном купе тесновато. Она приготовила горячий чай. Светает. На небе словно застыли вытянутые, слегка красноватые облака. «Роман» Клавы не может, не может оставить меня равнодушным. Ее история связана со страной, откуда я родом, где в 1935 году появился на свет. В этот год четырехлетняя Клавдия стала круглой сиротой.

— Было тяжело. Ужасно.

Клава говорит тихим голосом, совсем не похожим на голос проводницы, которая каждое утро будит нас и приносит чай.

— Почему ужасно?

— Потому что я видела мало хорошего.

— Ничего хорошего?

— Конечно. С четырех лет — без матери, отец умер годом раньше. Его я вижу как во сне. Я была еще в детской коляске. Папа топил печь. В Ленинграде были такие круглые печи, прекрасные печи, не то что «буржуйки», и он сидит рядом. Приходят люди, вероятно врачи. Когда позже я была в детском доме, меня спрашивали: «Клава, где твой папа?» — «Воры пришли и украли его»... Так это выглядело во сне. Но я так и не знаю, чем он занимался. Думаю, он был рабочий. Рядом была фабрика. Кем он должен был быть как не рабочим? Нас было четверо детей и бабушка. До пяти лет я жила у нее. Затем я попала в детдом, там и была до восьми лет. Моим родным домом был детский дом. Все было хорошо. О плохом вспоминают редко, может быть о мелочах. Таково детство.

Потом пришла война. Сорок первый год. Пятого

июля весь детский дом эвакуировали в Ярославскую область. Там мы провели зиму, точнее — выдержали зиму. Летом мы переехали в Галич, это в Костромской области, там я оставалась до 1944 года.

Все знают, как мы жили во время войны. Жизнь была несладкой. Ни для кого. Будь то в городе или в деревне. В детдоме мы ощущали это меньше всего. Дети есть дети. Но с голодом мы познакомились больше всего на каникулах. Мы переселились на дачу, в 25 километрах от города. Вокруг лес, очень красиво. Автомобилей не было, не то что сегодня: куда ни плюнь — повсюду автомобиль. А тогда в лес добирались только на телеге, запряженной лошадью. Не приходила телега — не было и хлеба. Только грибы и ягоды.

Потом меня послали ученицей на фабрику «Красная Маевка», недалеко от Костромы. Нас было пятнадцать девочек из школы. Мы делали спицы и колодки для ткацкого производства. Я стала штамповщицей. С тринадцати лет я начала работать. Мы были детьми. Но война есть война.

Нашей учительницей была немка Евгения Оскаровна. Прекрасная женщина. Ее муж был на флоте. Однажды в пять утра она пришла к нам в спальню и разбудила, чтобы мы послушали громкоговоритель.

— Девочки, вставайте, война кончилась!

Мы повскакали с кроватей. Я вначале не поверила. Мы могли бы на работу не пойти, если бы захотели. Но этого не сделала ни одна. Особого праздника у нас не получилось, но мы все-таки почувствовали, что значит нет войны.

В августе 1946 года я отправилась на родину. В Ленинград. Я просто смылась с фабрики. Без документов, без билета, без денег. Я хотела домой.

В Ярославле вошли контролеры. Где билет, документы? Я попала в детскую комнату милиции. Мне было пятнадцать. Что они сделали? Они дали мне временный пропуск. С ним я поехала домой.

В Ленинград я приехала босиком. Свои ботики продала. За еду.

Я слонялась по городу. Квартиры не было. Куда мне было идти? Без документов меня нигде не приняли бы

на работу. Я стала настоящей беспризорницей и попала в детскую колонию.

С усилием я глотаю горячий чай. Как же это? Я — немец, и она рассказывает мне это? Представителю народа, который лишил ее детства?

— Вы во время войны видели немцев?

— Нет, ни одного. Только после войны. В Саратове. Пленных. Работали на одной из фабрик.

— А туристов?

— Вы — первый.

— Клава, что я должен сказать, когда встречусь с друзьями?

— Вы должны бороться. Я вижу это по телевизору. Они демонстрируют с плакатами против вооруженных полицейских. Что это? Что это за революция? Берите пример с нас.

— А что сказать другим, которые утверждают, что придут русские?

— Я их по-всякому проклинаяю. Ненавижу тех, кто так думает.

Из семьи Клавы никого не осталось. Старший брат ушел добровольцем на фронт и погиб. Клава не знает, где его могила. Сестренка похоронена на Пискаревском кладбище в Ленинграде. Там, где на памятнике жертвам блокады можно прочесть:

Здесь лежат ленинградцы.

Здесь горожане — мужчины, женщины, дети.

Рядом с ними солдаты — красноармейцы.

Всею жизнью своею

Они защищали тебя, Ленинград,

Колыбель революции.

Их имен благородных мы здесь перечислить

Не можем.

Так их много

Под вечной охраной гранита.

Но знай, внимающий этим камням,

Никто не забыт и ничто не забыто.

Где ее второй брат, она не знает. Погиб? Попал в плен?

— Знаете, что я вам скажу? Я была тогда глупой. Я должна была бы все тогда узнать,— продолжала Клава свой рассказ.— Много лет спустя я приехала туда уже как сибирячка. Я знала, где жила еще ребенком, прежде чем умерли мама и папа. Там, где стоял наш дом, сегодня — стадион. На месте кинотеатра, в который я ходила с братом и сестрой,— новый и большой. И бывшего детского дома тоже нет.

В 21 год Клава завербовалась на работу в Кузбасс, в лесхоз. Зарабатывала прилично, но долго там не выдержала и уехала в Сталинск, нынешний Новокузнецк. Здесь закончила школу, работала в пошивочной мастерской, затем в сапожной, потом устроилась на железную дорогу.

— Отсюда меня уже никто не выманит, даже если поманит медом. Что мне делать дома одной? А здесь я вижу всегда что-то новое.

У Клавы взрослый сын. Он уже коренной сибиряк. Работает на алюминиевом заводе. Женат. Живет отдельно.

Его отец? Клава о нем не говорит. Во всяком случае, с 1962 года она живет в своей однокомнатной квартире одна.

— Я росла не в Новокузнецке, но он стал мне родным. Город мне нравится. Он очень красивый. Зеленый. Вы должны у меня побывать, сразу же после приезда, пока я снова не уеду в рейс. Я приготовлю вам лучшие пельмени, сыграю на гитаре. Вы сможете тогда увидеть, как мы живем, как хорошо у нас теперь.

«У нас в Сибири красота» — выстукивают колеса. Поезд идет сквозь чарующие места, Клава закуривает еще одну папиросу.

— А вы не думаете о том, что меня уже не было бы на свете, если бы не было Советской власти? Кто бы стал тогда обо мне заботиться? Однако я живу и здравствую.

ПЕРВАЯ ПРЕСС-КОНФЕРЕНЦИЯ

Олег Никифорович неумолим. В паузах между нашими беседами с попутчиками он приходит в купе и, конечно

же, с новыми предложениями, так что Аня один раз запротестовала:

— Дайте Фридриху хоть разок передохнуть. Из него скоро дух вон!

— Не беспокойся, Аня, планы Олега мы хотим перевыполнить. Такой шанс подвернется не так скоро, тем более что в первый раз всегда все особенно интересно.

Олег добился, что вокруг пошли толки: кто это с нами едет? И все же нет того, чтобы к нам, как говорит Клава,— единственным иностранцам в этом поезде,— относились бы с каким-то исключительным вниманием или как-то по-особому обслуживали.

Но несомненно, верхом предпримчивости Олега Никифоровича стала организованная им пресс-конференция с пионерами из Новокузнецка, которые возвращались из Белоруссии домой в нашем поезде. Он устроил ее в вагоне-ресторане, по договоренности с его директором Александром Доярковым.

Поразительно, какое влияние оказывает история на значение слов. Борцы за какое-нибудь настоящее дело или первооткрыватели новых, неизведанных земель обозначаются французским словом «пионер». В немецком языке это слово сразу ассоциируется с армией. Прусский генерал Шарнхорст, проводя в 1809 году военную реформу, объединил задачи минеров и саперов и новый род войск назвал «пионеры».

Неужели обе мировые войны, вышедшие с немецкой земли, отдалили от нас первоначальный, мирный смысл новаторства только потому, что в войне освоение новых путей «пионерами» означает насилие и разрушение?

Пионеры, сидящие напротив меня, наводят меня на другие мысли. И не только потому, что в русском языке это слово, обозначающее основанную еще при жизни В. И. Ленина организацию юных пионеров, не ассоциируется с военными подразделениями. У меня оно ассоциируется с самыми молодыми поборниками мира, с чем-то новым в истории детей, маленьких людей.

Признаю: я вспоминаю некоторых своих соотечественников, которые собственные национальные традиции автоматически переносят на другие народы и многому, что они видят в Советском Союзе, в том числе и пионер-

ской организации, приписывают военное значение, хотя в действительности речь идет о воспитании в духе мира, что, однако же, не означает, что пионеров в Советском Союзе своевременно не учат, для чего стоит жить и бороться

Восемнадцать дней они в пути, а поездке из Кузбасса в Москву, из Москвы в Минск и Брест. Семеро из двадцати мальчиков и девочек впервые проделали такой путь в тысячи километров, остальные уже совершали раньше путешествия на Дальний Восток или в Москву. Организовал это путешествие профсоюз Запсиба, оно стоит 160 рублей, из которых родители заплатили 74 рубля. Их сопровождают две учительницы.

— Что же произвело на вас самое большое впечатление?

— Брест.

Многие отвечают тотчас же. Среди них — Игорь, который, как оказалось, зимой любит играть в хоккей, а летом в футбол, Лиля, которая поет в хоре, и Костя, занимающийся боксом в своей школе.

Пионеры рассказывают о путешествии, о местах и музеях, где они побывали, о прекрасном минском Дворце спорта.

Я листаю с ними книжки и буклеты об обороне Брестской крепости, о 35-метровом Холме Славы, о мемориале Хатынь — деревне, сожженной нацистами вместе со всеми ее жителями. Мы рассматриваем фотографии новостроек и фотографии войны в Белоруссии, где ее последствия были особенно ужасны, где были сотни местечек, подобно Хатыни испытавших судьбу Лидице, Орадура, в которых все живущие были убиты, все постройки — сожжены.

В естественном парке Бреста каждый из них, родившихся и выросших в Сибири, посадил в память об освободителях, живых и мертвых, «свое деревце».

Пионеры не говорят: это немцы принесли нашим родителям ужас и несчастье. Они говорят: это сделали фашисты. И не из-за того, что они хотят меня пощадить!

Если старшее поколение в военные годы и было вынуждено пройти «школу ненависти» к завоевателям из Германии, о чем так страстно писали Михаил Шолохов и Илья Эренбург, то, судя по всему, их дети уже с детства

привыкли видеть преступление не в национальном характере какого-нибудь народа, а в сути общественной системы и ее целей.

Разве были бы эти ребята из Кузбасса, которые теперь возвращаются домой с мест, где война сожгла почти каждую пядь земли, где велась истребительная война «избранной расы господ» против «недочеловеков», — были бы они так дружески расположены ко мне, немцу, если бы им говорили: во всем виноваты немцы? Разве стали бы они беззаботно петь мне свои песни, песню о лете, которое идет к концу, песню о горизонтах, за которыми находится то забываемое, что я, как поется в их песне, в этот раз пережил?

Разве спросил бы высокий Вячеслав, по которому сразу видно, что он играет в баскетбол, как сейчас играет «Бавария» (Мюнхен)? Или поинтересовалась бы Олеся тем, организуют ли и у нас такие же путешествия, которые совершают они? Впервые в жизни я пытаюсь объяснить изменчивость счастья в профессиональном футболе, рассказываю об «охоте на лис» и поездках, совершаемых евангелической или католической молодежью, о «соколах» и профсоюзной молодежи, о лагерях отдыха для членов организации Социалистической немецкой рабочей молодежи на верхнебаварских озерах или об организации коммунистами детских праздников для тех, чьи родители имеют мало денег, чтобы отправить своего сына или дочь куда-нибудь на каникулы.

Намного труднее даются мне ответы на то, откуда это идет, что у нас разжигают страх перед русскими, или на вопрос, правда ли что у нас существуют «запреты на профессии».

Прощание такое сердечное — каждая девочка и мальчик пожимают нам руку, самый юный повязывает Сильвели, а самая старшая — мне шелковый красный пионерский галстук, на которых все они оставили свои имена, но я ощущаю горечь от той безудержной ненависти, которая разжигается некоторыми западными газетами и фильмами против всего русского, советского, и внутренне прихожу в ужас при мысли о том страхе, который призван у нас делать даже детей недоверчивыми,

о страхе, который приводит к тому, что человек говорит: «Я никому не доверяю и ничему не верю...»

Аня, которая в последний день насмешливо наблюдает, как мы пытаемся удалить с кожи жирную темноватую пленку, используя наши немецкие освежающие салфетки, кричит вдруг: «Это Кузбасс! Это уголь, уголь, уголь!»

Уже с раннего утра навстречу нам с грохотом идут доверху груженные антрацитом поезда. Несмотря на усиливающуюся жару, о которой Аня говорит как о типично сибирской, мы плотно закрываем окно. И все-таки вихрем кружащаяся за каждым товарняком угольная пыль проникает во все щели.

— Дяденька! Вы приезжайте к нам в гости!— кричит Оля, стоя в окружении огромного рюкзака, чемоданов и сумок на платформе Прокопьевска.

Аня и Сильвели обнимаются, смеясь и все-таки с некоторой грустью. Встретимся ли когда снова? Миши на станции нет, хотя Аня дала ему телеграмму из Москвы.

— Ничего, — спокойно говорит Аня.— Носильщика? Здесь их нет. Нам поможет шофер такси. Если уж мы в состоянии заплатить тысячу рублей за голубков, то можем позволить себе и такси...

Клава показывает мне книгу жалоб и предложений. Клава сияет. И я читаю то, что там сочинила Аня Ивлева из Прокопьевска, прежде чем мы распрощались: «Мы благодарим проводников поезда № 120 вагона 10 за хорошее обслуживание пассажиров, за хороший чай и порядок в вагоне, за хорошее и внимательное отношение к нам. Мы просим выразить благодарность товарищам Толе Макарову и Клавдии Федотовой. Прокопьевск, 11. 08. 79. А. Ивлева, Оля, Фридрих, Сильвели».

Именно такую запись сделала Аня своим каллиграфическим почерком. Понятно, что в нашем купе только она может говорить от имени всех...

...Подобно тому, кто извлекал корни, чтобы найти «русскую душу», Сильвели ведет дневник и полагает, что несколько приоткроет эту тайну, пообщавшись с Аней и

Олей, Клавой и Толей, бабой Леной из Свердловска, Степаном Ивановичем Бескровным и милиционером Анатолием Иванушкиным из Белова, с директором вагон-ресторана Александром Доярковым и пионерами с Запсиба. При этом Сильвели не говорит и ни слова не понимает по-русски, в то время как я, который не нуждается в переводчике, задаю себе тем больше вопросов, чем больше я вижу, слышу и чувствую, хотя мы уже в Новокузнецке, стоим на платформе и настраиваем себя на новые встречи и события.

Еще во время упаковки чемоданов Олег Никифорович неустанно перечислял мне названия 91 станции, где мы делали остановки. Он буквально подбил меня насладиться прелестью теперь уже знакомых мне наименований, и вот я перечисляю часть из них не по порядку следования, а по звучанию:

*Муром, Дружинино,
Агрыз,
Казань, Свердловск и
Красноуфимск,
Ишим, Татарск,
Сергач,
Тюмень, Маслянский и
Кузбасс.*

Получилось как у Маяковского, который ожидает нас на самой большой площади Новокузнецка с простертой рукой.

Олега преследует любовь к статистическим выкладкам.

— Из 91 станции,— уточняет он, посматривая в свои записи,— на 23 мы стояли больше 10 минут, на других — значительно больше. В целом я подсчитал, примерно половину путешествия мы простояли.

С Олегом не пропадешь. Но в тот момент он вовсе не замечает, что на этот раз мне это совсем безразлично. Ясно, что наш «Транссиб» — это не международный экспресс. Нет, на мой взгляд, это рядовой пассажирский поезд с малой скоростью. Однако он доставил нас дальше, чем самая скорая «Красная стрела» или даже «Ил». И несмотря на то, что мы половину пути стояли,

мы все-таки постоянно продвигались все дальше, в гущу жизни.

Встречающий нас Василий сияет. Его спутница Зинаида радуется вместе с ним. Было нелегко отыскать нас в толпе, и прежде всего потому, что они присматривались к пожилым людям.

— Добро пожаловать в Новокузнецк! Я думал, что вы — пожилая пара.

— Почему же так?— спрашиваю я Василия.

— Только пожилая пара могла бы предпочесть поезд самолету.

Этому сибиряку стало, кажется, легче от того, что мы приближительно одного возраста. Это означает, что он сможет нам многое показать.

В случае сомнения Олег Прыжков подтвердит, что даже такой москвич, как он, открыл здесь для себя столько же много нового, как и мы.

ЗНАКОМЫЕ МЕСТА

Впервые я был здесь пять лет назад, с Гаральдом, другом и фотографом из Мюнхена, и Сергеем из Москвы, который лишь в одном напоминал Олега Прыжкова: он тоже никогда не был в Кузбассе и был так же удивлен, когда услышал о цели поездки.

Гаральд фотографировал неистово. Сергея неизменно охватывал ужас, когда этот баварец на глазах у всех буквально набрасывался на свои объекты. Так было с бас-баритоном, инженером-доменщиком Альбертом Ленским, которому он во время концерта заглядывал в рот объективом своей камеры, когда тот исполнял песни на слова Сергея Есенина. Проще было мне, с кассетным магнитофоном на шее и вторым через плечо, стремившемуся ничего не упустить и зафиксировать как можно больше оканья. В глазах окружающих мы выглядели одержимыми любопытством, носившимися повсюду так, словно мы открыли неизвестный континент¹.

¹ Наш репортаж был опубликован в серии «Социализмус конкрет», № 4, материалы ГКП. Дюссельдорф, 1976.— *Прим. авт.*

Встреча с Петром Степаненко оказалась сердечной и простой.

— Прекрасно, что ты еще здесь.

— А куда я денусь? Ты же знаешь, Украина прекрасна, но Сибирь — это Сибирь!

На Запсибе — Западносибирском металлургическом комбинате, — где уже несколько лет работает Петр, трудятся люди разных национальностей: русские, украинцы, армяне, грузины, белорусы, эстонцы, немцы, казахи, таджики, узбеки, шорцы и многие другие. Языком общения является русский. В русском языке Петра слышится типичная для украинцев мягкость звуков.

Как заместитель секретаря парткома предприятия, равного по численности небольшому городу, инженер Петр Степаненко не может не сочетать профессионального мастерства и политических знаний с большой организаторской сноровкой. У Петра это получается.

— Как дела у Гаральда? Что, он по-прежнему вскакивает на капоты грузовиков, когда ему надо сфотографировать шофера?

Немного ударяемся в воспоминания. Без Петра мы с Гаральдом были бы тогда совсем беспомощными. Ведь если на осмотр завода с двадцатью тысячами рабочих дан зеленый свет, то это еще вовсе не означает, что сопровождающий будет запросто, интересно и живо, как это делал тогда Петр Степаненко, вводить вас в детали производственного процесса, рассказывать о людях Запсиба, об учебных заведениях, профессиональной и политической подготовке работников, социальной и культурной жизни завода.

— Скажи честно, как было воспринято то, что мы о вас рассказали?

Петр не дипломат-профессионал, и если он говорит, что репортаж и фотографии произвели на всех большое впечатление, то отдает себе отчет, что мне не хотелось бы выслушивать одни комплименты. Ни Гаральд, ни я не ставили перед собой задачу отдаться во власть тысячи огней и сочинить некий паточный эпос о труде и людях, не знающих конфликтов. Но не скрою, было приятно услышать доброе слово о своей работе. Довольно трудно — это может подтвердить каждый публицист, журна-

лист — сделать репортаж таким, чтобы он был в равной степени интересен и достоверен как для тех, кому он предназначается, так и для тех, о ком он рассказывает.

— Мы все по-прежнему здесь,— говорит Петр.— Кугушин, Ашпин, Айзатулов. Завтра вы их увидите. Но сегодня воскресенье — мы едем в «Берендею». Вы гости Запсиба.

Сибирское гостеприимство давно известно. Оно неотразимо. Петр уже не однажды доказывал нам это. Сам он в свое время испытал его буквально в первый же день своего пребывания в Сибири. С десяток лет назад он, новоиспеченный инженер-металлург, отправился из Днепропетровска вместе с женой к месту своей первой работы. Конечно, они волновались: что их ждет, как их примут? В поезде напротив них сидела старушка, спрашивает: «Куда путь держите?»— «В Новокузнецк». Она приветливо улыбается, это же прекрасно, и я туда же, говорит. Познакомились. Оказалось, что она учительница, ушла на пенсию, всю жизнь прожила в Сибири.

Поезд прибыл в Новокузнецк в воскресенье. Заводуправление закрыто. Им предстояли поиски пристанища в незнакомом городе. Старушка пригласила их к себе. Накрыла стол. Все было просто и мило, как будто они давние друзья. Так Степаненко впервые сам познакомился с гостеприимством сибиряков.

— Мы каждый год бываем на Украине,— говорит Петр.— У меня там мать. В деревне. И брат. Мы проводим у них отпуск. И я всегда говорю им: наша Украина прекрасна, но Сибирь — это Сибирь!

Для Петра главное — его дело, его работа. Но это не исключает других эмоций. Этот выходец из крестьянской семьи из-под Днепропетровска восторгается Сибирью — ее природой, людьми, богатствами, масштабностью свершений. В этом, конечно, есть доля местного патриотизма, который завладевает всяким, кто попадает сюда, кто понимает, что он пользуется уважением и нужен здесь, где он живет и трудится...

«Тиссен», «Хёш», «Макс-хютте» или «Крупп», «Сименс», «Рейн-Рур АГ»... Что означают названия этих фирм и предприятий для нас дома, когда мы их слышим? Не звучат ли они для нас чуждо, поскольку ничто из этого

нам не принадлежит? Разве не являются они для нас недоступными, обособленными островами труда и жизни? Даже для тех, у кого там есть рабочее место, где они сдают внаем себя и свои способности, важным в конечном счете является лишь то, что связано с этим одним местом. Меняется владелец, и этих людей продают новому вместе с недвижимостью. Происходят кризисы, люди теряют место. Становится иной техника, отпадает необходимость в некоторых твоих способностях. Чувство, что ты находишься во власти чужих, неведомых сил, вездесуще.

Кузнецкстрой, КМК, Запсиб — чужие названия, которые кажутся мне уже после первой поездки знакомыми, хотя то, что они обозначают, находится за тысячи километров от моего дома.

— Почему у нас в ФРГ, Олег, так мало знают о советской действительности?

— Этому препятствуют влиятельные круги. Они заинтересованы в сохранении предубеждений и недоверия между нами. Они боятся правды. Их цель — привить людям негативное представление о социализме. Вот и замалчивают или искажают факты.

— Какие факты?

— Факты нашего развития.

— Ты имеешь в виду свои справочники, Олег?

— И их тоже. Но вообще-то нет. Я имею в виду факты жизни.

— Ого! А как их обнаружить?

— На примере людей.

Я не без удивления смотрю сбоку на Олега Никифоровича. Мы проезжаем над Томью. Внизу разномастные лодки, купающиеся, а вокруг заводы, дым труб.

— Олег Никифорович, нам нужны цифры, статистика! Ты знаешь, сколько форели в Рейне там, где он течет мимо гигантов нашей промышленности?

— Наверное, мало.

— Ноль форелей, Олег, ноль рыбы, нет даже ельца. Теперь посмотри на Томь. В ней плавают и ловят рыбу.

— Ну что, будем считать форель в Томи?

— Шутки в сторону, Олег.— И я обращаюсь к Петру:—

Помнишь Алексея Кузнецова, энергетика? Он говорил мне, что вам удалось спасти Томь: прямо в центре города вновь появилась форель.

— После того как ты побывал здесь, мы добились еще большего. Сейчас в реку уже не попадает ничего, что имело дело с производством. Теперь мы не допускаем даже того, чтобы с территории предприятия в реку шла дождевая вода или талый снег. Дорогое дело. Но за охраной окружающей среды в Кузбассе следят с особой строгостью.

Машина поднимается на склон, и перед нами открывается панорама Запсиба. Ярко-голубое небо, в котором растворяется белый дым труб.

— Если объехать предприятие, то это, наверное, будет километров двадцать пять?— спрашиваю я, стараясь оценить открывающиеся перед нами просторы.

— Теперь уже, наверное, больше. И мы будем расти и дальше,— отвечает Петр.— В отличие от КМК, вокруг которого вырос город, у Запсиба нет больших проблем с площадью.

Из Кузнецкстроя 1929 года вышел КМК — Кузнецкий металлургический комбинат, который с середины 30-х и до середины 50-х годов был одним из крупнейших металлургических комбинатов мира. На Кузнецкстрой в свое время прибывали грабари с лопатами, вырывали землянки и называли свои первые жилища «небоскребами». Так начинался КМК. На Антоновскую площадку на Томи в конце 50-х годов прибыли бульдозеры, экскаваторы. Предстояло срыть 110 миллионов кубометров земли — больше, чем при сооружении таких гигантов металлургии, как КМК и уральская Магнитка, вместе взятых. Сто тысяч стальных балок, сотни подземных труб для газа, воды, пара — труб больших размеров, труб советского производства: эмбарго Аденауэра оказалось мыльным пузырем. Огромные цеха, вытянувшиеся на несколько километров, адские языки пламени, когда идет сталь, бешеная скачка прокатываемого металла, надежные люди, уверенно управляющие автоматизированным процессом производства. Это сегодня. И все это лишь начало. Строится второй Запсиб.

«Исполин пробуждается медленно» — таким заголовком

снабдил аккредитованный в Москве журналист из ФРГ рассказ о своей поездке в Сибирь. Правда, он побывал не в Новокузнецке, а в недалеком от него Новосибирске. Однако и там и тут люди лишь посмеялись бы, доведись им прочитать эту статью.

Так стоит ли мне надоедать сейчас Петру своими мыслями о том, чем пичкают нас с Сильвели дома каждодневно, не спрашивая о нашем желании? Читая утреннюю газету или слушая первые сообщения дня по радио, можно подумать, будто сорок лет назад это русские напали на бедную Германию Адольфа Гитлера. Исполин пробуждается медленно. Русские придут — не придут. Нам угрожает Советский Союз. Испытывая страх перед психиатром, один диссидент откусил себе кончик носа. На Урале эпидемия желтой лихорадки, в Кузбассе свирепствует бешенство. Баптисты требуют нулевого роста. И так изо дня в день.

...Хотя Петра Степаненко в 1933 году еще не было на свете — а именно в этом году Серго Орджоникидзе, главный инженер Кузнецкстроя Бардин и его товарищ, директор, старый большевик Франкфурт, утвердили планы строительства второго после КМК крупного металлургического комбината, — он все же кратко заметил бы, что именно затянуло пробуждение исполина и сооружение Запсиба: война. Война, начало которой положила страна, где я родился в 1935 году. В том году, когда зимой здесь все превращалось в лед, летом город задыхался от пыли, а весной и осенью кругом были лишь грязь да слякоть. 60 тысяч рабочих трудились здесь в ту пору — день за днем, ночь за ночью — строя новую жизнь. Они построили город без замков и вилл. Я это заметил. Ни одной виллы. Они строили для себя. Город труда. Город-труженник.

...«Берендея» — одна из здравниц Запсиба. Находясь здесь на полном обеспечении, рабочие платят один рубль в день, остальное оплачивается профсоюзом. Здесь каждый может хорошо отдохнуть, найти занятие по душе. Летом расположенное поблизости озеро манит в воду. Для любителей рыбной ловли вокруг много водоемов. А чтобы побродить в лесу или даже поохотиться, тоже не требуется отправляться в дальний путь.

На полянках, на развилках дорожек «Берендеи», словно загадочные тотемистические изваяния, возвышаются деревянные резные сказочные фигуры.

— Работа нашего резчика,— не без гордости замечает Петр,— он юрист-пенсионер. Вот увлекся резьбой на старости лет. Неплохо, да?

Точно к обеду к отдыхающим навевается лось Яшка. Походив вокруг столовой и ткнувшись пару раз мордой в ладони круг людей, он снова исчезает в лесу. Петр ведет нас к старому Мише. Пять лет назад я видел этого медведя сидящим в клетке, а теперь в одном из домов перед нами возвышается лишь его огромное чучело. «Пришлось его пристрелить, стал опасным».

Отправляемся на прогулку к поселку Славино, где много красочных деревянных домов, издревле строившихся на Руси. На дальнем озере виднеется несколько лодок. На берегу — дачи.

По пути пруд, окруженный заросшими зеленью старыми постройками. На воде играют солнечные блики, и тут и там сплошные вьюнки и кувшинки. В болотистой воде — рыбак с удочкой, которую он держит словно древко знамени.

Лошадь тоже ищет прохлады, стоит в пруду и пьет воду. Я не спеша перехожу с одного места на другое, выискивая лучшее для фотосъемки. Вдруг кто-то спрашивает меня громко, зачем снимать эту грязную лужу. Впереди прекрасное озеро, красивые дома. Сначала я недоумеваю. Но потом мне становится понятно, почему незнакомцу не нравится пруд, который нравится мне, или почему он не хочет, чтобы я снимал эту «лужу».

Этот пожилой человек любит свой край, он помнит и о том, что в Кузбассе каждый метр отвоеванной земли, каждая тонна угля и стали, электричество и питьевая вода, толстые стены жилых зданий стоили колоссального количества человеческой энергии и жертв, а тут появляется иностранец, обвешанный фотоаппаратами, и снимает «лужу», понурюю лошадь, старые деревянные дома и покосившиеся заборы.

...Искупавшись в чистом озере, нежимся на солнце. Перед возвращением в город Петр решил преподнести нам сюрприз — приглашает в русскую баню с бассейном, ко-

торой пять лет назад еще не было. О! Это незабываемо! Похлестаться березовым веником, полежать до изнеможения на полке в парилке, окунуться в бассейн, выскокить голышом на воздух, напоенный ароматом леса, и в довершение, обернувшись простыней, сидеть за чисто выструганным столом и пить взахлеб горячий чай из самовара, с медом и вареньем.

— Олег Никифорович, что бы ты ответил иностранцу, который бы тебя спросил, а светит ли в Сибири луна?

— У тебя солнечный удар или ты перепарился?

Стоит ли мне спорить с Олегом по поводу того, чем объяснить такое настроение — солнцем или баней?

— Да нет. Меня об этом спросила в 1952 году одна американка. Она посмотрелась наиглупейших фильмов о Германии и совершенно серьезно полагала, что у нас не бывает луны.

Олег посвистывает сквозь зубы, улыбается и замечает:

— Ты же понимаешь, что вам ежесуточно подают изрядную дозу величайшей чепухи о Советском Союзе. Почему же честному человеку не спросить, светит ли здесь луна?

Когда мы возвращаемся поздним вечером в город, на безлунном горизонте вспыхивают искры, возникая как бы из ничего, разрастаются в единую огненную стену, которая раздвигается все больше и больше и вдруг, ослепительно сверкая, падает вниз бурлящей огненной лавой.

— Шлак Запсиба,— поясняет Петр.

Исполин! Пробудившийся исполин! Он трудится в едином непрерывном ритме день и ночь.

Кузбасс. После пяти десятилетий истории. Три миллиона людей. Десять городов. Примерно 13 процентов трудящихся проживают в селе, остальные заняты на сотнях промышленных предприятий, выпускающих ежегодно продукции на девять миллиардов рублей.

Олег и Сильвели околдованно смотрят на брызжущий огнем шлак. Для Петра это обычная картина. Но и он задумчиво примолк.

Усталые, мы возвращаемся в номер гостиницы. Сегодня уже больше не хочется ничего видеть и слышать. Но кто это положил нам на стол большой полиэтиленовый

пакет? В нем свежие огурцы, помидоры, несколько луковиц.

— Иди скорей сюда!— кричу я Сильвели, задержавшейся в прихожей. Я читаю ей письмо, вложенное в пакет.

«Номер 410. Привет! Вам, Сильвели, Фридрих и Олег Никифорович! Обращаются к Вам Аня, Миша и Оля. Мы приходили, но Вы уехали фотографировать. Если можете, приезжайте к нам. А это с нашего огорода. Аня. До свидания. С уважением к вам моя семья. 13. 8. 79. Время: 12.20».

Обрадованный и растроганный, я достаю из пакета то, что пришло с приветом с огорода Ивлевых из Прокопьевска, и откусываю — хотя сыт — от крепкого огурца. Вкусно!

— Это написала маленькая Оля. Миша тоже приезжал. С нашей Аней. За сотню километров. Представляешь?!

Огненный исполин и зеленый огород. Здесь они уживаются вместе. И те, кто не только не понимает этого, но и не хочет видеть этого и слышать об этом,— те не понимают ничего.

БЕЗ СТАЛИ НЕ МОЖЕТ БЫТЬ ГОСУДАРСТВА

«У нас не хватает рабочих рук. Мы могли бы хоть сейчас принять на работу тысячи людей. Безработица для нас непонятное слово...»

В высказываниях по поводу того, что не хватает рабочей силы, чувствуется изрядная доля гордости: вот, посмотрите, так у нас идут дела при социализме, для нас даже полная занятость не предел, у нас хронический избыток рабочих мест.

Чистейшее надувательство, говорят некоторые люди на Западе, которые постоянно «выискивают волосы в советском супе». То, что-де кажется у них нормальным, никуда не годится: штаты раздуты, многое делается на холостом ходу, хозяйство носит громоздкий бюрократический характер. Разве это, мол, не скрытая безработица? Однако никто, какие бы убедительные доводы в пользу достижений экономики, организованной на частном принципе, он ни приводил, не может отрицать одного важного

фактора труда в Советском Союзе: увольнения почти полностью исключены, трудящиеся не опасаются их. Так что же, вы считаете, что с опасениями жить лучше?

Опасения, говорят они, — движущая сила достижений. Без принуждения не обойтись, ведь человек — это ленивое животное, которое без кнута не сдвинется с места. И на все всегда готов такой ответ, из которого следует, что социализм в лучшем случае — это добрая иллюзия.

«Главная задача — повышение производительности». Как и пять лет назад, я и на этот раз вновь повсюду слышу и вижу этот призыв. Не содержится ли в этом призыве работать эффективнее косвенное признание того, что не хватает стимулов и инициативы? Не оставлено ли «ленивое животное» в покое? Нет ли недостатка в вознаграждении?

Бывший главный инженер и директор одного крупного предприятия в ФРГ, существующего уже свыше ста лет, сказал мне как-то: «Не делайте ошибки, которую допускают многие из нас, — не меряйте нашими масштабами. Они добились у себя поразительных вещей. Ну, а то что не без трудностей, так что же из этого? Это проблемы другого порядка».

Однако директор забыл перечислить трудности, которые необходимо было преодолеть, чтобы добиться этих поразительных вещей: отсталость России, разрушения, причиненные первой мировой войной и интервенцией в период гражданской войны, меры бойкота и отказ от сотрудничества, выжженная земля и двадцать миллионов погибших в период второй мировой войны, попытки задушить советскую экономику в период «холодной войны» непомерными расходами на вооружение.

Но эти факты не снимают вопроса о том, как вообще обстоит дело с работой и достижениями, со стимулами и наказаниями, если никто не боится быть уволенным, разве что только в строго оговоренных законом случаях.

Рафик Айзатулов, выпускник Сибирского металлургического института в Новокузнецке, инженер-металлург, страстно любящий свое дело, и руководитель 2-го конвертерного цеха, сказал мне во время одного случайного разговора, какое у него мнение на этот счет.

Я действительно хотел от него узнать, не является

ли некоторая доля страха большей движущей силой для достижения высоких показателей, чем сознание того, что тебя не уволят, чем такие стимулы, как премии и соцсоревнование.

— Вы затрагиваете чувство ответственности за свое дело, — ответил Рафик Айзатулов. — Разберемся с производительностью. На примере нашего цеха. Как получается производительность? В цеху с двумя конвертерами у вас выпускается примерно столько же стали, сколько у нас. В современных хорошо оборудованных цехах у нас занято около 250 человек, которые находятся исключительно на плавке и разливке стали. У вас те, кто занимается ремонтом и уходом за оборудованием, приходят от других фирм и после проделанной работы вновь уходят. У нас они входят в состав коллектива. Если учесть этот фактор, то думаю, что в среднем производительность приблизительно одинакова.

Айзатулов, бывавший в ФРГ, аргументирует свои высказывания по-деловому, на конкретных примерах, а не переходя к абстрактным социальным категориям.

— У вас в стране заботы трудящихся связаны прежде всего с беспокойством о своем рабочем месте. Гарантии, что оно останется за ними, не существует. Это понимает каждый, и это действительно сказывается на уровне производительности: он высок. Люди вкалывают. Принцип же наших достижений зиждется на сознательном отношении как к своему непосредственному делу, так и ко всему трудовому процессу предприятия в целом.

— Вы не могли бы сказать подробнее об этом?

— Методы, используемые, например, в ФРГ, не позволяют полностью развернуться инициативе каждого. Рабочий понимает, что он постоянно рискует. Допустит ошибку, его за это накажут. Например, получит меньшую зарплату. Если у него появится мысль изменить или усовершенствовать что-то, то это тоже может повлечь за собой нежелательные результаты. Следовательно, инициативы, исходящие снизу, не являются правилом.

Там инициатива проявляется прежде всего в силу того, что руководящие силы внедряют новые методы. Но оказываются ли при этом такие методы более гуманными, чем прежние, руководство, собственно, не интересуется.

Это результаты конкуренции с другими предприятиями, которая представляет собой не соревнование, а борьбу друг с другом. Предприниматели вынуждены вводить новые методы. А это означает, что широкой инициативы не существует, поскольку людей никто не спрашивает. Наша же система поощряет инициативу снизу.

Затем Айзатулов привел несколько примеров с рационализацией, исходившей от рабочих и принесшей предприятию существенную денежную экономию.

Рафика Айзатулова рассмешило, когда я стал спрашивать, не представляет ли он собой, с точки зрения рабочего, то, чем является аналогичный распорядитель на предприятиях Хёша или Тиссена. У нас многие рабочие считают, что руководители и распорядители — всегда надсмотрщики и технократы.

— Не знаю, смогу ли я на это точно ответить,— сказал Айзатулов, все более живо жестикулируя.— В конце концов, я же не работал на капиталистическом предприятии. Если бы это имело место, я бы точно определил разницу. И все же принципиальное различие я вижу. В чем? Прежде всего в работе с людьми. У меня такое впечатление, что руководящие работники крупных предприятий ФРГ меньше занимаются вопросами, связанными с жизнью и буднями своих сотрудников. Не больше внимания уделяют они и таким проблемам, как устройство и самочувствие рабочих на рабочем месте, их здоровье, семейные проблемы трудящихся, уровень образования, профессиональная подготовка и повышение квалификации. Все это задачи, которыми мне как начальнику цеха приходится заниматься. Вашим распорядителям вовсе не обязательно беспокоиться о многих из тех вещей, которыми мне как советскому руководителю не интересоваться нельзя. Это связано с методами и отношениями между людьми, складывающимися под воздействием всей социальной системы.

Представителей капитала не трогает, например, вопрос о болезни рабочего. Он отмечает это для себя как экономическую потерю. Я же смотрю, не надо ли чем помочь, как долго он болеет, выздоровел ли. А если происходит несчастный случай, то забочусь о семье пострадавшего, принимаю необходимые меры для оказа-

ния ей помощи. Это идет вплоть до жилищных вопросов. Администратор, находясь на моем месте, об этом не думает, считая это личным делом рабочего. Главная его забота, как я это себе представляю, достижение оптимального технического уровня труда и производства. Если он с этим не справляется, то с ним справится конкуренция и руководство предприятия. Вот почему его внимание направлено, естественно, на этот род деятельности.

Возразить Айзатулову трудно, тем более что его аргументы подтверждают правильность моих наблюдений.

— За это он получает высокие доходы,— продолжает Айзатулов,— имеет жизненный уровень, существенно отличающийся от жизненного уровня рабочих. У меня и моих коллег это выглядит иначе. Я получаю лишь немногим больше квалифицированного рабочего нашего цеха. Я такой же член коллектива, как и все. И я не обязан ставить во главу угла лишь рентабельность конвертерного производства, то есть отделять технику от человеческих потребностей.

Рафик Айзатулов спокойно рассказывает, скрестив на столе руки. Средний возраст членов коллектива цеха — 28 лет. При том же количестве людей им удалось за последние пять лет увеличить производство в 1,5 раза, в целом по Запсибу — с трех миллионов тонн стали до четырех с половиной.

— Значит, все-таки нажим и стресс?

— Улучшение технологии, автоматизация производства. Мы этим занимаемся постоянно. Мы могли бы сделать больше, но у нас не хватает рабочей силы.

— Не понимаю. У нас сталелитейные предприятия увольняют людей, переходят на сокращенный рабочий день, потому что нет сбыта.

— Мы могли бы сбывать больше, хотя по производству металла уже стоим далеко впереди других стран. У нас много строится, не забывайте об этом, в том числе по сверхпрограмме для Сибири. К тому же мы экспортируем в десятки стран.

Для Айзатулова это просто и понятно, хотя я с трудом успеваю за ходом его мыслей. При этом речь идет не только о размерах производства, не только об условиях труда людей, но и обо всем том, что связано с металлом

как материалом, требующимся для всего, что окружает нас в жизни. Речь идет и о том, кому же производство в конечном счете на пользу. Если это служит людям, а не целям наживы магнатов и крупных финансистов, то это хорошо и правильно...

В кабинете директора Кугушина, на письменном столе которого возвышается батарея телефонов, нет покоя. Телефоны дребезжат непрерывно. Или это прямая связь с другими «командирами»?

На лице Кугушина лежит печать усталости, хотя внешне он спокоен и улыбается.

— Мы выросли, причем намного,— говорит он,— объем больше на 1,5 миллиона тонн стали, на 1 миллион тонн чугуна. С тех пор как пять лет назад вы побывали здесь, мы провели одну уникальную операцию: заменили старую доменную печь на новую, более мощную, практически не останавливая производства. Как? Рядом со старой, действовавшей печью мы соорудили новую. Когда все было готово, старую печь без демонтажа оттащили в сторону. А на ее место передвинули новую. А это 12—13 тысяч тонн. Есть изменения и на конвертерах. Их первоначальные мощности составляли 100 тонн, теперь — 150. В целом дела на предприятии идут неплохо.

Александр Кугушин говорит сдержанно, скромно, но в его голосе слышится удовлетворение.

— Мы начали строительство четвертой очереди комбината или, как говорят металлурги, четвертого предела. Первый — это получение чугуна, второй — стали, третий — проката, четвертый, которым мы сейчас занимаемся,— это все то, что идет за горячим прокатом: трубы, лист для автомобилей и т. д.

Растем мы и в социальном плане. У нас выросла сеть медицинских учреждений, амбулаторий и поликлиник. Когда вы были здесь в прошлый раз, мы начинали строительство теплиц. Теперь у нас это дело налажено. У нас есть свое подсобное хозяйство, организовано снабжение мясом. Значительно расширены спортивные сооружения. Построили свой большой стадион. Можно заниматься любым видом спорта. Наша футбольная

команда одна из лучших в крае. Построили крытый плавательный бассейн с десятиметровой вышкой, спортивные городки для членов нашего коллектива.

За окном нарастает шум. Мимо проносится паровоз. Кугушин беседует спокойно, размеренно. Снова звонит телефон. «Хорошо, я же сказал. Да, у нас есть чертежи, наши, а какие же еще?!» Кладет трубку, продолжает разговор, как будто его никто не прерывал.

— Крупнейшего успеха в социальном плане мы добились, построив новый город Ильинку. Здесь будут жить 220 тысяч человек. За последние пять лет успехи у нас просматриваются прежде всего в социальных вопросах. Верно?— обращается он к секретарю парткома Белому и Степаненко и добавляет:— Точнее, успех разделился на две сферы — на производственную и социальную. Кстати, приток производства объясняется не только новыми капиталовложениями. Мы выросли качественно, занимаясь реконструкцией и внедрением новой техники.

— Пять лет назад у вас было 20 тысяч работников,— замечаю я.

— Теперь около 30 тысяч.

— И вы все еще жалуетсяе на нехватку рабочей силы?

— Появился прокатный стан 450, который не имеет аналогов в мире. За ним — механический цех и другие производства.

— Да, но коллектив вырос на треть всего за пять лет!

— Ну и что же? Я уже говорил, что в социальном плане мы растем ничуть не хуже, чем в производственном. Когда вы были у нас в прошлый раз, здесь было 23 детских сада. Теперь их 36.

У одной из стен кабинета — макет заводских новостроек. Кугушин приглашает нас подойти туда поближе и начинает увлеченно рассказывать:

— В этом здании будет размещаться руководство предприятия, центральная лаборатория. Это мы отстроим за год. Здесь комплекс здравоохранения. Все наши работники будут регулярно проходить врачебный контроль. Речь идет не о том, чтобы проверить здоровье поступающего на работу и затем, от случая к случаю, приглашать его на осмотр. Нет. Предусматривается проведение регулярных

комплексных обследований, призванных стать основой действенной профилактики заболеваний.

Это женская консультация. Зачем? С общим ростом работающих растет и число женщин, занятых в сфере обслуживания. Соседство металлургического предприятия вещь не из приятных, поэтому приходится думать и о соответствующих мерах предосторожности. Здесь санаторий-профилакторий.

Это макет центра повышения квалификации. Кроме техникума и подготовительных курсов, предусмотрена сеть различных курсов, позволяющих работникам постоянно повышать свою квалификацию. Сейчас у нас около 5 тысяч человек повышают свою квалификацию, а системой политического и общеобразовательного просвещения охвачены примерно 18 тысяч человек.

Наконец, для более эффективного проведения всей работы создается вычислительный центр.

— Какое место занимает Запсиб в Союзе?

— Мы на четвертом месте, — говорит Кугушин, — да, на четвертом. Мощь завода не только в количестве выпускаемой стали. У нас отличный коллектив. Это наше главное богатство.

Было бы наивно полагать, что на заводе с 30 тысячами работников не бывает конфликтов. Однако, судя по моим встречам и беседам с рабочими, инженерами, руководителями, общий климат на комбинате в значительной степени определяется коллегиальностью и доверием.

— Александр Андреевич! Я помню ваши слова — «Без стали не может быть государства»! Я хотел взять их в заголовок своего рассказа о начале строительства Кузбасса, о развитии КМК. Ваши слова разом раскрыли мне глаза на то, что такое сталь.

— Эти слова не мои, это было сказано Лениным. Они верны и сейчас. Кстати, еще один важный момент. Рабочих все больше и больше заботят судьбы мира. Будет ли сохранен мир? За тем, что происходит в этой связи на международной арене, следят с большим вниманием. Рабочие считают так: нужно сохранить мир!

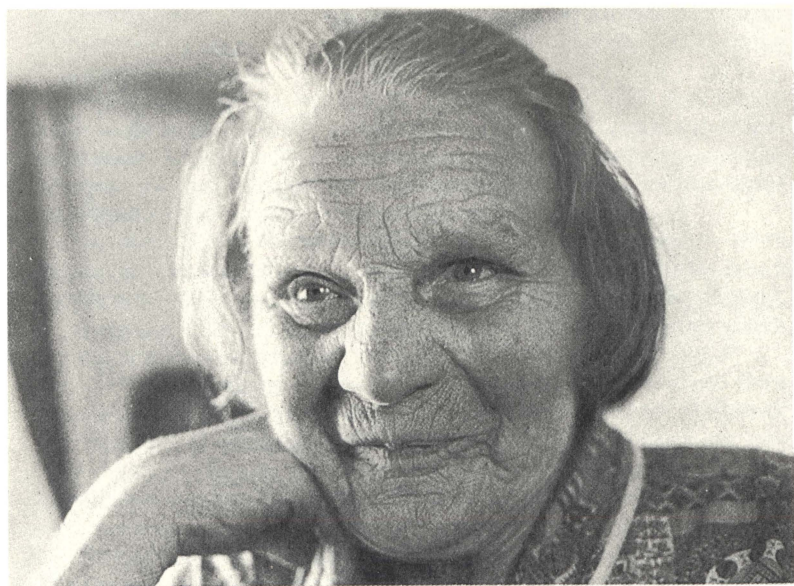
Когда мы пожимали друг другу руки, мною неожиданно овладело чувство тревоги. Никогда раньше я не воспринимал так, как сейчас, слова «мир», «нужно сохранить мир».

«Пресс-конференция» в вагоне-ресторане

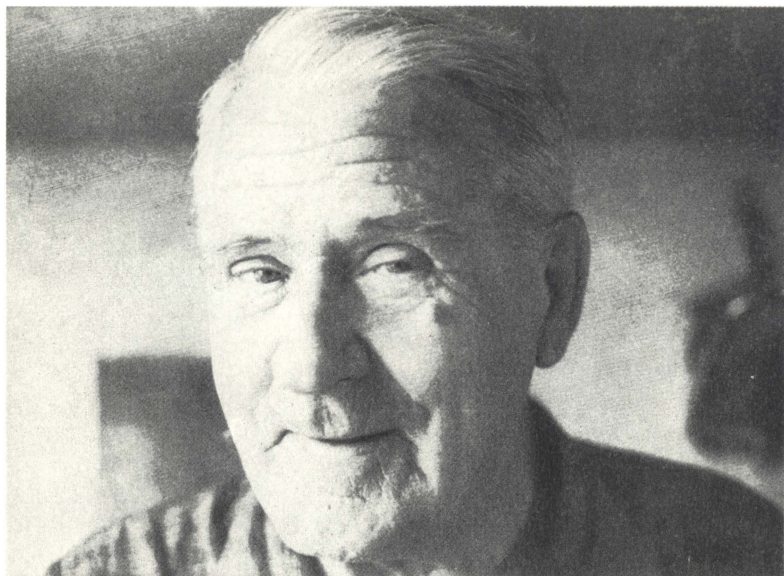

Клавдия Федотова

Баба Лена

Степан Бескровный

Петр Степаненко

Медведица Маша в «Берендее»

В одном из детских садов Запсиба

Пионерка из «Юного запсিবовца»

В пионерлагере «Юный записовец» (в центре — автор)

Рудольф Стахеев и Егор Дроздецкий

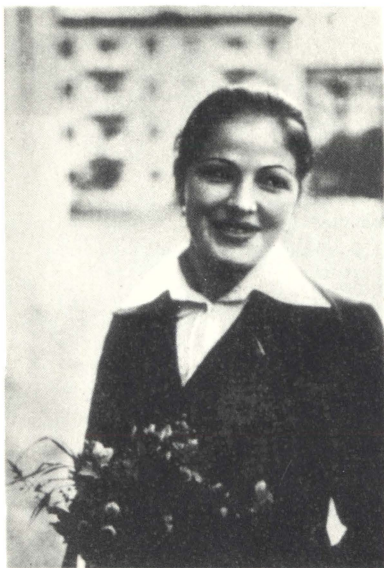
Шахтер после смены

Ветераны КМК

Шахтеры

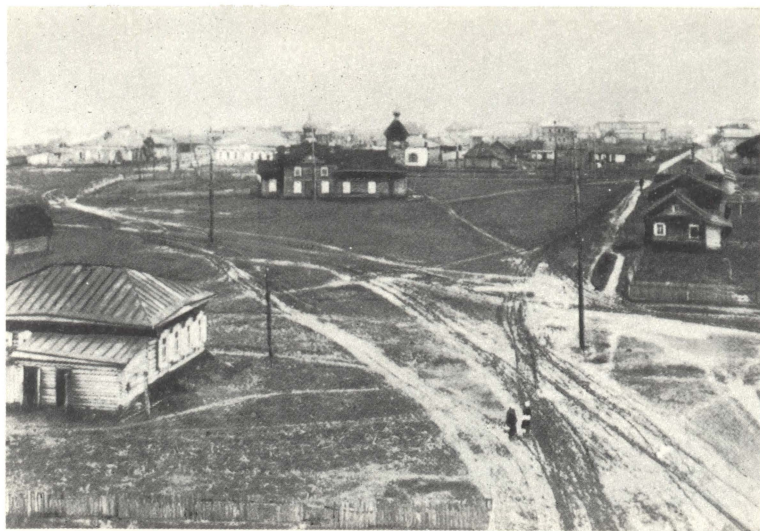
Татьяна Ткачева

Свадьба в Междуреченске

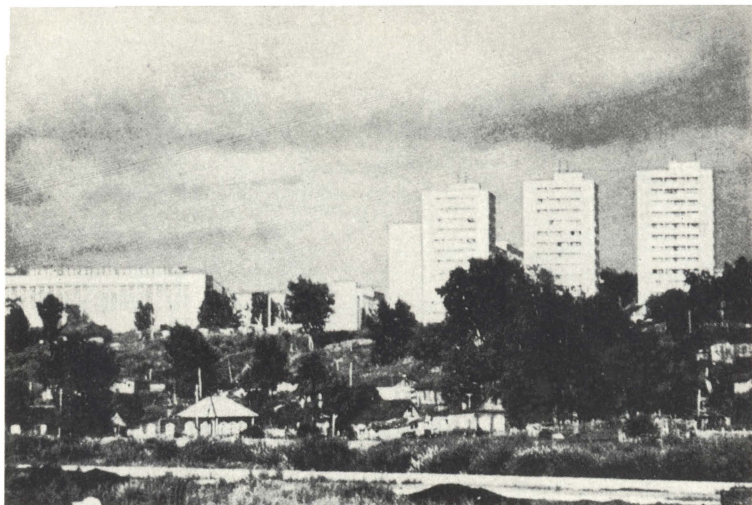

Сильвели Хитцер и Лариса Харчикова

Вид села Щеглово, на месте которого вырос город Кемерово

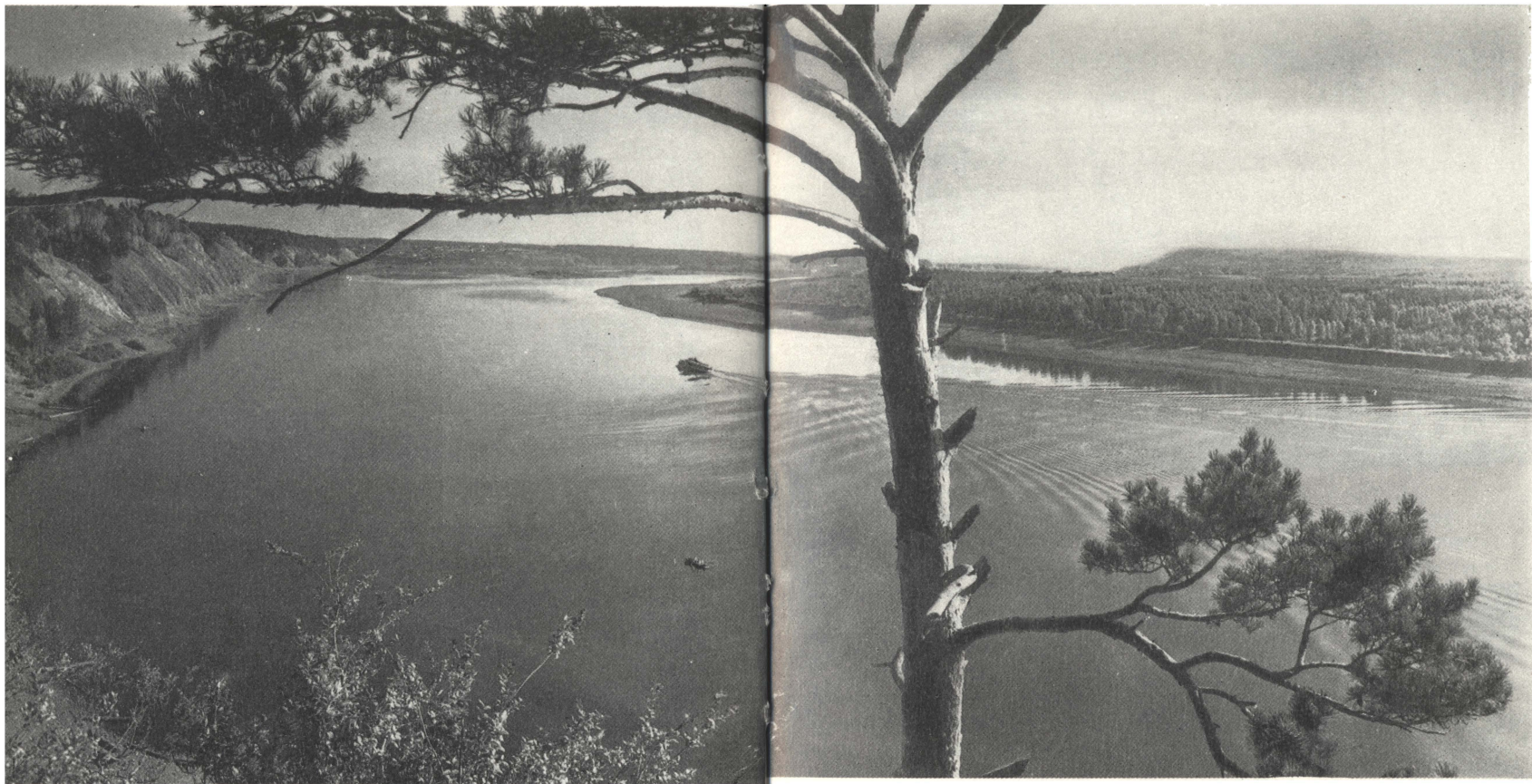
Вид на Кемерово

Лев Резников с женой Лидией

Лида маленькая

Томь — река сибирская

Кемерово. Уличная сценка

Самуил Шнапир

Я знаю, эта неожиданная тревога связана не с Кугушиным, прошедшим сквозь огонь второй мировой войны. Она обусловлена тем, что я сейчас яснее стал осознавать политическое бессилие части рабочих своей страны, — рабочих, которые, как сказал сталевар из Белова Степан Бескровный, позволили себя однажды поймать на удочку. Это бессилие я особенно почувствовал здесь, на этом предприятии, где от людей Запсиба исходило столько спокойствия и уверенности в себе. Здесь не найдешь члена производственного совета, который побежал бы в правительство и стал умолять об увеличении экспорта танков и самолетов, чтобы сохранить свое рабочее место, как это делали члены производственных советов в ФРГ...

Но Борис Ашпин не оставляет мне времени на такие раздумья. Мы входим в его кабинет.

— Здравствуйте!

У Ашпина сразу попадаешь в нужную атмосферу, атмосферу дружеского внимания и деловитости. Никаких долгих вступлений, разговоров о погоде. Сделав дарственную запись в фотоальбоме «Вокруг Байкала», он вручает его Сильвели. На мою просьбу сделать на память снимок он суховаато возражает: «Не люблю фотографироваться». Это не наигранная скромность. Он как бы говорит: есть вещи поважнее. Борис Ашпин интересуется, как мы добились, надолго ли к ним.

— Железной дорогой? Какой линией? Через Челябинск или Свердловск?

— Свердловск!

— Значит, северной. — Он начинает смеяться. — Наверное, проспали все-таки границу между Европой и Азией.

— Нет, мы провожали бабу Лену.

— Это хорошо. В поезде всегда знакомишься с людьми.

Борис Ашпин на Запсибе с 1964 года, доменщик с дипломом инженера. Как Кугушин и многие другие руководящие работники, он был сначала рабочим, затем мастером, старшим мастером, начальником доменного цеха.

— Проработал здесь десять лет, прежде чем стал главным инженером.

Во время нашей первой встречи пять лет назад в «Берендее» Ашпин показал мне свои наручные часы, которые он

и сейчас еще носит. Тогда он сказал, что это очень памятный для него подарок. На обратной стороне было выгравировано: «Борису И. Ашпину от коллег по доменному цеху. Запсиб, 1974 год». Он рассказал о дружном заводском коллективе, о тесной связи и единстве интересов инженеров.

— Это не так, как в буржуазных странах. У нас — это единство. Непреодолимое.

Ашпин тогда рассказал немного о себе, об отце из алтайской деревни, как тот устанавливал Советскую власть, был секретарем комсомольской организации, но в 24 года умер от туберкулеза. Антибиотиков тогда не знали. Борис Ашпин не помнил отца. Ему рассказывала о нем мать. Она родом из семьи, в которой было 12 детей. Ей едва хватало средств на то, чтобы прокормить себя и сына. Потом началась война, и борьба шла уже не на жизнь, а на смерть. Затем очень скромная жизнь 50-х годов, и постепенно жить становилось все лучше и лучше.

— Скажите, как вы считаете, опасность войны уменьшилась или увеличилась?

Борис Ашпин задает мне свой вопрос напрямик. Я не раздумываю.

— Увеличилась.

— Я тоже так думаю. А почему вы так считаете?

Я начинаю говорить о том, о чем приходится постоянно читать: о планах США и некоторых кругов моей страны, которые полагают, что СССР можно задушить бременем непосильного вооружения.

— Согласен с вами. Такие попытки уже не раз предпринимались. Все было впустую. Однако сегодня это делается во все возрастающем масштабе и со все большим ожесточением. Во всяком случае, ясно одно: военная опасность усилилась, и, если бы война началась, всеобщая катастрофа была бы неминуема. Немцам это должно быть хорошо известно.

— Вы когда-нибудь бывали в ФРГ? — спрашиваю я.

— После вашего пребывания у нас. Двадцать дней.

— Ну и?..

— Большинство людей за мир. Это мое мнение. Но есть и другие. Дело было в гостинице. Спустились вниз выпить по бокалу пива. Там был какой-то господин. Уже

навеселе. Узнал, что мы русские. И решил нас спровоцировать: выпалил ни с того ни с сего, что до Москвы оставалось всего тридцать километров. — Ашпин улыбнулся. — Но ничего не вышло. Мы не отреагировали. Немец расстроился, стал пить один бокал за другим. А вообще, у меня такое мнение, что люди в целом добрые, миролюбивые. По крайней мере такое сложилось у меня впечатление.

Спрашиваю у Бориса Ашпина, что схожего и в чем различие между металлургической промышленностью СССР и ФРГ.

— Во-первых, отличаются задачи. Наша задача — максимум продукции при максимальной эксплуатации оборудования. На Западе тон задает конъюнктура, а это сказывается на труде. Я был в Дуйсбурге, видел две доменные печи, которые не работали. Нас это поразило. Мы такого не знаем. Что касается технологии, то кое в чем они нас опережают, но кое-чему они могли бы у нас и поучиться.

— Например?

— Ну, скажем, работа крупных конвертеров. У нас есть некоторые по 350 тонн. Они работают на повышенном газовом давлении, более высоком, чем у вас. Мы используем кислородное дутье в таком объеме, как никто другой.

— Вы говорили, сколь тесны у вас связи между инженерами и рабочими, что между ними существует единство. Какое в этом плане у вас сложилось впечатление во время поездки?

— Я видел довольно много иностранных рабочих, турок и югославов. Встречался и с руководителями предприятий. Это люди различных полюсов. Я имею в виду руководство предприятия и этих рабочих. Мне думается, что это люди диаметрально противоположных взглядов.

— А что вам бросилось в глаза? — стараюсь я уточнить.

— Нас постарались быстро провести по предприятию. У меня не было возможности подойти к рабочим, поговорить. Хотя мы вовсе не намеревались обязательно завязать с ними разговор, но нас все же близко к ним не подпускали... В чем главная наша проблема? — про-

должает Ашпин. — Основные природные богатства находятся по эту сторону Урала, а львиная доля промышленного производства — по другую его сторону, в европейской части страны. Там теплее, там лучше живется. Летом у нас красивее. Но зимы бывают иногда ужасными. В этом году у нас было 48° ниже нуля. Три недели подряд.

Из истории Кузнецкстроя мне известно, что бывали такие суровые зимы, что приходилось диву даваться, как выдерживали люди. Все агрегаты — огромные механизмы — замерзали, покрывались льдом, да таким льдом, что могло погибнуть все предприятие.

— А на этот раз агрегаты выдержали?

— Выдержали. Но было всякое, производительность снизилась. Зима была тяжелой. Нам нужны люди и еще раз люди. Я знаком с БАМом. Громадные запасы сырья. Все это надо осваивать, а это не так-то просто. Нужно строить предприятия. Пока там нет ничего. Лишь прокладывается железная дорога.

— Я думаю, у этого района большое будущее.

— Безусловно. Там огромные богатства. Они приобретают все большее значение. Жизнь так повелевает. Но добывать, перерабатывать их приходится со все большим трудом.

— А как с загрязнением окружающей среды? Вы говорили, что из труб скоро не будет выбрасываться никакой дряни.

— Кое-что нами уже сделано. От коксохимии, правда, еще выбрасывается, но, посмотрите, от домен практически уже ничего. Мы используем тюменский газ, который поступает по трубам через Кемерово.

...Из бесед с Ашпиным я вынес нечто большее, чем просто новые факты о Запсибе. Я ясно понял, что руководство, которое пытается решать все само, которое в любых принципиальных вопросах отказывается идти трудным, обременительным путем принятия коллективных решений, такое руководство неизбежно в конце концов окажется несостоятельным.

— Если руководитель, — говорит Борис Ашпин, — пытается делать все сам, ни с кем не советуясь или, в всяком случае, мало советуясь, и позволяет лишь слегка советовать себе, то это, по-моему, плохое качество. Люди

не видят при этом настоящей перспективы, они теряют интерес к делу.

Читаю надпись на одной фигурной металлической отливке, стоящей среди других в кабинете Ашпина: «...Первому начальнику доменного цеха Запсиба. От доменщиков в день 50-летия города Новокузнецка. 12 декабря 1978 года».

Я смотрю на Бориса Ашпина, родившегося на Алтае в 1928 году, году, когда начиналось строительство Кузнецкостроя.

Город и человек. Обоим по 50 лет.

В машине по пути в гостиницу раскрываю книгу, подаренную Ашпиным: «Моим друзьям. На память о Сибири». Не могу описать того, что я почувствовал, читая слова «моим друзьям». Ведь у Ашпина слова не расходятся с делом.

ДОМИКИ В ВОЛШЕБНОМ ЛЕСУ

Василий Яковлевич Колыванов — инструктор горкома партии Новокузнецка — не просто излучает жизнелюбие, но и прямо говорит об этом: да, я оптимист, люблю жизнь, неприятности, конечно, бывают, но моя работа мне нравится. Смеется он от всей души, в знак согласия энергично кивает головой, а если что-нибудь не так, он искренне сокрушается, переживает.

Сегодня мы едем к детям Запсиба.

Дети, ребята. Большие и маленькие. Разве нельзя определить по детям, как идут дела у всего общества?

Детский сад, который мы посетили, рассчитан на 270 детей в возрасте от двух до семи лет. Все они окружены заботой. В саду есть столовые, спальни, медпункт, музыкальные и игровые комнаты, бассейн, где детей учат плавать. Для персонала — воспитательниц, медицинских работников и поваров — предусмотрены отдельные помещения. На открытых игровых площадках можно увидеть беседки, песочницы, спортивные стенки, железную дорогу, самолет, маленький огород с картофелем, капустой, морковкой и огурцами, которые дети сами сажают, поливают и убирают. В 36 детских садах Запсиба в настоящее время находятся более шести тысяч детей. Уровень обслуживания

такой, какой раньше не могла себе позволить ни одна рабочая семья. Таланты здесь развивают и растят за почти что смехотворную плату — примерно 14 рублей в месяц, остальные 80 процентов расходов доплачивают государство и комбинат.

Слова «дети», «ребята» Петр Степаненко выговаривает почти что с детской радостью.

— Однако детских садов у нас все еще не хватает, — говорит Петр. — Завод, новый город Ильинка растут слишком быстро.

Пионерский лагерь «Юный записбовец» — одно из многочисленных мест отдыха, которыми пользуются почти все дети по всей стране. Разумеется, между ними существуют различия. Но все же совершенно ясно, что для детей здесь делается все возможное, и каждое предприятие и каждый город гордятся тем, что они могут сделать для детей.

Неподалеку от живописной речки в окружении леса расположились семь стационарных спальных корпусов, палатки, спортивное поле с трибуной, плавательный бассейн и специальные павильоны для кружков, в которых пионеры могут выбрать себе занятие по интересам, столовая на 700 мест. Кроме того, в лагере есть кинозал и летний театр, расположенный на опушке леса. В «Юном записбовце» всеми делами вершат женщины. Уже в течение 16 лет здесь работает директором Валентина Ключина, учительница начальных классов, по пять-десять лет работают многие воспитатели — учителя и руководители кружков.

...А началось все здесь 17 лет назад с трех поставленных на лето палаток. Затем были построены четыре стационарных корпуса, и постепенно была застроена вся территория. Лагерь постоянно расширяется. Зимой дети бывают здесь 12 дней во время каникул, остальное время отдано взрослым, которые любят зимнюю рыбалку, участвуют в лыжных соревнованиях или просто приезжают сюда на несколько дней отдохнуть...

Людмила Ищенко, химик по образованию, председатель комиссии профкома по содействию семье и школе в воспитании детей и подростков, рассказывает, что, кроме этого пионерлагеря, у Записба имеются санаторный лагерь для

ослабленных детей, спортивный лагерь и лагерь труда и отдыха. Это все загородные лагеря. В городе имеется также 7 пионерских и 4 лагеря труда и отдыха. Профсоюз стремится организовать летний отдых для детей всех возрастов. В «Юном запсибовце» за лето отдыхают свыше 2,5 тысячи ребят. Распорядок дня составлен так, что игры, занятия в кружках и отдых чередуются, большую часть дня дети проводят вместе.

Мы обошли весь лагерь. Один из кружков, в котором ребята мастерят из собранных в лесу материалов различные поделки, называется «Умелые руки». Другой кружок называется «Судомодельный». Здесь мальчики строгают, стучат молотками, собирают плавающие модели по развешанным на стене чертежам, которые для них изготовили студенты технологического института. В «Красной Шапочке» мы встречаем девочек, шьющих на небольших швейных машинках костюмы для театральной постановки, в которой участвует детский самодеятельный коллектив. На транспаранте я читаю слова Николая Островского: «Творчество — это прекрасный, необычайно трудный и удивительно радостный труд». Маленькие швеи пользуются выкройками, изготовленными в Ленинграде и ГДР. «Слава труду» — написано у входа в павильон, в котором висят диаграммы и фотографии, отражающие историю Новокузнецка, Запсиба и столь близкие ребятам сюжеты, связанные с профессией металлурга.

В клубе интернациональной дружбы стены украшены выпелами и флажками, на столах разложены альбомы, в которые пионеры заносят из книг и газет записи о государственном и политическом устройстве различных стран.

— А знаете ли вы что-нибудь о Федеративной Республике Германии?

Пионеры открывают альбом, и одна из девочек вслух читает о географическом расположении ФРГ, о населении, о том, что ФРГ является федеративным союзом государств, имеющих свои земельные парламенты, и что бундестаг принимает законы, а бундесрат представляет интересы земель. Государством управляет федеральное правительство во главе с федеральным канцлером, а президент же, напротив, представляет государство и народ в целом.

Перед входом на спортивную площадку висит плакат: «Лучший рекорд — здоровье». После «мертвого часа» здесь собралось много детей. Мы сразу же оказываемся в их кругу.

— Дяденька, откуда вы приехали?

— Из Мюнхена. Знаете ли вы, где находится Мюнхен?

— Далеко, в Германии.

Кому-то из них приглянулась моя фотокамера.

— «Никон», да?

— А ты что, в кружке фотографии занимаешься?

— Это я знаю от моего старшего брата.

— Кто здесь в первый раз, — спрашиваю я, чтобы не отвечать все время на вопросы. Некоторые из ребят поднимают руки вверх, как в школе. — А во второй, а в третий раз? — Они охотно и дружелюбно отвечают.

— Сфотографируйте нас.

Не сговариваясь, ребята становятся перед камерой, ведут себя спокойно, смотрят в объектив открытым взглядом, что не всегда удается взрослым.

Сильвели, оказавшись в таком же окружении ребят, куда-то исчезла. Потом она мне рассказала, что тоже потеряла меня из виду. Она очень сожалеет, что не владеет русским языком. Когда мы покидали площадку, откуда-то появилась группа девочек с подарками: книгой, набором первомайских открыток, точилкой для карандашей, высушенным жуком, игрушечным гусем с кольцами, кедровой веткой с маленькими шишками, носовым платком и маленькой куклой. Не говоря ни слова, они вручили нам свои дары, которых никто не ждал, и исчезли в кустах.

Нам оказывают столько непринужденного внимания, сколько мы никак не могли ожидать.

В летнем театре нас встречают аплодисментами около 200 детей. Я им рассказываю, зачем мы сюда приехали. Они исполняют в нашу честь песню пионеров Запсиба, пионеров, которые собираются вместе, чтобы строить и шагать вперед, а затем песню, в которой поется о том, чтобы всегда были солнце, мир на земле и тот, кто в нем живет.

Они не предоставлены самим себе, не ощущают одиночества, в тех же случаях, когда что-либо не в порядке в

семье, помогают педагоги. Мне думается, что свое воображение они развивают в процессе учебы и в разумной игре.

Как и пионеры в поезде, здесь, в летнем театре «Юного записовца», мне задают много вопросов. Пионеры интересуются, где я научился говорить по-русски; есть ли у нас пионерские лагеря, как у них; надо ли оплачивать учебу в школе; каковы взаимоотношения с ГДР; идет ли у нас фильм «Освобождение»; каково отношение к военным преступникам; как население нашей страны относится к Советскому Союзу. Задают даже вопрос о «запрете на профессии» для учителей. Вопросы задаются беспрерывно в течение часа, любознательность так велика, что ее достаточно только разбудить. Когда я вспоминаю о том, какие нелепые подчас вопросы гостям из Советского Союза задают у нас — мне не раз эти вопросы приходилось переводить, — то меня охватывает чувство досады и стыда...

Где-то далеко в лесу поставят свои палатки пионеры, которые ушли сегодня в таежный поход. Среди кедров, растущих между павильонами, мы встречаем резчика и его помощника. Оба вырезают здесь большие сказочные фигуры из народных сказок. Петр Степаненко знакомит нас.

— Осинцев Александр Лаврентьевич. Помнишь резные фигуры в «Берендее»? Его работа.

— После второго инфаркта, — рассказывает Александр Лаврентьевич, — врачи посоветовали мне бросить работу. Я был юристом. Стал пенсионером. Однажды на курорте в лесу увидел замысловатый корень, похожий на женскую головку. Я немного подчистил его, кое-что убрал. Потом меня все спрашивали, где я купил скульптуру. Никто не хотел верить, что я нашел ее в лесу. Вот с этого все и началось. Вот уже десять лет, как увлекаюсь резьбой. В Новокузнецке я живу пять лет и занимаюсь тем, что мне по душе. На этой поляне задумал вырезать композицию из десятка сказочных персонажей. Для детей. Пусть развивают воображение.

Надолго останется в моей памяти «Юный записовец» с его живыми, непосредственными обитателями в волшебном лесу.

ВETERАНЫ ВСПОМИНАЮТ

У входов на фабрики, в цехах и отделах можно видеть потускневшие и новые фотографии, доски почета с фамилиями и наградами, которые указывают на то, что хроника любого советского предприятия — это история жизни многих людей.

Человеку постороннему и чужому стенды КМК с фотографиями, лозунги и плакаты могут, пожалуй, напомнить лишь о том, в каком бешеном темпе и в каких тяжелых условиях строился комбинат и закалялась сталь. Возможно, для кого-то лозунг 1932 года сегодня звучит патетически: «Слушай, великая пролетарская страна! Есть кузнецкий чугуны!»

Но ведь он не знает, что цементный раствор для фундаментов мартеновских печей разогревался не в закрытых помещениях, а под открытым небом, с помощью обычных дров, при минус 40 градусах. Он же не знает, что температура падала иногда до 57 градусов мороза — еще никогда в таких условиях не производились бетонные работы. Вызывались добровольцы. Большинство из них не имели ни хорошей обуви, ни валенок. Они оборачивали ноги мешками и завязывали их шпагатом. Днями висел морозный туман над местностью. Ледяной ветер бил в лицо и перехватывал дыхание. В этом был пафос лозунга, так как без 16 тысяч кубических метров бетона для фундаментов первых трех мартеновских печей, пущенных в строй в 1932 году, не было бы кузнецкого чугуна. Так же как и первой домны, построенной в условиях сибирского холода, который проникал на полтора-метровую глубину, превращая грунт в лед. Они не хотели терять полгода или больше, пока поставят зарубежную установку из Франции. Они разработали свою собственную систему, забивали сваи в промерзший грунт, вновь их вытаскивали, заливали разогретый бетон через воронки во вставленные железные трубы. Французы были ошарашены, прибыв сюда спустя несколько месяцев. Как и другие иностранные специалисты, они были твердо убеждены, что без них здесь никогда ничего не сделают. Из тех, кого эти иностранцы считали простофилями, выросли титаны.

В годы Отечественной войны коллектив Кузнецкого металлургического комбината был награжден орденами Ленина, Красного Знамени, Кутузова I степени. На КМК не требуется специального курса лекций, чтобы понять, что означает освобожденный труд. Нужно лишь научиться понимать историческую связь: Кутузов — Красное Знамя рабочего класса — Ленин...

Из стали КМК — о чем можно прочитать в заводской хронике — было изготовлено 100 миллионов гранат, 50 тысяч тяжелых танков и 45 тысяч самолетов.

Статистика ужасов? Статистика славы? Сталь и смерть? Или сталь и освобождение?

О нет! Лишь тот, кто недвусмысленно разберется, что обеспечивает мир и что вызывает войну, сможет дать себе отчет в том, как ему отвечать на подобные вопросы.

Вспомним, что Новокузнецк и Магнитогорск были городами созидания и строительства, куда до 1933 года приглашались многие западные рабочие и специалисты, в том числе и немцы, прежде чем оба эти города превратились в кузницу вооружений, благодаря которым разбили не приглашенных немцев...

На Западе было много архитекторов, которым революционная Россия дала возможность создать принципиально новые проекты. Если до середины 20-х годов преобладали утопические, абстрактные проекты, для строительства которых в Советском Союзе еще не было технологической базы, то после 1925 года перешли к разработкам практически выполнимых планов. Вальтер Гропиус и Бруно Таут каждый год ездили в Советский Союз. Марсель Брёр, Ле Корбюзье, Эрих Мендельсон, Хайнц Пельциг и Макс Таут принимали участие в советских конкурсах на лучший «функциональный город». Когда в 1929 году разразился мировой экономический кризис, многие архитекторы и специалисты остались без работы. После принятия первого пятилетнего плана Советский Союз стал сказочной страной для строителей.

Желание принять здесь участие в строительстве привлекало многих. Один из известнейших строителей, бывший главный архитектор Франкфурта-на-Майне Эрнст Май, вместе с двадцатью архитекторами, инженерами — спе-

циалистами по железнодорожному и городскому строительству переехал в конце 1930 года из франкфуртского Управления по высотному строительству в Москву. Непродолжительное время Май руководил строительной организацией, насчитывавшей более 1400 специалистов.

13 мая 1931 года Совет Народных Комиссаров принял постановление о реализации «Проекта Э. Мая». Этот документ был подписан Валерианом Куйбышевым. Магнитогорск и Новокузнецк — центры разработанного по инициативе Ленина проекта освоения Урало-Кузнецкого бассейна — превратились в 1931 году в крупнейшие строительные площадки страны.

Проекты Эрнста Мая предусматривали строчечный способ застройки. Цель — рационально спланированный город. Образцом для этого послужил проект Мая по застройке «римского квартала» во Франкфурте.

В общественных дискуссиях различные проекты застройки обсуждались с концептуальных и идеологических, технико-экономических и социальных точек зрения. Против «функционального города» выступили советские архитекторы, считая, что такая планировка города не подойдет для Сибири: «А где бульвар, по которому вечерами горняк будет гулять со своей девушкой и рассматривать витрины?»

Противники урбанизации выступали за «зеленый город», или «город-сад»: децентрализованное расположение жилых домов, спортивных и культурных учреждений, которые полностью вписались бы в городской и сельский ландшафт, что способствовало бы устранению противоположностей между городом и деревней.

Эрнст Май сразу же приступил к реализации проекта по застройке Новокузнецка. К тому времени там уже жили 100 тысяч человек. Однако строчечный способ застройки вызвал протест у жителей. Высказывались критические замечания: дома однообразные, жилые кварталы расположены подобно книжным строчкам, улицы очень узкие, а квартиры очень маленькие.

Эти недостатки менее всего были следствием просчетов в проекте Мая. Стране приходилось экономно расходовать свои средства. Поэтому ничего не было изменено. Первые жилые районы Новокузнецка застраивались

трех- и четырехэтажными домами, что отчасти напоминало планировку городов в Германии.

В 1934 году группа Эрнста Мая распалась. Сам Май в конце концов переселился в Африку.

Кто выбирает Гитлера — выбирает войну. Очень немногие в 1933 году поверили предостережению немецких коммунистов.

После 1945 года немцы имели возможность некоторое время строить в Сталинске, как тогда назывался Новокузнецк. Но не добровольно. Они были военнопленными. Задумывались ли они над тем, какие шансы были уничтожены 12 лет назад?

Но не ужасы войны преподносятся сегодня хозяевами гостю, который пришел к ним в дом как друг. Ни разу не почувствовал я в людях Новокузнецка злопамятства, не чувствую его и во время встречи с тремя ветеранами КМК. Они принадлежали к тем, кто в 1941 году принимал участие в крупнейшей в истории эвакуации: перевозке целых заводов и фабрик в Сибирь — еще одной яркой главе становления Кузбасса и Новокузнецка.

Передо мной истрепанная брошюра, с пожелтевшими страницами из простой газетной бумаги, с фотографиями и рисунками того героического времени.

— Сегодня это едва ли уже можно осознать, — с трудом подбирая слова, говорит Петр Ефименко. — Видите, это я. Но даже и мне трудно поверить в то, что все это было тогда сделано нами.

Молодой паренек на потускневшей фотографии, которую он мне показывает, почти ничем не напоминает сидящего передо мной пенсионера.

Весь облик Ефименко, как и двух других моих собеседников, Гниды и Харандюка, отмечен как бы печатью той тяжелой работы, которой им пришлось заниматься уже в молодости. Но когда Ефименко громким голосом, будто на заводском собрании, рассказывает о том, что и ему пришлось пережить, то в нем чувствуется такая твердость, которая свойственна людям непобежденным, защищавшим в то время не только собственную жизнь.

— Мы работали, как обычно. Вдруг воздушная тревога. Освещение гаснет. Мы сразу же в укрытие. Видим —

«мессершмитты» и пикирующие бомбардировщики. Наши зенитки палят. Огненные трассы на черном небе. Они поворачивают и заходят снова. Но мы продолжаем демонтировать завод. Под градом бомб.

В помещении, где мы беседуем, тишина. За окном слышится щебетанье птиц, солнечные блики играют на столе. Михаил Гнида и Василий Харандюк — товарищи и коллеги Ефименко по работе — внимательно слушают, хотя они это сами тоже пережили.

— Я был в народном ополчении, — говорит Гнида. — Мы пошли на оборону Киева. Не знаю, как получилось, но я был отозван на предприятие. Меня вызвали и сказали: завод должен быть эвакуирован, его необходимо демонтировать. Я был монтажником, это, пожалуй, и сыграло решающую роль в том, что меня вернули на предприятие. Мы разбирали агрегаты, оборудование, перетаскивали все в вагоны. Под бомбежкой. После демонтажа я сказал директору: теперь я свободен, иду добровольцем на фронт. Но он отказал: есть приказ министерства, ты едешь с эшелоном и монтируешь там завод снова. Что делать? Я солдат. Была война. Куда меня направят, там я за себя и постою. Так я попал сюда.

Харандюк в отличие от Ефименко и Гниды говорит тихо, почти бесцветно, голос его чуть-чуть дрожит. Может, это происходит от того, что мы ворошим прошлое?

— Когда фашисты вышли на правый берег Днестра, мы демонтировали завод и погрузили его в вагоны. Вместе с заводом мы прибыли сюда и снова его восстановили. Затем работа. До пенсии.

— Но ведь там было оборудование весом в несколько тонн: машины, агрегаты?

— Да, целые железоплавильные печи из Запорожья. Враг находился на правом берегу, мы — на левом. Мы не жалели сил. День и ночь разбирали завод, думая не о времени, а только о выполнении задачи. Затем все это грузили. Вагон за вагоном. И сразу в путь. Мы выехали сразу, как только нужное нам оборудование было разобрано и погружено.

— Хочу немного дополнить, — говорит Гнида. — Важнейшие отрасли промышленности — металлургические заводы — были на левом берегу Днестра. На правом берегу

было несколько небольших фабрик, которые не имели большого значения.

Когда фашисты подошли к Днепру, наши войска остановили их. Приблизительно на полмесяца. За эти две недели мы демонтировали важнейшие заводы и подготовили их к отправке в Сибирь.

Все, что было построено в первую пятилетку: алюминиевый завод, сталеплавильный, металлургический, коксохимический, — все это было демонтировано. Армия получила задачу сдерживать противника до тех пор, пока не закончится эвакуация заводов.

Все мы были разбиты на группы. Наша демонтировала кузнечный, затем плавильный цех и прокатный стан. Брали лишь самое ценное. С этим мы и поехали. Когда прибыли, выяснилось, что тот или иной товарищ еще отсутствует, кое-что находилось с другими бригадами, надо было искать — людей, материалы, составы. Где они застряли? К тому же эшелоны шли иногда под градом бомб.

— Когда я покидал город, — подтверждает Ефименко, — аэродром и железнодорожные ветки, ведущие на восток, были подвергнуты бомбардировкам. Помню, как сегодня, что в последний день была сильная бомбежка.

Никто из них не может сегодня себе представить, каким образом за столь короткое время так четко и быстро удалось осуществить эвакуацию. Демонтаж, разборка, погрузка, транспортировка, разгрузка и снова монтаж. Не в готовых корпусах, нет, а под открытым небом. Готовая продукция пошла раньше, чем были возведены корпуса.

Ефименко 1925 года рождения. В войну потерял родителей и двух из четырех братьев. Две сестры приехали в Сибирь, работали на Омском самолетостроительном заводе. Сам он никогда не думал, что вот таким образом попадет в Сибирь. Когда он приехал в Сталинск, город был переполнен. Жилья было мало. Кому повезло, тот получал место в комнате, другие жили в коридоре, где стояли нары. Сам он жил в театре, там установили деревянные нары, по три друг над другом. Но жизнь, как говорится, шла своим чередом. Сначала Ефименко попал в общежитие, затем получил комнату. Закончил ремесленное училище, работал у мартеновских печей.

— Зимы были очень суровыми, — говорит Ефименко, — до минус 45. Жизнь заставила работать дисциплинированно, без колебаний, без опозданий на работу, короче говоря, с полной отдачей.

Своими двумя сыновьями Ефименко гордится. Один из них, 27 лет, закончил учебу и работает в шахте, другой — в троллейбусном депо.

Гнида родился в 1911 году в семье крестьянина. В 15 лет пошел учиться, выучился на монтажника. В эвакуации закончил ускоренные курсы сталелитейщиков и всю жизнь проработал на электроплавке.

Гнида тоже приехал сюда один, встретил, как и Ефименко, местную, женился, они вырастили двух дочерей и одного сына.

— Мой сын закончил институт, — рассказывает Гнида. — Одна дочь — учительница музыки, другая работает в торговле. Дети купили дачу. Мы часто бываем на ней, там есть сад.

Харандюк 1913 года рождения. Как и оба его товарища, выходец из деревни, закончил семилетку, пошел работать на «Запорожсталь», сначала бригадиром, а затем мастером, с 1935 по 1937 год служил в армии, затем вернулся на свой прокатный стан. Работал там до 1941 года.

О себе он рассказывает немного.

— Что мне рассказывать? — говорит он. — Весь советский народ работал с величайшим напряжением. Мы не думали об отдыхе, ни о чем, кроме как о необходимости выполнить поставленную задачу. Так и жили. Организовано и дисциплинированно. Сын работает на заводе. Женился. Закончил институт. Инженер.

Эти трое рабочих-металлургов, ныне пенсионеров, обладают сознанием и силой того класса, к которому все они, рожденные в деревне, принадлежат в первом поколении. Им пришлось напрягать все силы, чтобы выжить — самим и ради всего народа, — чтобы победить — ради всего человечества.

Мы прощаемся у бюста Серго Орджоникидзе — легендарного наркома первых пятилеток.

НЕ БУДЕШЬ ПОСПЕВАТЬ ЗА ЖИЗНЬЮ — ПРОПАДЕШЬ

Мне известно, что сегодня на КМК имеются трудности. С момента своего строительства комбинат практически не подвергался какой-либо значительной модернизации, реконструкции. Для наращивания производства использовали лишь внутренние резервы, однако и при этом достигли мощности, втрое превышающей проектную. На КМК работают примерно 30 тысяч человек. Возможности территориального расширения комбината фактически исчерпаны.

Запланировано улучшение условий труда для половины работников комбината. Но это произойдет лишь в том случае, если мы своевременно введем автоматизацию. В этом заключается одна из наших проблем.

Евгений Демичев, секретарь парткома КМК, с которым мы беседуем, вряд ли думает сейчас о том, что в условиях капитализма этот комбинат, как я предполагаю, закрыли бы, а рабочих выставили бы за дверь. Имеется много наглядных тому примеров.

— У нас самая дешевая руда в стране, и мы даем дешевый, но высококачественный сорт стали. Мы, например, производим рельсы для БАМа, которые должны будут выдерживать высокие нагрузки.

— Насколько я помню, решение о переоснащении комбината было принято еще несколько лет назад? — замечаю я.

— Да, планы разрабатывались, и даже несколько раз. Но потом они отвергались. Хотели одним разом покончить со всякими трудностями. Это нереально. Мы сократили масштабы перестройки. Сейчас для нас главное — строительство нового электроплавильного цеха.

— Кто все это оплачивает?

— Предприятие не тратит ни копейки. У министерства есть фонд для реконструкции отрасли. Из нашей прибыли семь процентов идут в этот фонд, но фонд предназначен для модернизации промышленности во всей стране, в том числе и для строительства новых предприятий.

От чего зависят капиталовложения? Как они реализуются? Кто берет на себя инициативу? Все это интересно-

щие меня вопросы. Я вспоминаю критические высказывания делегатов съездов КПСС в печати, которые указывают на то, что сегодня все недостатки и небрежности в работе изучаются, взвешиваются, обдумываются, однако решение любых проблем порождает в свою очередь определенные конфликты.

«Кадры решают все» — так звучал лозунг, когда началась индустриализация, когда профессиональные революционеры без специальных знаний становились во главе производства и занимали места специалистов, — специалистов, которые порой колебались и медлили.

«Всякая работа управления требует особых свойств, — говорил в 1920 году В. И. Ленин делегатам съезда работников водного транспорта и затрагивал тем самым проблему, которая осталась актуальной на многие годы. — Можно быть самым сильнейшим революционером и агитатором и совершенно непригодным администратором, но тот, кто присматривается к практической жизни и имеет житейский опыт, знает, что, чтобы управлять, нужно быть компетентным, нужно полностью и до точности знать условия производства, нужно знать технику этого производства на ее современной высоте, нужно иметь известное научное образование. Вот те условия, которым мы должны удовлетворять во что бы то ни стало».

Тогда политическая ответственность партийного руководителя и специальные знания инженера или другого специалиста чаще всего не были соединены в одном лице. Это порождало серьезную проблему взаимного недоверия. Знания нельзя заказать в какой-то сказочной стране. «Учиться, учиться и еще раз учиться». Девиз, выдвинутый Лениным, соответствовал пожеланиям масс, которые были лишены привилегии получать образование, которые осознали, что незнание означает бессилие. Они завоевали власть, защитили ее и укрепили, создали систему образования, которая занимает ведущее место в мире.

При ближайшем рассмотрении все снова и снова поражает, с какой убедительной силой Ленин связывал изменение привычных методов управления, использование достижений науки, техники и культуры в интересах широких народных масс с задачами дня...

— Не приводит ли это к конфликтам, когда последую-

щие поколения воспринимают результаты предшествующей борьбы и труда как нечто само собой разумеющееся? — думаю я.

— Как часто сегодня неоправданно жалуются на жизнь, — говорит Гнида, — а какое было время тогда, когда мы начинали: надо было иметь достаточно выдержки и житейскую мудрость, чтобы просто выжить. Разве сейчас труднее, чем раньше? Нет, жизнь стала лучше. Но не дело постоянно предъявлять к ней повышенные требования.

— Это ведь довольно тяжелое дело, Евгений Федорович, модернизировать старую технику и получать при этом экономическую выгоду? Как реагируют на это люди? — спрашиваю я.

— Для нас это очень сложная проблема. Со старыми средствами производства мы достигли наивысших результатов. Ни одно предприятие в Союзе, с таким же или подобным оборудованием, не производит сталь такого высокого качества, как мы. Но как это ни парадоксально, это нас и губит. Нам говорят, коль вы сегодня делаете самую дешевую сталь самого высокого качества, то зачем вам вообще нужна модернизация? Но наши устаревшие условия труда и необходимость развития не позволяют согласиться с такой точкой зрения. Всякий застой губителен для производственного коллектива. Здесь ведь как в жизни. Не будешь попевать за жизнью — пропадешь. У нас сейчас намечается даже отставание, — заключает Демичев.

— В чем причина?

— Половина работников предприятия — молодежь. Необходимо учесть, что рабочую смену мы готовим сами, а металлургия относится к тем областям трудовой деятельности, где требуется большой опыт. Как и в Магнитогорске, у нас была очень высокая трудовая дисциплина и эффективная организация труда. Однако лет пять назад мы стали утрачивать эти качества. Поколение рабочих, которое вобрало в себя традиции завода, стало уходить на пенсию, а сегодняшней молодежи еще предстоит набираться опыта и знаний. Возможности территориального расширения для новых производств ограничены, реконструкцию мы начали слишком поздно, все это тоже приносит трудности.

— Значит, главная проблема, Евгений Федорович, — это человек на рабочем месте? От теоретически и практически хорошо подготовленных молодых рабочих сегодня уже нет той отдачи, которую давали их отцы и деды?

— Я понял ваш вопрос. Будем откровенны. Человек, закончивший десятилетку, хорошо знающий советскую и зарубежную литературу, играющий на музыкальном инструменте, изучивший математику и физику, — возьмет ли он с воодушевлением в руки лопату? Нет. В любом случае он не получит от этого никакого удовлетворения. И если лет сорок назад человек, приходивший к нам, был согласен и на тяжелую, неинтересную работу, если она хорошо оплачивалась, то сегодняшней молодой парень ищет себе работу до тех пор, пока не найдет что-нибудь интересное, связанное с творчеством и техникой. В наших заводских условиях это трудно реализовать, даже если мы этого хотим. Мы отстаем в технологическом отношении, это касается и условий труда. Естественно, что современный человек менее склонен к выполнению простой, грубой физической работы. Такое положение не только у нас. Это естественный процесс, который наблюдается у человека с более высоким образованием. Поэтому наша задача состоит в том, чтобы двигать вперед механизацию и автоматизацию, делать рабочие места привлекательнее, технику — интереснее. Однако при наших теперешних условиях на КМК это трудно быстро претворить в жизнь.

Без прикрас и недомолвок рассказывает мне Евгений Демичев, в чем, по его мнению, основные причины трудностей комбината.

— Добыча угля и металлургия относятся к тем отраслям промышленности, которые и сейчас требуют физической работы. Имеются виды работ, которые малоинтересны, не привлекательны. Поэтому они требуют материального стимулирования особого рода. К сожалению, роль такого стимулирования падает.

Раньше горнорудная и металлургическая промышленность прочно занимали второе место в Союзе по уровню зарплаты. Сегодня же металлургия стоит на четвертом или даже шестом месте. Это неправильно. Мы говорим об этом открыто. В официальных письмах в министерство, в Центральный Комитет.

— Каково настроение среди работников, ведутся ли по этому поводу дискуссии?

— Все знают эти проблемы. Они решаются нами по мере того, как поднимаются трудящимися. У нас происходит постоянный взаимообмен информацией: мы информируем рабочих, они нас. На всех заводских собраниях. Трудность состоит в том, что эти проблемы мы хотим решать быстрее, чем можем.

— Какова реакция на это?

— Наши люди в основном дисциплинированы и сознательны, они открыто говорят о недостатках. Мы информируем об этом высшие правительственные и партийные органы, так как мы убеждены в том, что эти проблемы могут быть решены. Например, в 1977 году было принято решение об улучшении условий труда в черной металлургии. В этой связи были предоставлены некоторые льготы. Часть металлургов под эти льготы попала, а другая часть — нет, а работают все они рядом. При таком распределении льгот та часть, которая их не получила, считает себя несправедливо обойденной. Поэтому некоторые ушли с предприятия.

— Сколько работников не хватает сейчас на КМК?

— Много. Если приходит квалифицированный специалист, мы его берем тотчас же.

— Откуда приходят люди, которые вам нужны?

— Дело в том, что они ниоткуда не приходят.

— Работники каких специальностей требуются?

— Да любые. Это еще одна проблема, которая добавляется к другим. Когда не хватает рабочих, то каждый может выбирать работу. Когда речь идет о малопривлекательной работе, которая к тому же оплачивается на уровне других, более интересных и легких, то с какой стати он пойдет к нам?

— Так только в Сибири или по всей стране?

— Насколько я информирован, дефицит рабочей силы особенно остро ощущается в Сибири. В принципе же он имеется повсюду. Поезжайте в Москву, и там вы увидите объявления: «Мы приглашаем на работу...»

Евгений Демичев — инженер-электрометаллург. На производстве работает с 1959 года. Послезавтра он, коренной житель Новокузнецка, празднует свой 42-й день рожде-

ния. Дома. Вместе с женой, которая в институте преподает немецкий язык, и младшей, одиннадцатилетней дочерью. Старшая дочь живет со своим мужем в Ростове-на-Дону.

Ответственности секретаря парткома Демичева не позавидуешь. Хотя новые проблемы кажутся менее драматичными, чем те, которые были при строительстве КМК в первые пятилетки, но именно в этом, наверное, и заключена трудность. Как найти наиболее оптимальное решение, когда существует множество различных вариантов? Что легче: заложить фундамент нового дела или постоянно совершенствовать старое? Кто может с уверенностью утверждать это? Факт же состоит в том, что выросли новые люди, которые соответствуют требованиям времени и умеют брать инициативу и ответственность на себя. Одним из таких людей является Евгений Демичев, это бесспорно. Если раньше партработник, не обладавший специальными знаниями, относился настороженно к специалисту, а последний в свою очередь так же относился к представителю власти, то теперь для партработника Демичева политика и производство составляют единое целое. Он с полным правом может говорить о том, что в принципиальных вопросах никаких разногласий между рабочими, партработниками, специалистами КМК нет. Он констатирует это словами: все — для народа. Однако приводит наглядный пример различного подхода к решению проблемы.

— Возьмем, например, руководство строительством и монтажом, ремонтный цех. Нехватка людей. Планы напряженные. Накапливается много ремонтных работ. Вместе с тем у нас ведется крупное строительство марте-новских печей и строительство стадиона. Обе стройки нужны и задуманы ради людей. Но сил и средств недостаточно, чтобы обе стройки закончить одновременно. По этому поводу возникают разногласия. Профсоюз считает, что людям прежде всего нужен стадион, администрация настаивает на строительстве в первую очередь марте-новских печей. За партийным комитетом последнее слово. И когда решение принято, оно реализуется.

«ЧЕРНОЕ ЗОЛОТО»

Они не смущаются, когда речь идет о том, чтобы затушевать банкротство и использовать при этом громкие рекламные лозунги.

«Мы являемся решающим фактором в снабжении страны энергией».

Гоп-ля-ля, кто это говорит?

«Наша ответственность растет. Сегодня перед нами стоят большие задачи».

Недурно сказано!

«Ответственность вынуждает нас уже сегодня рассуждать категориями завтрашнего дня».

Ах черт, это звучит уже фантастически!

«Каменный уголь возвращается. Добрый старый уголь — подарок ко дню рождения индустриальным нациям, бабушкин домашний очаг, — он переживает еще один ренессанс. Он нам поможет прикрыть энергетические дырки. Мы должны вычеркнуть из наших планов нефть вплоть до следующего тысячелетия».

Так говорят они теперь. Они не стесняются и новое тысячелетие объявлять своим. Хотя в этом столетии почти разорили «подарок индустриальным нациям» — угольные районы на Рейне и в Руре — лишь только потому, что два десятилетия назад максимальный доход они получали от нефти. Теперь же мир узнает от них, что уголь, который тогда вместе с горняками был выброшен на свалку и покрывался плесенью в отвалах, может делать почти все то же, что и нефть. И сегодня мы слышим их алчный, разбойничий шелест: «Хорошо, однако, то, что в земле лежат еще его огромные запасы».

Счастье, думаю про себя, что им не принадлежит море «черного золота» в Кузбассе, с запасами энергии на столетия. К началу 80-х годов, когда межнациональные нефтяные корпорации разорили не только отдельные отрасли промышленности, как, например, угольную, но и целые государства, они заявляют общественности: «Мы должны стать производителями новой энергии».

Что это, ирония? Или непроизвольное признание ошибочности энергетического прогнозирования, которое — благодаря посильной помощи политических и других ма-

рионеток — привело к тому, что в течение последних двадцати лет около 400 тысяч горняков ФРГ потеряли свои рабочие места в шахтах и положили тем самым начало энергополитической дестабильности наших дней?

Или это признание нерадивых господ хозяев, которые теперь, после того как они долгое время утверждали обратное, признают: «Тот, кто сегодня не позаботится о том, чтобы заполнить «ярмарку тепла» углем, а не только нефтью, останется в будущем в стороне»?

«Вперед, обратно в угольный век!» — так звучит рекламный лозунг монополий, которые затевают огромное дело с углем.

В Кузбассе ни один горняк не понимает, как можно было тогда оставить «черное золото» в отвалах и закрыть шахты, чтобы через несколько лет с помощью слов типа «угольный век» водить снова людей за нос. В шахтах «Нагорная» и «Зыряновская» Новокузнецкого бассейна девиз звучит по другому: «Творческая инициатива — дело каждого».

«Нагорная» ежегодно выдает угля больше, чем вся Италия», — писал один летописец города угля и металла. Как и у сталеваров КМК и Запсиба, у горняков «Нагорной» и «Зыряновской» чувствуются то спокойствие и сила, та уверенность и достоинство людей, которые сознают, какие ценности они создают и что их никто не выбросит на свалку.

«Слава труду!» И это не пустые слова. Metallурги и шахтеры здесь повсеместно пользуются уважением.

— В наше время профессия шахтера больше не выделяется только одной высокой зарплатой, — считает Виктор Ерпилев, директор шахты «Нагорная». — Что говорит поговорка? Работа дураков любит. Человек же идет к тому, чтобы больше работать головой, а не мускулами. Он не должен выдыхаться на работе. К этому стремимся и мы на шахте.

Бросаю взгляд вокруг себя. Спокойные, с чувством собственного достоинства люди. Может, здесь собрались только представители дирекции шахты, которые, находясь в этом уютном кабинете, могут позволить себе говорить о том, что человек на тяжелой подземной работе не должен выдыхаться?

Отнюдь нет. Здесь бригадиры Егор Дроздецкий и Рудольф Стахеев, машинист угольного комбайна Юрий Баталин, секретарь парткома Владимир Толмачев, который до своего избрания секретарем работал в бригаде Стахева.

Виктор Ерпилев, энергичный мужчина 1933 года рождения, в 1960 году окончил институт. Он прошел все служебные ступени, прежде чем стал директором «Нагорной». Ерпилев являет в моих глазах новый тип советского руководителя, так как, судя по всему, он не только квалифицированный инженер-производственник, но и ученый, занимающийся теоретическими и практическими исследованиями по облегчению труда горняков за счет большей механизации производственных процессов. Он защитил диссертацию по этой проблеме и стал кандидатом технических наук.

Ерпилев трижды шутя произносит: «Тьфу, тьфу, тьфу», когда начинает рассказывать о шахтерской работе.

— Конечно, работа внизу напряженная. Были годы, когда у нас случались аварии. За последние три-четыре года не было ни одного несчастного случая. В месяц я до десяти раз бываю внизу, в забоях, на различных участках. Это для меня своего рода отдушина, отдых от повседневной текучки, телефонных звонков, бумаг.

О том, что посещение забоя — это своего рода отдых, руководитель может говорить перед рабочими лишь в том случае, когда ясно, что он имеет в виду.

— Это своего рода барометр. Внизу сразу видишь, как человек настроен. Ему вовсе не надо ничего говорить. Его настрой видишь по его поведению. Там получаешь информацию из первых рук, узнаешь сразу, что происходит в действительности.

Когда он, как бы между прочим, говорит о том, что люди у них отличные и что лишь тогда можно добиться хороших результатов, если в коллективе царит хорошая атмосфера, то я могу себе представить, что говорит он это не только для красного словца.

Егор Дроздецкий, Рудольф Стахеев, Юрий Баталин и Владимир Толмачев активно участвуют в нашем разговоре, дополняя рассказ Ерпилева о «Нагорной».

Невозможно так хорошо разыграть чувство коллекти-

визма и товарищества, царящее во время встречи с зарубежным писателем, в этом кабинете шефа, где со стены смотрит Ленин, где говорят о том, что человеку труда недостаточно лишь зарабатывать деньги, что ему необходимо еще и моральное удовлетворение и что он получает наибольшее удовлетворение, когда его предложения превращаются в жизнь.

Может быть, товарищ директор так хорошо говорит о моральном аспекте труда потому, что большинство горняков «Нагорной» имеют свои «Жигули» и «Волги», получают высокую зарплату?

— 500 рублей стабильно, — уточняет Дроздецкий, который говорит о себе немного, ведет себя поначалу даже несколько застенчиво. Он на четыре года старше директора, уже с 1957 года — после службы на флоте — работает бригадиром в «Нагорной».

— Мне сказали, что вы Герой Социалистического Труда? — спрашиваю я Егора Дроздецкого.

— Совершенно верно. С 1966 года.

— За что дают Героя?

— Мы хорошо поработали, установили союзный рекорд за счет механизации труда, значительно перевыполнили норму.

Почему они делают это? Какой стимул? Премии, радость признания? Три бригады, руководимые Дроздецким, Стахеевым и Никитиным, поддерживают высокий уровень добычи постоянно. Другим это не всегда удается.

— Что нас побуждает так работать? — переспрашивает Дроздецкий. — Иначе не умеем, — улыбается он. — Но перекрывать планы возможно только при наличии квалифицированных кадров, хорошей организации труда, напряженной работе. Как говорил уже Виктор Михайлович, мы под руководством собственных специалистов разработали новые механизированные комплексы для наших условий добычи угля. Они работают хорошо. Мы передали их для испытаний в научные учреждения и на другие шахты. Мы считаем, что люди везде одинаковые, будь то на шахте или в институте. Только на производстве человек быстрее осознает, что ему нужно для лучшей работы и как это использовать.

Олег Никифорович облегчает мне работу и в «Нагор-

ной». Он расспрашивает Дроздецкого, когда тот упоминает о своей семье, как зовут его жену и троих детей, или выясняет у Владимира Толмачева, секретаря парткома, что среди 2600 работников шахты 460 коммунистов, что, став секретарем, он потерял в заработке, так как, работая в бригаде Стахеева, получал больше, чем сейчас.

— Избрали. Куда денешься, — отвечает он на мой вопрос.

Ясно, что он пользуется большим доверием у шахтеров, так как сам рабочий и хорошо зарекомендовал себя и как специалист, и как человек, о котором знают, что он может сказать веское слово, если надо чего-то добиться.

Рудольф Стахеев относится к такому же типу людей. Родился на Урале, закончил среднюю школу, затем служба в армии, в 1963 году женился. В 1965-м переехал в Кузбасс, к теще, так как жившая с ней старшая сестра жены умерла. Начал простым шахтером на «Нагорной», затем стал бригадиром, имеет двух сыновей, жена работает в магазине.

Если не знаешь точно, чем занимаются Егор Дроздецкий и Рудольф Стахеев, то трудно догадаться, что сухощавый Егор Иванович и степенный тяжеловатый Рудольф Николаевич имеют одну и ту же профессию. И по интеллигентной внешности Юрия Баталина, 1952 года рождения, самого здесь молодого после Владимира Толмачева, не определишь, что он по профессии горный машинист и — еще более удивительно для нас — что жена рабочего — преподаватель физики в старших классах.

— Возможно, он станет директором, если будет учиться дальше, — говорит кто-то.

Как только я спрашиваю о том, как горняки проводят свое свободное время, и узнаю, что одни охотно ездят на рыбалку, что среди них имеются художники и книголюбы, Виктор Ерпилев, который, как выясняется, сам охотно рисует масляными красками, предлагает:

— Поехали в Дом рыбака. Обменяемся об этом мнениями не в рабочей обстановке. Тем более что через пару дней День шахтера, а план мы свой перевыполнили...

Мы едем не за сотню километров по ухабистой таежной трассе, как в Дом рыбака Запсиба на реке Терсь, а всего лишь семь километров по ухоженной дороге с видом на долину реки Томь, с цветущими лугами и красивым

лесом. Турбаза горняков стоит на живописном склоне на берегу искусственного озера, созданного шахтерами.

Здание из дерева. Оно напоминает альпийский домик, но с сибирскими резными наличниками и, окруженное высокими елями и кедрами, как бы сливается с природой. Рядом строится еще дом — из камня.

Такие турбазы сооружаются и оснащаются, как правило, не строительными фирмами, а самими предприятиями. А они явно отдают предпочтение индивидуальным проектам. Во всяком случае, дома отдыха, санатории-профилактории, которые мне довелось посещать и видеть, своеобразны по стилю и архитектуре, производят в высшей степени приятное впечатление и выгодно отличаются от серийных строительных конструкций домов-близнецов в городах.

В одном из уютных помещений верхнего этажа нам накрывают прекрасный стол. Букеты луговых цветов, фрукты, виноград, привезенный кому-то в подарок самолетом из Алма-Аты, — все это украшает сибирский стол.

Жизнерадостность горняков, которые совмещают свой праздник с нашим визитом, заражает и нас. Тамада берет управление веселой компанией в свои руки, а так как на сегодня мы не планировали больше никаких визитов, то мы охотно садимся за стол и наслаждаемся тем, чем потчуют нас наши радушные хозяева: ярким борщом, нежной рыбой, невесомыми пельменями.

Естественно, что каждый произносит тост, когда его к тому приглашает тамада или когда он просит слова сам. У грузин это может вылиться в своего рода соревнование поэтического мастерства и продолжаться часами, пока не будут рассказаны на новый лад все старые истории и не переданы в традиционном стиле все новые.

Сравнивая с западноевропейскими, по крайней мере с немецкими и английскими, застольными традициями, где едва ли сохранилось искусство застольного рассказа, сегодняшняя трапеза в Доме рыбака под руководством динамичного тамады обставляется так же блестяще, как некогда это обставлялось при дворе короля Артура. Правда, за столом Артура собирались господа аристократы, повествовавшие о своих героических деяниях, совершенных за счет крепостных крестьян, в то время как за нашим столом

собрались люди, живущие не за чужой счет. Егор Дроздецкий заявляет, что он гордится своей профессией и шахтой, и обещает писателю, который пишет о стране горняков, о Кузбассе, что он будет работать в будущем еще лучше; Рудольф Стахеев желает счастья всем рабочим, и прежде всего шахтерам всех стран; Владимир Толмачев желает нам сибирского здоровья и кавказского долголетия.

Сильвели, которая обычно очень сдержанна, дает Олегу, сопровождающему каждый тост в высшей степени оригинальными комментариями, все основания для удивления.

— Я приехала не в страну усмешек, — говорит она, — а в страну сердец, которые растапливают лед. Мое сердце переполнено впечатлениями, которые не уместить ни в одном из наших чемоданов. Я оставляю их здесь, чтобы взять их позже, во время следующего приезда сюда.

— Поэтесса! — восклицают горняки из Кузбасса, который тамада тут же провозглашает «территорией мира и гостеприимства».

Вдруг кто-то вспоминает, что сегодня вечером в преддверии Дня шахтера будут передавать по телевизору записанное на пленку выступление Егора Дроздецкого. Надо посмотреть. Поедете с нами? К Рудольфу? Едем.

Дома у Рудольфа нас встречает удивленная Лариса, его жена, которая, правда, тут же настаивает на том, чтобы мы отведали ее котлеты и жареный картофель.

От сдержанности, которая как-никак наблюдалась во время нашего официального знакомства еще в Доме рыбака, вряд ли что осталось, а у Рудольфа и Ларисы Стахеевых она и вовсе испарилась. Разговор идет на разные темы, становится все оживленнее. Наконец появляется на экране Егор Дроздецкий. Сидящий рядом со мной Егор Иванович с интересом наблюдает за своим выступлением. Некоторые его слова за шумом общего разговора разбираю с трудом.

— Егор Иванович, вы довольны своим выступлением?

Дроздецкий отвечает оживленно, сопровождая свои слова жестами и выразительной мимикой:

— Я шахтер и хочу, чтобы молодежь заинтересовалась моей профессией. Меня спросили, почему не все так работают, как я? Я высказал свое мнение на этот счет. Имеют-

ся недостатки в практической подготовке шахтеров. В ПТУ их готовят сейчас теоретически хорошо, но практики маловато. О молодых инженерах: пока они войдут в курс дела, проходит много времени. Они, например, могут установить механизированный комплекс, но делают это очень медленно и недостаточно качественно. В результате имеется много брака.

Егор Дроздецкий, которого, кроме меня, слушают Олег Прыжков и Владимир Толмачев, раскатывает «р» так, будто хочет переехать зал, заполненный слушателями, но говорит аргументированно, пункт за пунктом перечисляет причины недостатков:

— На некоторых предприятиях не хватает рабочей силы. Почему? Прежде всего потому, что у нас вообще не хватает рабочей силы. Но кроме этого, есть следующая проблема. Люди приходят после военной службы на производство. У нас на шахте дела идут хорошо. Поэтому мы можем брать не всех желающих. Они идут на другую шахту, где работают не спеша. Солдаты привыкли к чистоте. Теперь они приходят на такую шахту, где в душевой грязно, рабочая одежда тоже грязная. Ее не стирают, как у нас, ежедневно. Им не нравится влезать в грязную одежду, столовая тоже плохая, жизненные условия не из лучших. Все это отталкивает рабочих. Они уходят с шахты.

— Это как раз то, что называют культурой производства, — подключается Олег Никифорович.

— Они не хотят работать в таких условиях. Где нет культуры производства, отсутствует дисциплина и не выполняется план, там, естественно, и зарплаты ниже. Все это взаимосвязано.

Олег начинает поднимать проблемы культуры производства на глобальную высоту...

— Кончай агитировать! — шуточно восклицает Толмачев. — Он, наверное, разглаживает все прежде, чем оно помнется? — смеясь говорит он мне.

— Нет. Мы превосходно дополняем друг друга. Он собирает факты, цифры, а я — людей.

— Кстати, о культуре производства, — говорит Василий Колыванов, — много ли вы знаете шахт с настоящей баней и 25-метровым бассейном? Хотите посмотреть?

— Конечно!

Сейчас девять часов вечера. Директор должен быть дома. Короткий телефонный разговор. Завтра утром нас ждут на шахте «Зырянская»...

Юрий Малышев еще молод, родом он из Алма-Аты. Как и Ерпилев, он прошел все ступени, начиная с рабочего, прежде чем занял ответственный пост директора шахты «Зырянская». Первоначально, в 1946 году, здесь планировалось добывать 600 тысяч тонн угля в год, но вот уже несколько лет она составляет 2,4 миллиона тонн, что означает ежемесячно 150 тонн на человека. Это одна из наиболее высоких производительностей труда по стране.

— Текучесть кадров у нас небольшая, — говорит Малышев. — У нас высокие заработки. Социальные учреждения не стыдно показать: установки для ежедневной стирки рабочей одежды, после смены — баня с парилкой, затем бассейн, здесь же санаторий-профилакторий, имеются дома отдыха в лесу, на озере. К счастью, у нас и превосходная, то есть низкая, статистика травматизма и несчастных случаев. Это очень важно для шахтера. У нас уже есть шахтерские династии: отцы, сыновья и внуки. Гордимся мы и тем, что большинство шахтеров — это квалифицированные рабочие с высоким уровнем образования.

— До 30 лет почти все имеют среднее образование, — уточняет Антон Науменко, секретарь парткома. Он подробно рассказывает о подготовке кадров, системе образования, сколько человек учатся без отрыва от работы в школе, техникуме, институте. Говорит, что за 13 рублей рабочие шахты могут пройти месячный курс лечения на всем готовом в санатории-профилактории.

За внешней сдержанностью Малышева скрывается сильная воля и готовность к действию. Направив на нас внимательный взгляд, он говорит вопросительно:

— А почему только разговоры? А что, если нам спуститься вниз?

Повернувшись к Лидии Якуниной, заместителю главного экономиста, он спрашивает:

— А чем между тем займутся женщины?

Сильвели протестует: возможности спуститься в шахту у нее больше никогда не будет.

— Пошли!— решает Малышев, которому явно нравится, когда никто много не болтает, когда каждый знает, чего он хочет.

Все с себя снять вплоть до нижнего белья и носков. Переодеться всем, в том числе, конечно, и женщинам,— а Якунина тоже идет с нами — в полную шахтерскую робу: полотняную рубаху и кальсоны, плотную спецовку, кирзовые сапоги с портянками. На голову — каска с лампочкой, через плечо — килограммовый аккумулятор, и мы готовы.

...Мы не идем в клеть, опускающую шахтеров, а идем вниз вдоль конвейера, поднимающего уголь. 140 метров кажутся бесконечными. Начинают болеть икры ног, как при спуске с крутой горы.

На транспортере тут и там полулежат шахтеры, подымающиеся таким образом наверх. Хотя это и не разрешено. В конце участка — электропоезд с маленькими массивными вагончиками. Садимся. С грохотом едем через штольни. Минуты растягиваются до бесконечности. Там, где опасность, время течет медленнее. Сильвели вспоминает: «Сегодня в Баварии празднуют Вознесение Марии». Поезд останавливается. Выходим.

Дальше снова идем пешком, снова вдоль конвейера, все дальше в глубь шахты. Идти все труднее, мокро, скользко. Время от времени резкий сигнал. Лента конвейера с углем и породой приходит в движение.

Металлические опоры. Все теснее. Сверху сыплется крошка. Потеею при мысли, что было бы, если бы не каска на голове. Ниже под нами светящиеся пятна ламп на касках. Кажется, мы у цели. Сигнал. Что-то случилось. Конвейер стоит. Огромная стальная махина, выбирающая уголь из пласта, затихает. Авария?

Мы ждем, пока Малышев выясняет в чем дело, дает короткие распоряжения. Обидно, что так и не увидим угледобывающую машину в работе.

Обратный путь длится долго. Там и тут мелькают лампочки шахтеров, смена которых заканчивается. Для разговоров нет ни времени, ни места. Людей вокруг мало, почти все механизировано. Наконец, площадка электропоезда. Он ходит каждые полчаса. Ожидающие шахтеры уступают нам место, мы гости. Остановка. Сходим, снова

пешком поднимаемся по крутому проходу рядом с движущейся лентой конвейера.

— Устали? Хотите отдохнуть?— спрашивает, поворачиваясь к нам, Малышев.

Мы киваем.

— Делайте, как я!

Он выбирает место повыше и переваливается на ленту, покрытую кусками угля. Мы за ним. Ложимся на бок, отдыхаем. И вместе с углем поднимаемся наверх.

Снова коридор, в который мы вступили два с половиной часа назад, прежде чем отправиться под землю. Не отвести глаз от огромных светящихся слов: «Шахтер! Помни: тебя ждут дома! Отдыхай разумно! Твой опаснейший враг — алкоголь!»

Последние ступеньки — и мы в раздевалке, откуда приняли старт. Мы снимаем с себя грязное барахло. Бросаем его в кучу. Оно отправляется в чистку в камеры, расположенные под полом. С каким удовольствием идем в баню с парилкой, а оттуда в большой бассейн, украшенный мозаикой и пронизанный солнечным светом!

Рядом с шахтой — профилакторий. Мы получаем кислородный коктейль и несколько экзотических для нас рецептов настоек из трав. А так, собственно, мы здоровы, как и другие люди, принимающие сейчас здесь процедуры вместе с нами.

Шахтеры Виктор и Вячеслав, похожие друг на друга, как братья, вернулись со смены почти в одно с нами время. 34-летний Вячеслав приходится дядей 28-летнему Виктору.

— Почему вы здесь работаете?

— Возможно, по семейной традиции. Мы к этому привыкли. Другая работа нам уже не по душе. Деньги тоже играют определенную роль. С премиями мы зарабатываем в месяц до 500 рублей.

Малышев говорит, что они высококвалифицированные рабочие. Кроме того, на их участке сложные условия труда. Порода пористая, легко крошится, обваливается.

— Чем вы занимаетесь после смены?

— Семьи ждут. Читаем. Телевизор. У нас красивый сад. Сейчас время малины, недавно убрали клубнику. Работа в саду доставляет удовольствие. Иногда мы выезжаем на озеро на «Жигулях».

За час до начала смены они пришли в шахту, в восемь утра спустились вниз, до двух дня работали и около трех они дома.

Мы едем к реке Томь, на пологий берег, откуда хорошо просматриваются расположенные на другом берегу склоны, густо поросшие лесом холмы, где «Зырянская» и «Нагорная» добывают уголь. Саша, шахтер с «Зырянской», приглашает нас прокатиться на моторной лодке. Мы скользим по спокойной воде мимо молодых людей, стоящих в высоких сапогах в воде и забрасывающих удочки против течения. Невероятно. Живая вода в реке, вдоль которой раскинулся один из крупнейших индустриальных городов Сибири.

За нашей лодкой, блещет в лучах заходящего солнца, сходятся волны. Тишина, нарушаемая лишь легким перестуком мотора. Покой. И не верится, что совсем недавно мы спускались в темную преисподнюю, где каждый день обыкновенные люди добывают «черное золото» Кузбасса.

ГОРОД МЕЖДУ ДВУМЯ РЕЧКАМИ

Асфальтированное шоссе уходит в горы, которые многие называют сибирской Швейцарией. Мы приближаемся к Междуреченску, расположенному между реками Томь и Уса, текущими сюда со стороны монгольской границы. Междуреченск стоит на каменном угле. Отсюда ежедневно в различные пункты страны отправляются по железной дороге 100 тысяч тонн угля. Вместе с городом строилась железнодорожная линия из Новокузнецка в Абакан, к богатствам Алатау.

— В Междуреченске восемнадцать лет назад началась моя практика,— вспоминает сопровождающий нас Василий Колыванов,— тогда в нем был всего один каменный дом. С тех пор я здесь ни разу не был.

От Новокузнецка до Междуреченска по здешним понятиям рукой подать, что-то около двух часов езды на машине. За Междуреченском начинаются холмистые районы тайги, которые постепенно переходят в высокогорье. Сегодня в нем проживают сто тысяч человек, в основном молодежь, по обеим сторонам рек разбросаны жилые

дома, магазины, больницы, библиотеки, школы, кварталы личных домиков с садами.

Даже Василий Колыванов, знакомый с этими местами, поражен тем, как вырос город. Его панорама открывается нам на холмистой дороге к разрезу «Томусинский», одному из четырех, где уголь добывается открытым способом.

Мы стоим на краю огромного искусственного кратера, с хорошо видимыми слоями угля. Вокруг слегка посвистывает ветер, поднимая то тут то там черную пыль. Далеко внизу видны словно игрушечные экскаваторы, самосвалы.

— Глубина разреза 150 метров,— говорит нам его директор Борис Крайзман.— Толщина угольных пластов в среднем 23—26 метров. В год добываем более 4 миллионов тонн превосходного угля, из которых 15 процентов коксующиеся.

Величины поистине огромны. А ведь разрез «Томусинский» меньше «Красногорского», где в год добывают семь миллионов тонн.

— Добычу коксующегося угля открытым способом можно встретить только у нас,— довольно улыбается Крайзман.

— На сколько хватит здешних запасов?

— Разведано еще не все. Работы только в нашем разрезе хватит минимум лет на тридцать.

— Горную породу вы тоже используете? Скажем, на строительстве?

— Нет, она для этого непригодна. Ее ссыпают в отвалы, рекультивируют, а затем сажают деревья.

Здесь сдвигают горы, создают долины, в которых начинают затем возделывать различные культуры.

-- Сколько здесь работает людей?

— На разработке ежедневно — тысяча, в три смены по семь часов, с двумя выходными днями.

— Сколько получает рабочий?

— Какую сумму?— уточняет Крайзман.— Зависит от образования и специальности.

— Ну, допустим, на шагающем экскаваторе.

— На нем экскаваторщик получает 450—500 рублей, на меньших — 350—400.

— И что за люди работают здесь?

— Кто откуда. Раньше здесь людей вообще не было. Был непроходимый лес. Я сам из Киева.

Борис Крайзман везет нас на своей «Волге» на дно разреза. Все, что казалось сверху игрушечным, на самом деле огромно. Отдельные детали шагающего супер-экскаватора весят до 30 тонн, 90-метровая поворотная стрела, ковш объемом 15 кубометров, в который спокойно поместилась бы наша автомашина.

Вот уже десять лет живет Крайзман в городе между рек. Его жена Татьяна работает стоматологом в клинике. Дочь Елена — горный инженер и ее муж — тоже горный инженер, сделали его уже дедушкой. Сын — студент в Кемерове — пошел тоже по линии отца. Похоже, что Крайзман относится к людям, создающим здесь свои горняцкие династии. Во всяком случае, он явно из тех, кто пустил в Сибири крепкие корни.

Не секрет, что несмотря на то, что в Сибири к зарплате выплачивается существенная надбавка, что имеются различные льготы, тем не менее переезд людей с востока на запад и с севера на юг интенсивнее, чем в обратном направлении.

И кто знает, останется ли здесь вот эта молодая супружеская пара, фотографирующаяся после бракосочетания с родными и друзьями перед загсом, или вот эти жених с невестой, подъехавшие в украшенной цветами машине с кольцами к памятнику Ленину, чтобы возложить к нему цветы, — останутся ли эти пары в городе между рек?

Этот вопрос, несомненно, волнует Ларису Харчикову, секретаря горкома партии Междуреченска по идеологическим вопросам, одну из первых строителей города, бывшую учительницу русской литературы.

— Город строился комсомольцами, — рассказывает она. — Я тоже приехала комсомолкой из Брянска в 1956 году с группой в двести человек. Это был один из первых строительных отрядов. Некоторые потом уехали, но прибывали новые люди. Из моего отряда почти половина осела здесь. Сейчас готовимся к 25-й годовщине создания города. Хотим поставить новые дома для первых строителей. Это уже не комсомольцы, а матери и отцы, бабушки и дедушки. Они росли вместе с городом. И это

их город. Кто прожил эти годы здесь и строил город, тот уже никогда отсюда не уедет.

— Почему же все-таки некоторые уезжают?

— По разным причинам. Некоторым не подходит климат, у нас все же высокогорье. Другие хотят сразу получить отдельную квартиру, третьи — романтики, им кажется, что здесь им уже нечего делать, что в них нуждаются на настоящих новостройках, там, где начинают с нуля.

— Не заставило ли вас остаться здесь тоже что-то романтическое?

Лариса Харчикова рассказывает о красоте природы ее второй «родины», о душевной теплоте здешних людей и о многом другом, стараясь полнее ответить на мой вопрос, почему же она здесь осталась.

— Знаете, я все-таки живу здесь уже 23 года. Ко мне переселилась мать. Здесь у меня родился сын. Может быть, это и эгоистично, но я чувствую себя здесь счастливой.

Она горда своим сыном, тем, что у него есть характер, потому что он избрал свой путь, а не тот, который она ему настоятельно советовала.

— Да и потом, я немало вложила в этот город при его строительстве как воспитательница в молодежных общежитиях. Хочу безо всякого пафоса сказать, что мне дорого буквально все, что здесь делается. И когда кто-нибудь приезжает и говорит, что это небольшой город, в котором нет ни театра, ни филармонии, и снова уезжает, тогда мне становится больно.

Зато она с удовлетворением отмечает другое:

— У нас сейчас около 11 тысяч пенсионеров. Шахтеры уходят на пенсию в 50 лет. Это же еще крепкие люди. Они получают пенсию, едут на юг, намереваясь провести там остаток своей жизни. И интересно, что многие возвращаются назад.

Почти на всех предприятиях требуются сотни людей — шахтеров, штукатуров, каменщиков, маляров. Деньги на жилищное строительство есть. А вот рабочей силы, подчеркивает Лариса Харчикова, не хватает.

— У кого есть желание трудиться и учиться, кто хочет созидать собственными руками, тот может найти у

нас дело по душе. Мне Междуреченск дорог еще и тем, что здесь прекрасная природа,— добавляет она,— только смотрите и любуйтесь.

Она обращает наше внимание на «Романтику», санаторий-профилакторий для горняков. Здесь 250 человек в месяц имеют возможность пройти курс лечения, поиграть в волейбол, баскетбол, посмотреть кино и театральные постановки, потанцевать в зале с цветомузыкой. Они платят за 24 дня пребывания 16 рублей, а остальную часть 120-рублевой путевки оплачивают профсоюзы. «Романтика», «Фантазия», турбазы и горнолыжные трассы с трамплином, другие базы отдыха и спорта в Междуреченске — пример того, как важно и полезно создавать курорты в Сибири.

Василий замечает, что за зоной отдыха мир цивилизации кончается.

— Там уже нет ни дорог, ни деревень. Сориентироваться может только охотник, таежник. Кто хочет пробиться дальше на юг, тому нужно пробираться на лодке вверх по реке, перетаскивать ее волоком по песчаным отмелям и вдоль берега.

Вечером после ужина мы с трудом отбиваемся от целых роев комаров. Прогулка, которую Олег, Василий и я решили совершить перед сном, оказалась непродолжительной. Мы прошли по асфальтированной дорожке перед домом отдыха до того места, где твердый грунт под ногами кончается. Луны на небе нет, и только фонарь, горящий перед «Фантазией», говорит нам, что заходить далеко не следует, если мы не хотим заблудиться.

Неожиданно я прошу Василия рассказать о себе.

— Я родился в 1941-м...— начинает он.

Существуют годы, которые — стоит только кому-то упомянуть их в какой-то связи — вызывают у меня определенные ассоциации. Для меня, немца, 1941-й год стал ужасным после того, как я из жизни и книг познакомился с тем, что означало коварное нападение на Советский Союз.

— Мой отец был столяром в алтайской деревне Мартыново. В ней жило человек 800,— продолжал свой рассказ Василий.— Мои братья были старше меня. Петр

родился в 1929 году, Николай в 1936-м. Мать погибла вместе с Николаем в феврале 1942 года, во время бурана. Отец был на войне. Мать пошла по делам в соседнюю деревню, в семи километрах от Мартынова. Настала пора возвращаться домой. Но небо стало затягиваться тучами. Ее предупреждали: пережди, будет буран. Как же я останусь, отвечала мать, младший дома один, а ему всего годик. Она надеялась успеть дойти домой до бурана. Но получилось иначе, на полпути ее нагнали ветер и буря. Она держала Николая на руках. Оставив на себе лишь платье, укутала ребенка во все, что сняла с себя, и пристроила его в укромном месте за скалой. А сама побежала назад в деревню. Она была от нее уже недалеко, когда упала. И так и осталась лежать. В пургу ее никто не мог заметить. На следующий день их обоих нашли. Замерзших. Ей было 33 года. Отец вернулся с войны с простреленным легким. В 1949 году он простудился, резко подскочила температура. До Бийска, где находится районная больница, 120 километров. А у нас только амбулатория. Так он и сгорел, в жару.

Я остался на Алтае у старшего брата. Потом жил в детском доме, закончил семилетку. Затем приехал в Новокузнецк, к тетке. Год проработал учеником в автомастерской. Благодаря хорошим оценкам на экзаменах поступил в техникум в Осинниках. Окончил его и работал четыре года техником на строительстве, в том числе в Междуреченске. Но учебу я бросать не хотел. После службы в армии поступил в педагогический институт в Новокузнецке, стал учителем физики, а в 28 лет — директором школы. Работал, потом меня рекомендовали на учебу в Новосибирскую партийную школу. После ее окончания был направлен в Новокузнецкий горком.

Василий Кольванов убежден, что без Советской власти такой судьбы у него не было бы.

Глубже всего в душу мне запали слова Василия о женщине, которую он не помнит, а знает только по рассказам родственников. «Она была сильной. По-моему, оптимизм мне передался от матери»...

Татьяна Ткачева — машинист башенного крана из Междуреченска — самый молодой депутат Верховного Совета СССР. 24-летняя Татьяна была выдвинута кандидатом в

депутаты коллективом завода крупнопанельного домостроения, где она работает.

— У нас занято около 800 человек,— говорит Татьяна Ткачева.

— И сколько среди них мужчин и женщин?— спрашиваю я.

Сегодня воскресенье и депутат пришла на встречу с нами вместе со своим мужем Александром. Она высока и стройна, ее волосы светло-золотистого оттенка уложены пучком назад, красивое открытое лицо, серо-зеленые глаза. На ней коричневый костюм со значком депутата и ярко-зеленая блузка.

— В основном мужчины.

— То есть вас выдвигали в основном мужчины?

Татьяна Ткачева начинает заразительно улыбаться, бросает взгляд на Александра, понимающего, что его жена красива.

— По-видимому, так. Во всяком случае, на общем собрании.— И шутливо добавляет:— Но агитировали за меня девушки.

Татьяна Ткачева родом из поселка Берензас, расположенного неподалеку от Мысков, древнего центра шорцев, находящегося между Новокузнецком и Междуреченском. Родители работали в леспромхозе. В 1961 году вместе с родителями и старшим братом она приехала в Междуреченск, который только еще начинал строиться. Закончив ПТУ, стала работать в 1973 году на домостроительном комбинате крановщицей, сохранив эту профессию до настоящего времени. Сейчас поступает в строительный техникум.

— Сегодня сдала экзамен по математике,— говорит она. И мы поздравляем ее.

Ее муж, Александр Ткачев,— водитель междугороднего автобуса. Человек спортивного сложения, с широкими плечами, большими сильными руками, густыми русыми волосами, серовато-голубыми глазами. Он на два года старше Татьяны. Родился в Харьковской области в 1952 году в семье киномеханика, в 1954 году переехал с родителями в Кузбасс. Еще парнишкой полюбил автовождение, и профессия водителя ему явно нравится до сих пор. Александр работает четыре дня подряд, совершая

поездки из Междуреченска через Новокузнецк и Прокопьевск в Белово. Пятый день выходной. Он приносит домой около 300 рублей, Татьяна получает как крановщица 130 рублей в месяц. Наташе — их дочери — четыре с половиной года.

Можно предположить, что профессия того и другого не оставляет достаточного количества свободного времени для обоих. И уж тем более, если учесть общественные дела, которые по-разному воспринимаются разными людьми, но все же сказываются на каждой семье.

— Вы очень обрадовались, Александр Павлович, когда Татьяна сообщила вам о возможном выдвижении ее кандидатом в депутаты?

— Как сказать? Татьяну выдвинули... Наверное, это нормально. Что я должен был делать — не разводиться же, — смеется он. И уже серьезно добавляет: — Конечно, мужем депутата быть нелегко. Ответственности и у меня прибавилось.

— Я попросила время на обдумывание, — говорит Татьяна. — Нам нужно было вместе основательно поразмыслить.

Их свободное время и совместный досуг, конечно, ограничены. Иногда Саша в разъездах, а Татьяна дома, другой раз он свободен, а она либо на предприятии, либо занята своими депутатскими обязанностями.

В первую пятницу каждого месяца Татьяна Ткачева принимает избирателей в исполкоме с 17 до 19 часов. К не приходят за советом, помощью как по личным делам, так и представители организаций, желающие, чтобы она их выслушала и помогла.

— Обычно ко мне приходят, когда в других инстанциях не помогли.

Кроме того, Татьяне Ткачевой приходится отвечать на письменные просьбы, запросы и предложения. Работы много. Приходится вникать в разные вопросы, консультироваться со специалистами. На свою первую сессию в апреле этого года она отправилась вместе с Сашей. Это была их первая поездка в Москву.

Наша встреча непродолжительна. Нам нужно возвращаться в Новокузнецк. Мы прощаемся.

Что же заставляет Татьяну отдавать делу столько сил?

Честолюбие? Жажда славы? Нет, этого не скажешь ни о ней, ни о Саше. Властолюбие? Глупо, да и бессмысленно было бы говорить об этом. Лариса Харчикова, которая познакомила нас с Татьяной, говорит, что просто Татьяна хорошо работает, что она комсомолка, умная, серьезная молодая женщина. Были и другие кандидатуры. Но выбор пал на нее, и никто не ошибся.

Такой осталась в моей памяти встреча с Татьяной Ткачевой — молодой работницей, ставшей государственным деятелем, достойным депутатом высшего органа власти страны.

В ПЕРВЫЙ РАЗ

«Не верь тем, кому больше 30 лет. Никому!» Кто этот девиз изобрел, я не знаю. Это звучало так убедительно. Наше недоверие к отцам росло тем больше, чем старше мы становились. Отцы молчали, как тугоухие старики, но были при этом молодыми. Что им было скрывать? Страх? Долг? Преступление?

Еще в 50-х годах многие из нас, молодых немцев Западной Германии, учившихся в школах и институтах, верили в то, что старшие так глухи к нашим вопросам потому, что они, мол, ничего не знали. Это звучало действительно убедительно: кому за тридцать, тот не справился с жизнью. Мы к этому не имеем никакого отношения, мы будем действовать по-другому. Лучше.

Голоса тех, кто под воздействием личного жизненного опыта оказывал сопротивление, нас — в школах и университетах — не достигали. Старшее поколение, которое молчало или замазало свастику «свободой и демократией», воспитало беспомощную молодежь в духе политического воздержания или приспособления к «экономическому чуду». И старшие промолчали снова, когда в 1953 году запретили Союз Свободной Немецкой Молодежи, а в 1956 году — Коммунистическую партию Германии — те организации, в которых отцы и дети принесли наибольшее количество жертв в борьбе против фашизма и войны.

Прошло немало времени, прежде чем мы открыли для себя борцов Сопротивления. Часто встреча с теми, о ком в книгах, рекомендованных нам для чтения, не писали, бы-

ла чистой случайностью. Заверения о преодоленном прошлом в моей стране кажутся мне тем более сомнительными, чем больше времени отделяет нас от двенадцатилетнего фашистского господства в Германии. Я имею в виду не то, что в Федеративной Республике Германии не может быть и речи о каком-то преодолении прошлого. Я имею в виду позицию, которая сводится к тому, что в определенное время историю можно закрыть и сдать в архив, как это делают архивариусы от власть имущих. При этом неоспоримым остается и то, что архивы израненной и упущенной жизни распечатываются лишь со временем. И количество объяснений, с помощью которых современнику пытаются ответить на то, почему случилось именно так, как это случилось, значительно меньше, чем количество извинений, оправданий или приукрашиваний.

Не верить тем, кому за тридцать? Какое заблуждение! Скольких обходных путей мы избежали бы, если бы сразу нашли то, что отличало друг от друга наших отцов, и сразу же исследовали, по какому пути мы можем уверенно строить свою жизнь. Но для этого мы были слишком наивными, а наши отцы, стоявшие у власти, не хотели или не могли объяснить старые противоречия.

Теперь мы сами отцы и нам уже тоже за тридцать. Что делаем мы, чтобы избежать еще больших катастроф? Как мы готовимся к завтрашнему дню? Есть ли примеры, на которых можно учиться не только избегать ошибок, но и строить свою жизнь достойным образом?

«В Кемерове вы встретите интересного человека, — сказал мне Юрий Жуков в Москве в редакции «Правды» перед началом путешествия. — Шнапир был делегатом III съезда комсомола. И там же развертывалась самая интересная глава из истории интернациональных бригад в Кузбассе. Может быть, Шнапир еще жив и расскажет вам об этом».

Конечно, я жаждал узнать что-то новое именно об этой главе, после того как в мой первый приезд в Новокузнецк я познакомился с итальянским рабочим Альфредо Маури, которому удалось уйти от смертного приговора в Италии Муссолини и которому какими-то сложными путями и при

посредничестве Луиджи Лонго удалось добраться сюда и получить работу на КМК. Ветераны КМК рассказывали мне и о немецких рабочих из Рура, которые в начале 30-х годов прибыли на Кузнецкстрой.

— Мы восхищались, когда немцы пели наш национальный гимн, — сказал мне Ефим Мостовский. — Гимном Советского Союза был тогда «Интернационал».

Когда я спросил у Юрия Жукова, имеет ли он в виду именно эту главу интернациональной солидарности, то ответил: «То, что я имею в виду, началось десятилетием раньше; для работы в Кемерово прибыли почти исключительно американские рабочие. Ленин энергично поддерживал проект автономной индустриальной колонии».

Однако Самуил Шнапир рассказывает мне сегодня совершенно о другом. История «Автономной индустриальной колонии Кузбасс» («АИК-Кузбасс») ему известна, но он не был ее членом. В Кемерово экономист Шнапир переселился лишь в 1948 году.

Студенты Кузбасского политехнического института, где происходит наша встреча, приветствуют 76-летнего Шнапира, как своего. И о том недоверии, которое многие пожилые люди в Федеративной Республике Германии испытывают по отношению к студентам и университетам, здесь не может быть и речи.

Шнапир явно чувствует себя хорошо среди молодежи: в вузах, как и в школах, куда его, как одного из немногих оставшихся в живых делегатов знаменитого съезда комсомола, часто приглашают для выступлений, он не чувствует себя чужим. И вообще во всей стране является само собой разумеющимся делом приглашать ветеранов труда для выступления перед молодежью. Молодежь очень интересуется тем, что они рассказывают о своей жизни и жизни страны.

— Это очень любезно со стороны Жукова, что он помнит меня. Мы встречались в начале 30-х годов на стройках первой пятилетки.

Шнапир вспоминает о том, как все это начиналось, как, не пугаясь трудностей, они работали в невероятном темпе.

— Знаете, это был ответственный момент. Мы встретились с Лениным второго октября 1920 года. Страна была в разрухе. На юге — Врангель, на западе — белопольские

войска Пилсудского, вооруженные Антантой. Итак, Ленин выступал в этой опасной ситуации перед рабочими. Вся его речь была посвящена рассмотрению империализма и его целей, направленных на то, чтобы задушить Советскую власть еще в колыбели. Он говорил перед рабочими о том, как надо помогать Красной Армии. Обута наша армия была в лыковые лапти. Целая область была призвана изготовить два миллиона штук лыковой обуви.

Это было в 12 часов дня. А вечером, в 8 часов, Ленин приходит к молодежи и говорит так, будто дневной речи и не было. Врангель забыт, забыты Пилсудский и все империалисты — да, забыты, хотя ближайшая задача состояла в том, чтобы сорвать наступление противника... Почтайте речь! В своей речи на III съезде комсомола он не сказал ни одного слова о генерале Врангеле, о панской Польше. Ни слова об империализме. Только совершенно простые слова о том, что пока мы — единственное государство рабочих и крестьян, поэтому в любой момент можем ожидать нападения капиталистов. И при этом ни одного слова о Красной Армии. Это была речь не о текущем дне, а о будущих десятилетиях. Эта речь была издана на 84 языках. Миллионными тиражами. Своего рода завещание молодежи.

Максим Горький — он очень хорошо знал Ленина — сказал, что Ленин одной половиной своей души жил в будущем, а другой был связан с повседневной работой. Он отвечал на все наши вопросы. Но в его речи не было ничего воинствующего. В этом — весь Ленин.

Когда оглядываешься назад и спрашиваешь себя, какую ориентацию получила молодежь, то понимаешь, что Ленин поставил перед ней созидательную задачу: учитесь, чтобы вы смогли построить коммунизм. Впервые в истории человечества глава большого государства пришел к молодежи и сказал ей: вам сейчас 15—16 лет. Всю свою жизнь вы будете строить коммунизм, это будет цель вашей жизни, вы будете помогать партии и правительству в строительстве коммунизма. Возможно, у него был конспект речи, но он не придерживался его, он говорил свободно, это произвело на нас большое впечатление. Ленин был глубоко убежден в том, что сидящее перед ним поколение справится с задачами. Он говорил и для своего поколения. Кому теперь пятьдесят, говорил он — ему как раз исполнилось 50 лет, —

того скоро не будет. Для них достаточно будет, если они заложат фундамент, освободят землю от господства капиталистов и помещиков. Это наша задача. Вы же будете строить коммунизм.

Неожиданно в комитет комсомола, где Самуил Шнапир рассказывает мне чрезвычайный момент встречи с Лениным, входят несколько студентов, комсомольских активистов. Мы с ними до этого встречались в кабинете ректора института вместе с профессорами. Являются ли они одними из тех, кто строит коммунизм? Они такие же убежденные, как и 16-летний Шнапир 60 лет назад на встрече с Владимиром Ильичем? Или, усевшись в готовое гнездо, молодые люди не хотят ничего знать о том, как начиналось все то, чем они сегодня пользуются? Имеются ли у них основания сомневаться в отцах? Я этого не знаю. Но я так не думаю, нет. Ведь то, что говорит Шнапир, помогает устранить все сомнения.

— Нам было нелегко расстаться с нашими мечтами, — продолжает он. — Нам угрожали враги, и мы рвались в бой. А Ленин сказал нам: надо учиться! Почитайте его речь. Он говорил: «Мы хотим Россию из страны нищей и убогой превратить в страну богатую». Такие простые слова. Понимаете? Когда мы встречались с Лениным, Советская Россия производила один процент от производства стали в США. А сегодня? Мы их обогнали.

Вошедшие студенты дружески и в то же время почтительно кивают Самуилу Шнапиру. Озадаченно смотрю я то на него, то на них. Они знают друг друга? Но в этот момент это несущественно.

Шнапир относится к поколению дедов, студенты — к поколению внуков, а я? Я принадлежу к поколению отцов, которые здесь, так же как и у нас, работают, и которых, возможно, однажды спрашивали, для чего они работали, знали ли они, откуда пришли и куда шли? Знали ли они об этом так же точно, как о том может рассказать Самуил Шнапир? Особенно о встрече с удивительным человеком и государственным деятелем — Владимиром Ильичем Лениным, который в то время, когда многие сомневались, смогут ли они продержаться в этой борьбе не на жизнь, а на смерть, предвидел и мечтал о будущем.

Здесь впервые в истории стала реальной преемствен-

ность идеалов, в то время как в Германии почти в то же самое время эта преобладающая была нарушена, после того как была кроваво подавлена Ноябрьская революция 1918 года и в почву национализма были заложены первые клинья гитлеровского фашизма.

Спустя немного времени, после того как Самуил Шнапир слушал устремленные в будущее слова Ленина, к Советскому правительству обратились голландский коммунист, горный инженер Себальд Рутгерс, активный деятель английского рабочего движения Том Баркер, основатель американского профсоюза «Индустриальные рабочие мира» Герберт Кальверт и американский профсоюзный лидер Билл Хейвуд с предложением основать в Кузбассе колонию иностранных рабочих и специалистов. Они хотели оказать помощь в строительстве новой жизни.

Рутгерс писал: «Кемерово! Там помощь будет эффективной. Перспективная шахта и фабрика. Прямая железнодорожная линия до Урала. Подходящее место для колонии. Лучшего места не найдешь. Красивая речка. Кедровый лес, грабы и плодородная земля. Да, да, штаб-квартира будет в Кемерово. Что нужно в первую очередь? Жилье. Сначала мы построим деревянные бараки. Потом мы пригласим квалифицированных горняков и специалистов по коксованию из Америки и Германии. В Россию хотят приехать многие. Мы ввезем машины и другую технику, механизуем шахты, расширим фабрику и создадим образцовое предприятие».

С такими предложениями Рутгерс обратился непосредственно к Ленину, который сразу же откликнулся. 19 сентября 1921 года Владимир Ильич писал секретарю ЦК РКП(б) Валериану Куйбышеву:

«...У меня сейчас были

Рутгерс,
Кальверт
и Хейвуд,

представители группы американской рабочей колонии, желающей взять Надеждинский завод и ряд предприятий в Кузнецком бассейне.

Они просят, чтобы их представитель (с переводчиком)

лично был в СТО в пятницу. Я думаю, это надо разрешить...»

В конце ноября 1921 года по договору с Советским правительством была создана «Автономная индустриальная колония Кузбасс», сначала для восстановления Кемеровского района, а с 1924 года и всего Кузбасса. Группа получала собственное управление, для покупки машин и оборудования Советское правительство предоставило в ее распоряжение 300 тысяч долларов.

Условия в стране тогда были необычайно тяжелыми. По договоренности иностранные рабочие на первые два года привозили или обеспечивали себя продовольствием и одеждой самостоятельно. В январе 1922 года прибыла первая группа в 17 человек, к лету уже насчитывалось 175 колонистов. Они ремонтировали и строили дома, общежитие, организовали хорошее подсобное хозяйство. У них имелись первые в этом крае тракторы, которые использовались на всех работах: от обработки земли до транспортировки грузов. Автономная индустриальная колония постепенно набирала силу. Кроме шахт, коксохимического завода и других предприятий, в колонию входила крупная сельскохозяйственная ферма. Восстановление и индустриализация Кузбасса были поставлены на прочную основу. Строился город Кемерово, заводы, школы.

В начале 20-х годов в США царила массовая безработица. Многие последовали призывам Себальда Рутгерса, Тома Баркера, Билла Хейвуда и Герберта Кальверта работать в АИК. Стремясь удержать рабочих от этого, «Нью-Йорк таймс» и другие американские газеты начали злобную кампанию. Чтобы шире информировать американских рабочих о делах их товарищей в Советской стране, Организационный комитет автономной колонии стал издавать в Нью-Йорке специальный бюллетень «Кузбасс».

Первый номер бюллетеня вышел в мае 1922 года и открывался статьей директора правления «АИК-Кузбасс» С. Рутгерса. Рассказывая в ней о целях и задачах автономной индустриальной колонии, он в то же время подчеркивал, что «тот, кто не верит в Советскую республику, тот должен остаться дома, так как Кузбасс — место для упорной работы, это — экономический фронт против капитализма».

Эрна Грунд, сегодня детский врач в Кемерове, дочь Франца Грунда из Нью-Йорка, а точнее — из известного своей нищетой его района Бруклина, вспоминает об этом по рассказам отца, скончавшегося несколько лет назад.

— Мой отец был членом Интернационального союза рабочих, коммунистом с 1921 года. Это было рискованно. Многие из-за этого были осуждены на 20 лет тюрьмы, как, например, Билл Хейвуд. Мой отец был в составе второй группы, которая последовала приглашению Ленина. Они приехали летом 1922 года.

Доктор Грунд волнуется, когда рассказывает об отце.

— Был подъем интернационализма. — Она достает фотографию. — Это порт. Они грузились на пароход для отъезда в Россию. Красной материи не нашлось, и вот видите, отец поднял над головой большой красный платок. Когда американские рабочие прибыли сюда, то они привезли советским коллегам свой подарок — 300 долларов, которые они собрали. Это были трудовые деньги. В течение двух лет они отказались получать зарплату. Они жили на свои сбережения и за счет общественного фонда.

Отец рассказывал, — Эрна Францевна судорожно проглатывает застрявший в горле комок, — что они взяли с собой консервы, сухари, сахар, мыло... запаслись мукой, сушеным луком, морковью, картофелем. А главное, инструментами... Каждый знал, на что он идет, какие трудности их ждали. Правда, они не могли представить себе всю разруху страны.

Эрна Грунд живет с матерью, с которой Франц Грунд познакомился в Кемерове. Многое знает она об отце со слов матери, многое от самого отца, который рассказывал ей о своей жизни в Америке, когда она была еще ребенком.

— Нельзя сказать, что все поголовно разделяли интернациональный энтузиазм моего отца. Нет. Некоторые рассчитывали быстро заработать много денег. Но мой отец, знаете, мой отец вынужден был работать с 11 лет. Он работал там, где была работа. Работал даже на Кубе. Он познакомился со всей тяжелой долей рабочей жизни того времени. Он был пролетарием, поэтому и поехал в первое государство пролетариев. Здесь он получил образование, стал инженером.

Эрна Грунд почти не улыбается во время нашего разговора за чашкой чая в гостиничном номере.

— Отец был очень одаренным человеком, он был хорошим человеком. Извините, что я перескакиваю с одного на другое. Я старшая дочь, было очень, очень тяжело потерять его. Мать — тоже член КПСС, она думала и боролась так же, как и отец. И сестра, преподаватель английского языка, скоро будет вступать в партию. Знаете, мы стараемся быть такими, каким был отец.

С болью вспоминает она отчуждение родителей отца.

— Когда он в США вступил в Союз рабочих, — Эрна Грунд говорит вдруг нечто такое, из чего любой, кто хотел бы исследовать проблему недоверия между отцами и сыновьями, может извлечь то, что причины этого лежат не в простом конфликте поколений, — мать и отец его прокляли. Когда он приехал в Советский Союз, они прервали с ним всякие связи, никогда ему не писали, не ответили ни на одну открытку, ни на одно письмо. При этом родители моего отца были простыми людьми.

Лишь единственный раз во время нашего разговора Эрна Грунд расслабляется, улыбается.

— Когда кто-то стал утверждать, что в США каждый якобы может иметь собственный автомобиль, отец ответил: «У меня никогда не было даже игрушечного автомобиля. В нашем доме в Бруклине можно было отапливать только кухню. Там стояла печка. Зимой мы собирались в кухне, прежде чем ринуться в спальную комнату»...

Полное имя Эрны Грунд — Эрнестина. Так ее называли в честь Эрнста Тельмана. Потому что рабочий из Бруклина и его спутница жизни из Кемерово хотели таким образом пронести в новом поколении идеи мира и пролетарского интернационализма.

ГЕНЕРАЛЬНЫЙ ДИРЕКТОР

Во всем городе сегодня праздник. Как по заказу небо перепоясали легкие белые ленты облаков, а темнеющая голубизна отливается в алых стягах, украшающих улицы и площади. Кемерово празднует День шахтера, который в Кузбассе отмечается особенно торжественно.

Мы приглашены секретарем горкома Галиной Маль-

цевой на праздничный концерт, который состоится вечером в филармонии. Дети и подростки, женщины и мужчины всех возрастов снуют в партере и на балконах. Места в президиуме заняли представители предприятий и общественных организаций. На многих из них известная в шахтерских районах всего мира форма — черный костюм с позолоченными петлицами и пуговицами, на обшлагах пиджака скрещенные молоточки, белая рубашка и черный галстук.

Настроение у людей хорошее, выглядят они прекрасно, в то время как мы, уставшие и разбитые, почти что засыпаем в креслах. У собравшихся здесь людей праздник длится один день, и, может быть, они прихватят еще сегодняшнюю субботнюю ночь, а у нас праздник продолжается с тех пор, как мы выехали из Москвы. Каждый день новые люди и новые впечатления. Причем без перерыва. Усталость давит свинцовым грузом. Учитывая то, что сегодня все настроены на долгое празднование, мы твердо решаем уйти после концерта в гостиницу, закрыться на все засовы и спать, спать.

— Прошу прощения, — высокий мужчина в шахтерской форме, который только что выступал с трибуны, сидит перед нами в ряду партера и, повернувшись к нам лицом, говорит: «Вы сегодня наши гости».

Услышав слово «гости», готовлюсь к обороне. В проходе появляется улыбающаяся Галина Мальцева

— Это Лев Моисеевич Резников. Он приглашает вас к себе. Он — генеральный директор шахт Кузбасса.

Ужас. Сам генеральный директор. Никакие отговорки здесь не помогут.

— Мы заедем за вами сразу же после окончания концерта. Мы поедем за город.

Об усталости измученных вконец гостей генеральный директор, видимо, не подозревает.

— А вы согласитесь ехать с такими трупами, как мы, Лев Моисеевич?

— Понимаю. Выдохлись. Именно поэтому вам лучше всего ехать вместе с нами. В кедровый лес. Тишина и покой. И вообще у нас свободный режим, — говорит Резников.

В характере Льва Резникова есть что-то властное, что,

однако, не связано с его высоким служебным рангом. В конце концов, я ведь не работаю в объединении «Кузбассуголь». Голос у него приглушенный, густой и в то же время мягкий. Уверенность и жизненная сила этого человека, которому я только что хотел сказать решительное «Нет, благодарю», меня подкупают. С открытой доброжелательностью и лукавым юмором он кладет конец всем нашим колебаниям: «Поехали. Режим у нас свободный!»

— Хотите посмотреть, как живет генеральный директор?

Вопросов нет. Лев Резников, пожелавший освободиться от парадной формы шахтера и переодеться перед поездкой в лес, приглашает нас к себе.

Обычный дворик с деревьями, кустарниками, цветочными клумбами, окруженный со всех сторон кирпичными жилыми домами. Квартира генерального директора находится на втором этаже. Лифта в доме нет.

Сильвели и я обмениваемся многозначительными взглядами. Мы живем в старом доме, постройки 1907 года. Пять комнат, кухня и ванная. Неудивительно, что приезжающие к нам из Советского Союза гости обычно говорят: «Да у вас тут прямо княжеские хоромы». При этом они даже не подозревают, что большая квартира в старом доме стоит подчас вдвое дешевле, чем небольшая квартира в новом.

Квартира генерального директора больше, чем квартира Рудольфа Стахеева, бригадира шахты «Нагорная» в Новокузнецке, но она меньше нашей квартиры в Мюнхене, которую мы, правда, в любое время можем потерять, если дом будут сносить.

По сравнению с запросами промышленных магнатов Рейна и Рура эта квартира не дает ни малейшего повода полагать, что здесь живет генеральный директор. У стены стоит софа, покрытая ярко-красным ворсистым синтетическим покрывалом. Высокая темная полированная стенка. Большой ковер фабричного производства. В середине комнаты стол и стулья. На журнальном столике вазы с пышными гладиолусами. Накануне Льву Моисеевичу исполнился 61 год. Пока генеральный директор переодевается, нас принимает Лидия Петровна, его жена. Она ставит на стол подносы с виноградом, яблоками и грушами, приносит фужеры и бутылку шампанского.

На софе сидит внучка. Ее, как и бабушку, зовут Лида. Сильвели жестом приглашает маленькую Лиду сесть рядом с собой. Она без промедления соглашается. Садится вместе с ней на один стул. Сильвели придерживает ее. Лида смотрит на нее с полным доверием, кладет свою руку на ее колено.

В машине она тесно прижимается к Сильвели, обнимает ее, крепко держится за нее в течение всего пути вдоль правого берега Томи, ведущего в кедровый лес. Друг с другом они почти не говорят. Ни на каком ином языке, кроме языка внезапно появившейся симпатии и доверия, они разговаривать не могут. Сильвели, которая еще в большей степени, чем я, чувствует усталость и с первым попавшимся самолетом готова улететь домой, заметно взбадривается, маленькая Лида как бы вдохнула в нее новые силы.

А дедушка Лев, сын Моисея из Днепропетровска, тем временем выступает в роли рассказчика. Он рассказывает о шахтерах, о чудесном воздухе в кедровом бору, о своем с женой полном приключений переезде во время войны с Украины в Сибирь.

— Когда мы сюда приехали, то несколько лет жили в бараке.

— Почему вы сюда приехали, Лев Моисеевич?

— В 1941 году я лежал в днепропетровском госпитале. Вышло из строя правое легкое. Врачи и даже мать уже не надеялись, что я выживу. Мать работала врачом. В больнице, как всегда, было тихо. В том числе и утром 22 июня. В 12 часов дня Молотов объявил по радио, что на нас напала Германия.

За Томью полыхает вечернее небо. Погода, видимо, переменится. Лидия и Сильвели нежно обнимают друг друга. Слышны только легкое гудение мотора «Волги», которую ведет шофер Саша, и голос Льва Моисеевича

«— Всем было приказано эвакуироваться. Всем без исключения. Я едва держался на ногах. Мы переехали в Донецк, который тогда назывался Сталино. Немцы следовали за нами по пятам. Я находился где-то на грани между жизнью и смертью. Седьмого октября меня выписали из госпиталя. Я едва стоял на ногах. Мне хотелось жить. 13 октября в Сталино вошли немцы.

Лев Моисеевич, которому тогда было 23 года, сидит

впереди меня рядом с Сашей. Спокойный, мягкий, глубокий голос. Отрывистые фразы. Иногда он поворачивается ко мне лицом.

— Куда же мне было ехать? На восток. Понимаете? Он на некоторое время умолкает.

— Я познакомился с Лидией Петровной в пути. Она работала секретарем комсомола в Сочи. В санатории «Красный директор», принадлежавшем Сталинградскому тракторному заводу. Понимаете? Лида сопровождала старых большевиков. Все, кто хотел остаться в живых, уходила на восток. Все равно как. В товарных вагонах, на автомашинах, на лодках через Каспийское море. Только на восток.

Лида мне понравилась. Пошли к ее отцу. Он сразу не поверил. Этот шалопай бросит тебя, сказал он ей. Но мы ведь поженимся, сказала она ему. В приданое он дал ей 50 копеек. Смотри, когда у него исчезнет этот последний полтинник, он тебя бросит. Поезд с беженцами был переполнен. У нас было всего-навсего два старых чемоданчика. На одной из станций я решил купить поесть. На 50 копеек. Больше у нас не было. Было очень холодно. Магазин там, за углом, сказали мне на станции. Но магазина я не нашел ни за первым, ни за вторым углом. Когда прибежал обратно, поезд уже ушел. Лидия Петровна, видимо, подумала, что отец был прав, шалопай. Я бросился на отходящий товарный состав. На следующей остановке я начал искать поезд, в котором ехала моя жена. Но не нашел. Так продолжалось до Новосибирска. Кругом давка. Пассажирские, товарные поезда, перроны, вокзалы. Страшная кутерьма. Я искал в основном на перронах. И вдруг, что я вижу? На фибровом чемоданчике сидит женщина. А рядом с ней вроде бы моя картонная коробка. Женщина сидела, подперев рукой голову. Я подошел, окликнул. Не горюй, я снова здесь. Это была, конечно, чистая случайность. В то время мы могли бы разлучиться надолго. Может быть, навсегда.

Но мы все же добрались до Кузбасса. Еще до наступления зимы.

Было принято мудрое решение. Те, кто не закончил учебу в горном институте на Украине, могли продолжать учебу дальше. При сохранении полного оклада. В то время это было нелегко. Понимаете?

Лев Моисеевич поворачивается ко мне, его «понимаете» требует согласия.

— Я закончил горный институт в Прокопьевске. С тех пор живу в Кузбассе, занимаюсь горным делом. Был рабочим, мастером, начальником отдела, инженером, главным инженером, директором шахты, руководил трестом в Киселевске, 15 лет как генеральный. Кузбасс я знаю. Понимаете?

Лев Резников продолжает говорить. Времени на обдумывание он не оставляет. Смеется он всем лицом. Вдруг, несколько неожиданно, он говорит:

— Сибирь не любит пессимистов. Понимаете?

— Понимаю.

— Я был председателем областного общества боксеров. Слушай, Лида, ты уже спишь?

— Нет, дедушка.

— Уж если поехала, то не спи.

Лида смотрит на Сильвели, целует ее в щеку, она счастлива.

Кедровый бор. В вековом лесу, на холмистой возвышенности стоят несколько современных санаторных домов. Центр отдыха горняков.

— Дышите глубже! Это полезно для сердца и легких.

Маленькая Лида берет Сильвели за руку. Ей здесь все знакомо, она ведет нас в номер. Спальня, гостиная, душ и туалет, в углу телевизор.

— Спать будете крепко, — обещает нам Лев Моисеевич.

Вряд ли кто из нас усомнится в его словах.

Утром начинает моросить мелкий дождь. После завтрака мы идем на озеро, катаемся на лодках, фотографируем. Лида и Сильвели, подобно влюбленной парочке на картинах романтиков, идут тесно обнявшись друг с другом по кедровому лесу. Лида собирает кедровые шишки и выбирает из них приятно пахнущие и вкусные орешки.

Только два часа, как мы гуляем по лесу, а уже опьянены озоном и чувствуем приятную усталость. Лев Моисеевич рассказывает о том, как важны контакты с людьми.

— Главное говорить с человеком с глазу на глаз. Ориентироваться на то, что он говорит на собраниях, нельзя. Ведь на собраниях как? Сначала думаешь, что сказать, а

затем говоришь то, что говорить не собирался. Причем говоришь не самое главное. А с глазу на глаз сразу видишь, что у кого болит. Но получается такой разговор тогда, когда есть доверие, уважение друг к другу.

После прогулки по мокрому от дождя подлеску мы обедаем в маленьком зеленом домике. Из окна открывается вид на размеренно текущую Томь. Несколько фигур на пляже, закутанные в одеяла, присели у костра.

В нашей комнате потрескивают в печи березовые поленья. На столе — цветы, миска с дымящимся борщом. Лида-маленькая записывает Сильвели песню, которую она исполняла, песню о судьбе, с которой мы справимся, о том, что мы разгоним над землей облака, которые мешают людям жить и любить друг друга.

Лев Моисеевич задает вопрос о том, почему у нас таким большим влиянием пользуется Штраус. Я пытаюсь ему объяснить, как это я понимаю сам. Я говорю о том, что Штраусу, заигрывающему с народом, удается вводить народ в заблуждение, что рабочее движение расколото, что память людей об истории и о том, чему из нее можно научиться, разрушена, короче говоря, уже в который раз я пытаюсь объяснить то, что советские люди иногда не могут понять. Даже сегодня многие из них не понимают, например, почему в свое время в Германии пришли к власти нацисты.

Резников внимательно слушает. Кажется, в отличие от других он все понимает. Во всяком случае, он больше ничего не спрашивает. Он не любит до конца разжевывать то, что понятно само собой.

Разумеется, ему известно о старых лозунгах нацистов: истребительной войне против «еврейского большевизма», ему также, конечно, известно, что в 1945 году словечко «еврейский» в войне против коммунизма больше не употреблялось.

Сегодня те, кто поддерживает Штрауса и под другим флагом продолжает делать то же самое — проповедовать «неизбежную войну против большевизма», употребляя другие слова и лозунги, сотрудничая с американцами и т. п., — надеются все-таки выиграть эту войну. Об этом Резников не говорит. Наверное, он считает, что немцы не столь глупы, чтобы все повторить сначала. А может быть, Лев Моисе-

евич Резников думает, как Дж. Олдридж, который смотрит на это дело так: «Гитлер показал всему миру, как нельзя вести истребительную войну против коммунизма».

Уже с утра светит яркое солнце. У себя в управлении Резников хочет показать мне схематическое изображение залежей кузбасского угля. Главное управление «Кузбассуголь», где работает Лев Моисеевич, находится в центре города, на холме, который возвышается над берегом Томи. Огромных размеров куб с множеством окон довлеет над притулившимися около берега домишками. Из кабинета директора взгляду открываются садовые участки и домики, напоминающие виды старых сибирских губернских городов. А за ними открывается панорама крупного современного города.

Кабинет у Резникова солнечный. Большой письменный стол и неперенный длинный стол для заседаний. На стене, напротив окна, метровые чертежи, изображающие в разрезе Кузнецкий угольный бассейн.

— Уголь у нас хороший, но пласты залегают как попало. Разбросаны по разным местам. Поэтому уголь добывать трудно.

Во время своей недавней поездки в Федеративную Республику Германии генеральный директор Резников поинтересовался машинами для дробления породы. Оказалось, что немецкие машины хорошие, но для твердых пород Кузбасса непригодные.

— Разработку мы ведем с запада на восток, — указкой Лев Моисеевич показывает, что освоенные участки, расположенные в западной части Кузнецкого бассейна, относительно невелики, в то время как восточная часть представляет собой еще не тронутую целину. — Основная масса залежей угля расположена на юге, в районе Междуреченска. В планах на будущие годы предусматривается переоборудование имеющихся и освоение новых районов добычи.

Только в одном центральном районе находятся восемь открытых разрезов мощностью от восьми до двенадцати миллионов тонн в год. В районе между Новокузнецком и Прокопьевском, где залегают самые лучшие породы угля, добыча будет увеличена с 40 до 110 миллионов тонн в год.

— Кто проявляет инициативу в разработке новых залежей, кто в этом деле главный, Лев Моисеевич?

— Все вместе: мы, обком, министерство, ЦК. Мы анализируем и вместе с исследовательскими институтами вносим свои предложения. Предположим, что в министерстве кто-то выступит против, тогда наша задача будет состоять в том, чтобы убедить их в правильности нашего предложения. Капиталовложения, необходимые для дальнейшего развития, исчисляются миллиардами. Нужно строить новые автомобильные и железные дороги, прокладывать линии электропередач через неосвоенные территории.

— Как все это выглядит на практике? Собираете ли вы только факты или же делаете письменные предложения и ждете, пока министерство даст вам «зеленую улицу»?

— Я понимаю, — Лев Моисеевич улыбается. — Поверьте, наше управление работает неплохо, и в социальном плане нам есть что показать. Конечно, без горячих дебатов, в том числе и на разных уровнях, самых высоких, дело не обходится.

Льва Моисеевича я мог бы слушать часами. Но лучше всего я бы облетел все эти места на вертолете, чтобы обозреть панораму этого удивительного уголка земли, где человек переворачивает горы, чтобы добыть энергию людям.

Вместе с тем меня занимает вопрос о последствиях столь резкого повышения уровня производства. Что произойдет, когда энергия ископаемых источников, как огромный стеклянный колпак, накроет всю нашу планету? По мнению многих ученых, из продуктов распада нефти, газа и угля в атмосфере возникнут скопления углекислых паров, в результате чего Земля будет как бы окутана тепловой подушкой, что приведет к изменению климата. Вечные льды Арктики и Антарктики растают и затопят прибрежные районы многих стран. Или, может быть, правы те ученые, которые считают возможность такого процесса преувеличенной?

Этими проблемами энергетики XXI века, являющимися предметом исследования в Академии наук в Москве и в Академгородке в Новосибирске, Лев Моисеевич Резников не занимается. Но он хорошо понимает, что без научного прогнозирования дальнейшее развитие производства, служащего интересам людей, немислимо.

«ТУ», затрачивающий на перелет из Кемерово в Москву всего четыре с половиной часа, летит, однако, не настолько быстро, чтобы не было времени не раз вспомнить слова Степана Бескровного: если полетишь на самолете, ни черта не увидишь, не познакомишься с людьми.

И все же полет порождает такое чувство, что все, что находится внизу под облаками и под ясным небом, — все это как-то взаимосвязано и что люди не могут не задать себе вопрос, зачем на земле столько страха и ненависти? Разве мало места, чтобы договориться друг с другом? Почему мы так мало знаем друг друга? Почему нас так мало интересует, как живут другие люди, например в Кузбассе, которые не жалея сил преодолевают трудности, извлекая из земли богатства для того, чтобы согреть других людей и дать им жизнь? Люди, которые встречают приезжающего к ним с открытым сердцем и доброй волей. Располагайтесь, садитесь, угощайтесь. За мир, за дружбу, за здоровье!

А где же проходит граница недоверия? Может быть, она обозначена на географических атласах?

Из кабины пилота не видно, что нанесено на карты, и уж тем более не видно тех границ, которые возникают из стремления к богатствам, из стремления быть собственником земли, распоряжаться людьми и машинами, с помощью которых эти богатства создаются; вся эта смесь эксплуатации и страха людей кажется, если смотреть на это сверху, нечеловеческой, смешной и жестокой.

Олег прав, индивидуализм там внизу уже давно не согласуется с тем, что сразу бросается в глаза сверху. И Сибирь — об этом свидетельствует история Кузбасса — навсегда бы оставалась спящим краем, если бы до сих пор сохранялись законы собственности, с которыми рабочие и крестьяне покончили в 1917 году и которые сводились к принципу всех равнодушных: каждый за себя, один бог за всех. Нет, сейчас это не проходит, а там на земле, где это еще сохраняется, история страха и недоверия, ненависти и зависти приводит человека к духовному саморазрушению...

Нет, в Кузбассе человек не чувствует себя орудием техники, человеком на выброс, который не может разобраться в мире фальшивых грез, в ложной мишуре развлечений, чтобы найти свой путь в жизни. Несмотря на гигантское

скопление техники, здесь нет мрачного ее засилья, несмотря на суровые зимы, человеческие чувства здесь не скованы вечным льдом недоверия...

Ко времени нашего прибытия в Москву из Бессарабии возвратилась жена Олега. Лена очень мила и довольна собой, хотя между прочим и замечает, что Олег целыми днями сидит за письменным столом. Он работает без отдыха. Их просторная однокомнатная квартира на 15 этаже высотного дома устроена уютно и со вкусом. Много книг.

Рецепты различных национальных кухонь Олег объясняет с наслаждением и тем самым подтверждает, что радостей жизни несравнимо больше, чем повседневных неурядиц. Мы с удовольствием пробуем баклажаны по-грузински, которые Олег готовит не хуже Лены.

В комнату входит и представляется Федор Михайлович. Тетка Достоевского. Брат Лены. Студент, 25 лет, только что возвратился с БАМа. Говорит он без удержу. Мы смущенно переглядываемся, боже мой, чего только Федор Михайлович не видел и не слышал этим летом! И какими жалкими на его фоне выглядим мы. Только одного лося, медведей Мишу и Машу, тайменя и Томь видели мы. Но чем же это Федор Михайлович нас потчует?

— Как красив Байкал! Глаз не оторвать. Море чистой воды. Причудливые горы. Зеленое море тайги. Реки обильны рыбой и столь же чистые, что источники Кавказа. Фантастические краски гор. Вечерами они за несколько минут из светло-красных превращаются в коричневые и фиолетовые. Небо усеяно звездами.

Я чуть не вывихнул себе шею, когда сидя в лодке смотрел на небо и следил за тем, как одна за другой стремительно падали звезды и сгорали, казалось, где-то рядом за лесом. Грибов и ягод видимо-невидимо. Садись на колени и рви сколько угодно.

А какие идут дожди? Ничего подобного я не видел. Мы валим лес. Солнце парит. Температура минимум градусов 35. Появляются несколько облаков, сгущаются. Ливень. Мы прячемся в палатке. Но палатка не спасает. Впечатление такое, что рядом с тобой кто-то стоит и выливает тебе на голову одно ведро воды за другим. Через несколько минут облака редеют. Жарко. Парит. Часа через полтора снова все сухо.

Возвращаемся на просеку и снова беремся за пилу и топор. Вдруг выглядывает морда большого зверя — лось! Кивает тебе и исчезает в тайге.

В июле стоит жуткая жара, которая не спадает и ночью. В августе уже начинаются первые заморозки, но днем еще довольно тепло.

На нас специальные сетчатые хлопчатобумажные рубашки. Они настолько плотные, что через них не проникает жало насекомых. На голове капюшон с накомарником, пропитанный специальной жидкостью от комаров. И это в такую жару. Пот льется ручьями. Но без средств защиты нельзя, опасно для жизни. Взять, например, прививки от клещей. В прошлом году первую прививку нужно было делать в сентябре, вторую в ноябре, третью в мае и последнюю перед поездкой, в июне. Я на прививку опоздал. Один укус я получил. Чуть было не подскочил от боли. Мне сделали три больших укола. Врачи находятся в стационарных пунктах. На расстоянии около 40 километров друг от друга на трассе. Если выйдешь на дорогу и поднимешь руку, то остановится любой шофер. Смертных случаев от укусов змей среди студентов до сих пор не было, один умер от укуса клеща. Вот такой же клещ укусил и меня. Десять дней я пролежал без движения в полусознательном состоянии, с температурой под 40 градусов. Ни есть, ни пить было нельзя, одни только уколы, чтобы вышел яд. Боли во всем теле. Только идиоты скрывают, что у них нет прививки. Единственным идиотом оказался я.

Но я поеду туда снова. В следующие каникулы. Это совсем другой мир. И друзья настоящие. Живем группами по 20 человек.

В поселке Кичера, где я был, год тому назад находилось 600 человек, сейчас — полторы тысячи.

Кто хочет остаться навсегда, может построить себе собственный дом. Деньги и материал дают сразу. Пока здесь живешь и работаешь, дом остается за тобой. Если уезжаешь, то его передают другому.

Главное проложить трассу. Огромные машины валят и очищают лес. Ширина трассы от 50 до 60 метров. В девственном краю, куда не ступала нога человека. Прежде чем положить шпалы и рельсы, возводят насыпи. К концу 1985 года вся дорога будет готова.

Без вертолетов здесь не обойтись. Ковши экскаваторов такие, что за один раз можно нагрузить большой самосвал. Самосвалы подходят каждые три минуты. В течение всего дня. Работают по сменам. Шоферы — настоящие герои БАМа. Недаром трасса называется дорогой мужества. Зимой они едут по чистому льду, преодолевая подъемы под углом в 40 градусов. А рядом пропасть. Весной и осенью по болотам и грязи. Самое лучшее время года — лето, особенно начало августа.

Есть горячие источники, и каждый день случается что-нибудь новое. Вдруг прибегает девочка и кричит, что хозяин тайги пришел. Мы обедаем. Спокойно встаем. А что делает медведь? Забирается в угол, где хранятся банки со сгущенным молоком. Хватает одну за другой, раздавливает их, струи молока ударяют в потолок палатки. Сверху капает молоко. Как ни в чем не бывало медведь подставляет морду и слизывает молоко языком. «Убирайся, пошел», — кричим мы ему. Но хозяин тарачит глаза, продолжает шалить и, не уничтожив все банки, не уходит.

А по ночам он возится в мусорной яме. Выбирает остатки пищи. Чтобы не налетели мухи, мы закрываем яму ветками. Хозяин тайги проваливается в нее. Слышится похрюкивание и чмоканье. Стреляем в воздух. Медведь убегает.

Приходим обедать в палатку. Повариха Галя сидит на табуретке и ревет. Все пакеты с сухим компотом порваны и его торопливо пожирают набежавшие откуда-то бурундуки.

Опасны змеи. Особенно, когда меняют кожу, до этого они месяца полтора ничего не едят. Я близорукий. Забыл как-то очки в палатке. Вдруг слышу сзади какое-то шипение. Я замираю. Стою, не двигаюсь с места, говорю товарищу, подай мне топор! Рядом со мной увивается змея. Спокойно наставляю топор. Резко ударяю. Все кончено.

Птичка кедровка очень забавная. Услышав звук падающих шишек, она прыгает с ветки и прямо-таки вырывает из руки орешки. Человеку она не хочет оставлять ничего.

Если кедровку слегка развлечь, то она будет ласковой. Посвистеть, например, в гильзу патрона. Будет слушать, как бурундук. Даже шишку выпустит и доверительно по-

дойдет ближе, наклонит резко голову, вспорхнет тебе на плечи и начнет слушать. Но шевелиться нельзя. Иначе кедровка удерет. Поднимет кверху хвостик и недовольно свернет в трубочку язычок. Нужно быть внимательным. Клюв у нее острый.

А бурундук — это младший брат медведя. Он, как и медведь, собирает все, что съедобно. Хозяин тайги любит запустить лапу в его запасы. Съест и убежит. Бурундук же находит свежий след медведя и собирает затем всю свою родню. Собравшись, они начинают свистеть, как свистели из патрона, бывало, мы, чтобы отпугнуть медведя...

Федор Михайлович рассказывает одну историю за другой, забывая про еду, хотя сестра ему постоянно напоминает об этом. Нам остается только удивляться. Если бы за столом не было Олега, мы не проронили бы о нашем сибирском лете ни слова. Он первым выражает свое нетерпение, слушая своего шурина со все более заметным снисхождением.

— Федя, да ты просто Мюнхгаузен.

— Это почему? Ты не хочешь мне верить только потому, что ничего не прочел об этом в своих книжках!

— Мюнхгаузен, — решительно повторяет Олег.

— Нет, Олег, Бамхаузен, — включается в разговор Сильвели, испытывающая слабость к различного рода каламбурам.

— Олег! У него же ведь такое имя и отчество! Помнишь, в шахтерском ресторане ты говорил, что Достоевский у вас постоянный гость? Федор Михайлович Бамхаузен, ясно!

Сильвели и я довольны тем, что нас занесло в Сибирь этим летом, хотя некоторые и говорили нам, что мы сумасшедшие. Нет! Следующий раз мы поедем вслед за Федором Михайловичем на БАМ. Нас ждет еще не одно сибирское лето...

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие <i>О. Бенюха</i>	5
Гарольд Гриффин. СОВЕТСКИЕ РУБЕЖИ БУДУЩЕГО	
<i>Перевод с английского Л. Огульчанской</i>	13
От Юкона до Сибири	15
Нефть из-под сибирских болот	28
Старые и новые сибиряки	39
Переброска стока рек: великий спор	50
Дорога в будущее	60
Край, оживший при социализме	70
Плотина на вечной мерзлоте	87
Там, где вода, там жизнь	100
Их призвание — космос	108
Фридрих Хитцер. СИБИРСКОЕ ЛЕТО	
<i>Перевод с немецкого Ю. Филиппова</i>	127
Дом на колесах, или спальный вагон для голубков	129
Полетишь — ни черта не увидишь	134
Баба Лена и два представления о простоте жизни	137
Такого никто не проведет	145
Клава	149
Первая пресс-конференция	155
Знакомые места	161
Без стали не может быть государства	169
Домики в волшебном лесу	181
Ветераны вспоминают	186
Не будешь поспевать за жизнью — пропадешь	193
«Черное золото»	199
Город между двумя речками	210
В первый раз	218
Генеральный директор	226

ПО СОВЕТСКОМУ СОЮЗУ

ИБ№ 11904

Редакторы *А. К. Орлов, А. Ф. Лаерик, О. Р. Лапатухина*. Художественный редактор *А. Д. Суима*. Технический редактор *Т. К. Купцова*. Корректор *М. А. Таги-Заде*

Сдано в набор 06.09.82. Подписано в печать 09.02.83. Формат 84×108¹/₃₂. Бумага офсетная. Гарнитура таймс. Печать офсет. Условн. печ. л. 12,6+2,52 печ. л. вклек. Усл. кр.-отт. 17,25. Уч.-изд. л. 14,24. Тираж 30 000 экз. Заказ № 1616. Цена 90 к. Изд. № 35715.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Прогресс» Государственного комитета СССР по делам издательства, полиграфии и книжной торговли.
Москва, 119021, Zubovskiy bulvar, 17

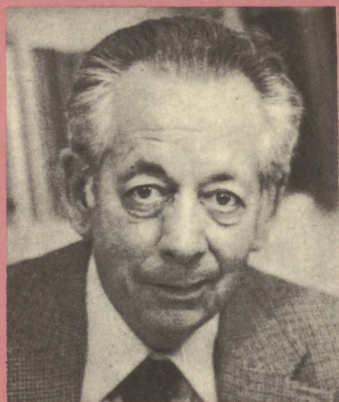
Ордена Трудового Красного Знамени Калининский полиграфический комбинат Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательства, полиграфии и книжной торговли. г. Калинин, пр. Ленина, 5.

ГРИФФИН, ГАРОЛЬД.
«Советские рубежи будущего»

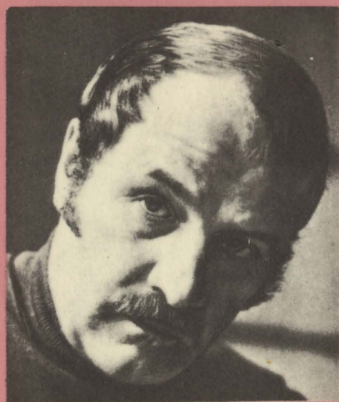
Эта книга — результат многочисленных поездок автора по Советскому Союзу, во время которых он встречался с рабочими и тружениками сельского хозяйства, инженерами и учеными, писателями и космонавтами... В ней рассказывается о поразительных успехах развития Сибири, о достижениях в освоении пустынных земель и покорении космоса. Автор увлекательно повествует о прошлом и настоящем, показывает, часто проводя сравнительный анализ, широкую панораму того, что считает великим успехом социализма.

ХИТЦЕР, ФРИДРИХ.
«Сибирское лето»

Писатель неоднократно бывал в Советском Союзе. Свои последние поездки он совершил по одному из промышленных районов Западной Сибири — Кузбассу, посетив города Новокузнецк, Кемерово и Междуреченск. В книге автор воспроизводит беседы с людьми различных профессий и общественного положения. Встречи происходили на предприятиях и в квартирах, в рабочие будни и выходные дни, за гостеприимно накрытыми столами и в тайге. Читатель найдет в книге интересные сведения о повседневной жизни, отдыхе, быте и нравах советских людей, проживающих в этом районе.

Канадский писатель, поэт и историк Гарольд Гриффин родился в 1912 году в Англии. Трудовую деятельность начал в 15 лет в качестве репортера в Лондоне, а три года спустя эмигрировал в Канаду, где работал шахтером на золотых приисках, был рыбаком, сотрудничал в ряде ежедневных газет, стал активным профсоюзным деятелем. В течение многих лет являлся редактором газеты канадских коммунистов «Пасифик трибюн», а в последние годы — газеты «Фишермен», органа профсоюза рыбаков. Автор трех работ по истории и современному положению Канады и трех поэтических сборников.

Фридрих Хитцер родился в 1935 году в Ульме (ФРГ). Получил образование в университетах Оклахомы (США), Мюнхена и Москвы. Живет и работает в Мюнхене. Член Союза немецких писателей, с 1973 года — член коммерческого правления Баварского отделения Союза писателей, член Правления Баварского общества по развитию отношений между ФРГ и СССР. Один из основателей и соиздатель журнала «Кюрбискерн», с 1969 года — главный редактор журнала. Известен как писатель, публицист и общественный деятель.